

ННН

Виктор Власов

ПОД СТОПОЙ ОДИНА

ОТ АВТОРА

Я обратился к этому тексту неслучайно. Некий новоиспечённый учёный-документалист и хронолог, с которым я познакомился, будучи в командировке в США, затеял спор по поводу так называемой «альтернативной истории», которой, по его мнению, слишком увлечены русские. Дескать, «Велесова книга» – подделка, а героическую историю славян сочиняли Ломоносов, Ключевский, Карамзин, чтобы утереть нос индоевропейцам-немцам, так называемую русскую культуру реконструировали последователи Шишкова из литературного кружка «Беседы любителей русского слова» и тому подобная чушь. Лже-историки нового времени – Чудинов, Левашов, Трёхлебов и прочие А.Хиневичи лезут из кожи вон, доказывая древность самодельной славяно-арийской историко-культурной модели.

Всё это, мол, уже было – в другие эпохи и в других странах. Так, в частности, исторические исследования англо-шотландского спора о единстве двух народов показывают наличие долгой традиции подтасовок и подделок важных культурных артефактов христианскими учёными и

монахами, ангажированными из противоборствующих политических лагерей. Вся История настояща на более-менее приемлемой лжи.

Я не стал ему возражать. Взяв оригинал своего любимого шотландского поэта Бёрнса, поспорил со своим приятелем, что могу быть неплохим переводчиком. Прочитав мои переводы некоторых английских классиков, Эндрю Уотсон решил, что лучше мне поработать не с «высокопарным» текстом, а, скажем, с тем, что написал, быть может, какой-нибудь конюх или миссионер, не имеющий отношения к «великой традиции классической английской литературы». Со старинного английского языка я переводил несколько месяцев, затем над моим переводом трудились несколько редакторов. По старой дружбе ОНИ, как это называется, «адаптировали» мой текст в читабельное произведение, погрешив против стилистики оригинала ради того, чтобы их поняли современники. Ну, а теперь о качестве сего труда судить читателю.

*Над головой его вопила,
Подскакивала и металась ведьма,
Паря над копьями и над щитами;
О, та была седая Марригу.
/старинная поэма/*

Влажный морской ветер, окропляющий мокрые камни друидического кромлеха свистящим дыханием, был неестественно тёплым и мерзким, нёс отвратительный сладковатый запах разлагающихся останков. Погасла узенькая щель на горизонте, в которую провалилось рдяное солнечное колесо заката, только что висевшее на самом краю горизонта между сизой тучей и землёй. Вытянулись и сгустились тени высоченных деревьев – остатков Каледонского леса древней Великой Альбании¹, что нынешние народы, смешавшиеся потомки нескольких волн завоевателей, называют Шотландия² – то ли «Страна щебня», то ли «Цветущая земля». Небо потемнело, приняло малиновый оттенок, дрогнуло и опустилось, словно Тор ударил по нему гигантским молотом. Братья и сёстры, крепкие, отчаянные воины, тесно сгрудились вокруг старой повозки, где лежал, не в силах говорить, первый вождь их небольшого клана, славный Фэрганем Таурус³...

Красно-жёлтый, плотный, как шёлковая ткань, переливающийся серебром и золотом туман клубился у подножья холма с кромлехом на вершине, и ветер не мог его одолеть.

¹ Шотландию римляне называли Альбанией, а покрывавшие её леса – каледонскими (тип смешанных лесов).

² Schotte – нем. *шотландец*; Schottung – нем. *щебёночная россыпь*; Land – нем. *страна, земля*. А также Scoth – гаэльское: *цветение, расцвет* (скотты, вероятно, имеют в виду обширные поля цветущего вереска).

³ Feargananim – гаэльское имя: *человек без имени*; Taurus – латинское: *Телец* (созвездие и знак зодиака).

Громадные одноглазые жители обратной стороны Ирландии и Дал Риады⁴ – фоморы⁵, их боевые чудища – вылезающие из тумана, забирались проворно по высоким и крутым отвалам. О, Великий Один⁶!.. Месиво из хрупких черепов и зловонных останков чудовищ, залитых кровавым мозгом, поглощало тела павших в бою соратников... Уродливые создания, насекомоподобные и человекообразные, неслись гурьбой, хрустя ломающимися костями, скрежеща грудями окровавленных доспехов, перемешанных с плотью – плотью живой, протяжно пищащей и стонущей, как безумный, умирающий от гангрены полупарализованный человек. Серые, чёрные, в пёстрой слизи, морские, горные, болотные уроды стремительно обступали оставшихся в живых воинов фиана⁷, отрезая пути отхода. *ЗОВ*, что гнал и гнал эти создания в нескончаемую атаку, слышали теперь и воины «Финнесса⁸». Ни один воин в отряде не понимал, *КТО* за ними пришёл... В жуткой безразличности ли, в азартном упоении, но все как один «белые горностаи» самозабвенно сражались – сражались неистово! Рассекали воздух сверкающие мечи, отбивали удары круглые, обитые кожей деревянные щиты с острым шипом посередине, без усталости взмётывались и рушились на головы, плечи, спины врагов боевые топоры, цепы, молоты-клевцы, пробивающие самый прочный панцирь. Хрусть-хрусть, крек-крек... плоть уродцев была крепка, как морёное дерево, сталь застревала в ней, ломалась...

За действием на холме из крови и костей наблюдали – НЕКТО из другого мира. Их было пятеро, человекообразных, худых и чёрных, как головешка, в непонятных ниспадающих одеждах, отдалённо похожих на гаэльский плащ. Безобразная ведьма висела над ними и, глумясь, распевала свои заклинания. Вождь «горностаев», Шеффри Мак Дар⁹, знал, кто она, но не понимал, почему Сорча¹⁰ сейчас вместе с его врагами.

⁴ Дал Риада – первое королевство скоттов и пиктов.

⁵ Мифические обитатели Ирландии, подчинившие себе первых людей.

⁶ Вероятно, культ Одина был занесён в королевство Сомерледа (северо-запад Шотландии) потомками скандинавских викингов.

⁷ *Фианы* – отряды народной милиции в гэльских районах, а также легендарные полубожественные воины – *фениш*.

⁸ Finn – гаэл. *белый*; Nessa – гаэл. *горностаи*.

⁹ Seafraid Mc Dar – ирландское мужское имя, означает: *земля божьего мира, сыном дуба хранимая*; Мак Дар – имя одного из раннехристианских ирландских святых: *сын дуба*, вероятно, переосмысленное друидическое.

¹⁰ Sorcha – шотландское жен. имя: *сияющая, лучезарная*.

– *Я не могу найти себя!* – эта мысль страшила больше смерти. – *Братья и сёстры погибают, а меня словно нет... где я? (Будь проклят этот моровой¹¹ туман!) Сражается и лекарь Миддий, и «Тёмная волчица» Лаурина¹²... Она погибла! Я не спас её?*

– *Ты наш, НАШ!* – послышался шёпот. Как будто один из этих нелюдей дышал прямо в ухо...

– Папа?

Милый детский голосок вырвал Шеффри из лап дикого ужаса, успокоил мятущийся дух.

Проснувшись, взбудораженный кошмаром, мужчина долго всматривался единственным глазом в изумлённое лицо сына. Вздохнув, он погладил славного мальчугана по голове, поворошил смоляные кудри, густые, мамины.

– Пап, ты говоришь во сне? – в полумраке спросил Рэнулф¹³ с чувством тайного восторга – так дети обнаруживают нечто новое в своих родителях. – Интересно, мама тоже говорит, когда спит? – Рэнулф задумался, сдвинув тонкие брови и наморщив крупный прямой нос. Он с восторгом потрогал замысловатое устройство на левой культе отца. Холодное и острое. Мини-арбалет. Заряженный.

Медленно кивнув, Шеффри насторожился. Взяв в правую руку белую костяную подвеску – руну Одина – со своей груди, он молился, закрыв глаза.

– Никого тут нет, пап! – капризно бросил мальчик, обхватив могучие литые плечи отца. – Расскажи что-нибудь, ты ведь служил лэрду Уильяму О’Беолану, де Россу, и прошёл огонь! У тебя столько шрамов... Хочу, чтобы у меня было их больше!

Он бросился на отца – бороться. Осторожно отведя в сторону арбалет, крепко притиснув мальчика правой рукой к своей широченной груди так, что сын глухо завопил, Шеффри приподнял полог, огляделся.

¹¹ У этого слова двойственное значение: это и особая ткань, качествами которой описан волшебный туман, морок, и нездоровое поветрие – мор.

¹² Laurina – нидерландское и др. жен. имя. Уменьш. Laurie (Лаури), Riena (Рина), Rieneke (Ринеке); валлийское: Lougi (Лоури). Лавр – символ клана Бойдов, лордов Эйршир.

¹³ Ranulph (англ. Rafe [рэйф]) – шотл. муж. имя: совет волка.

Выше гор на звёздном небе повисла полная, ясная луна, серебрившая выступы скал, но ещё не дававшая достаточно света. Вокруг было хмуро, пронзительно-сыро, но домой ехать всегда здорово, в любую погоду. Кони шли, похрапывая, не торопясь; давя мелкие камни, безмолчно скрипели колёса. Старик возчик бормотал в ночи что-то длинное и ритмичное – от беспортошных голоногих лиходеев, которыми кишели окрестности. Через пару дней они придут в деревушку Бейз в Северный Эйршир. Отпустив сына, Шеффри хитро улыбнулся. Рэнулф не унимался, горели в полумраке его зрачки. Мальчишка походил на упрямого жука, который пытался сдвинуть гору...

– Ты прав, сын, – левый, единственный глаз Шеффри Мак Дара, проняло голубой слезой. – Ехать-то нам с тобой ещё долго, расскажу...

Рэнулф затаил дыхание. Отец долго молчал, потом заговорил – тихо, с непонятной гложущей болью, голосом хриплым, словно он залпом выпил чашу ледяного эля. В голосе отца слышались отзвуки потустороннего, того, что мальчик не понимал, а только смутно ощущал. Рэнулф пытался всматриваться в крупное лицо, обрамлённое короткой сидящей бородой, которое, то деревенело и, казалось, превращалось в камень, то наоборот – оживлялось и сияло. Воображение мальчика дорисовывало то, о чём отец рассказывал невнятно или вообще пытался умолчать.

– Прочь, негодяи? Покрошу! – толсторожий крепыш, упакованный в «железный джек¹⁴», стоя враскоряку возле сельской кузницы, угрожал огромным двуручным мечом. – Вам не пройти, приبلудные псы! Убирайтесь к своему Длинноногому сассенаху¹⁵! Не видать ему нашей дани!

Несколько пеших солдат в обержонах, по виду действительно напоминавшие обносившихся английских йоменов, опасно переминались с ноги на ногу на почтительном расстоянии.

¹⁴ Кольчуга с капюшоном.

¹⁵ Сассенах – презрительное название англо-саксов шотландцами; Длинноногий – Эдуард I Английский.

– Опомнись, Гобан Мак Шенах¹⁶! – звонким голосом воскликнул невысокий молодой воин. – Того Эдварда¹⁷ проклятые кости крысы в склепе обглодали!

– Это всё Баллиол! Он шлёт своих шпионов далеко на север, чтобы снова... Эдвард Шотландский принёс оммаж Эдварду Английскому¹⁸ – ему нет дела до свободы Шотландии! До тех пор, пока жива будет хотя бы сотня из нас, не поддадимся английской власти!¹⁹ – Мак Шенах безумно хохотал, бросая дерзкий огненный взгляд на пятерых воинов, не решающихся подойти.

Задрав голову и вытянувшись в рост, он походил на жирного суслика, который стерёг выводок. Водя носом по ветру, кузнец шумно вдыхал бледно-серый дым костров, что полыхали в этот летний день на обочинах дороги. Он улыбался мрачно и широко пустой улыбкой человека, которому нечего терять.

«Тёмная волчица» Лаурина спешно прикидывала тактику нападения на безумца. Экую выковал себе необыкновенную громадину²⁰! Пока дотянешься – в лапшу изрубит. Конечно, можно продырявить ему глупую кочерыжку, не прикрытую кольчужным капюшоном, метнув копье, но «добрый кузнец» нужен был живой и невредимый. Таурус велел собрать лучших воинов, всех до единого.

– Ждёте подкрепления, да, собаки? – Гобан опустил меч на плечо. – Вам и десятиером не одолеть меня! Зарублю! Вы – паршивые гниды на пузе свиньи!

Вдруг Лаурина заметила позади кузнеца стремительное движение. Из-за спины мужчины вынырнул здоровенный сутуловатый парнище и обхватил того поперёк груди массивными длинными руками. От неожиданности Гобан разжал хват – тяжёлый меч сполз и брякнулся оземь у его ног. Что произошло дальше, никто не понял. В воздухе мелькнули ноги кузнеца, его небольшая туша грохнулась в пыль; миг – и парень уже сидит на спине поверженного, удерживая обе кисти на излом.

Мак Шенах лежал, яростен и напряжён, в безумстве багровое лицо перекосило гримасой. Он рычал, как лев, рвался, силясь освободиться, казалось, вот-вот лопнут

¹⁶ Goban Mac Seanach – шотл. муж. имя: *кузнец, сын мудрого старца*.

¹⁷ Шотландское произношение имени Эдуард.

¹⁸ Оммаж – принесение присяги о личной вассальной зависимости (1332 г). А 20 января 1356 года Эдуард Баллиол, не имея наследника, вовсе отрёкся от престола в пользу Эдуарда III Английского в обмен на пожизненное содержание.

¹⁹ Фраза из Декларации независимости Шотландии.

²⁰ Двуручные клейморы (англ. claymore – claidheamh mor – гэл. *большой меч* и, возможно, слав. *меч-кладенец*) в середине XIV века в Шотландии практически не встречались. Первые упоминания о клейморе относятся к 70-годам XIV века.

набухшие вены у него на висках. Разбросав ноги, левой рукой удерживая руки противника, правой парень потянулся к голове Гобана и заломил её назад.

Усмирение произошло так быстро, что лишь теперь Лаурина смогла рассмотреть неожиданного союзника.

На вид ему можно дать лет пятнадцать, не больше. Крепко сбитый, широкоплечий, длиннорукий, как здешние аборигены, пикты. Но светлые «льняные» волосы и борода, голубые глаза с длинными ресницами выдавали примесь скандинавской крови. На парне была надета шерстяная рубаха, продранная на локтях и во многих местах прожжённая, шерстяные же, до щиколоток, штаны.

– Слюнявый юнец... – подумала «Тёмная волчица». – Едва вызрел, а уже плющит железо... Кем же, кроме подмастерья, мог быть этот крепыш? Не сын, явно – не похож... Не местный?

– Эй! Не скрути башку этому индюку!

Воины спеленали кузнеца пеньковой верёвкой по рукам и ногам, подтащили и прислонили тушу в сидячем положении к булыжной стене. Чтобы не орал, заткнули рот пучком травы.

Подросток стоял, тяжело переводя дух, и нагло пялился на начальницу отряда.

– Ты из какого клана, герой? – «Тёмная волчица» взглядом смерила парня с головы до пят: футов семь будет!

– Приблудный он, не видишь что ли! – захохотал Мак Шенах, перекусив и выплюнув кляп.

Лаурина резко повернулась к пленному.

– Что, пришёл в себя, вояка? Где бычка подманил, небось, в Аргайле на побережье?

– Поди-ка сам и приблудил! – грубо захохотали воины, сойдясь в кучу.

Парень шмыгнул толстым кривоватым носом, насупился, сжав обветренные губы. Видно было, что этот деревенский увалень обижен, но уходить он не спешил. В голове юнца с трудом рождалась единственная, но очень важная фраза.

– Иду с вами! – наконец выпалил он.

Небольшой отряд Фэрганема Тауруса стоял лагерем на землях потомков Джеральдины, обосновавшихся на территории исторической области Росс²¹. Частью это были ирландские наёмники, родичи клана Маккензи, но кроме сине-зелёных гэлов под началом вождя собралось немало норвежских морских разбойников, которые также считали Гебридские острова и побережье своей родиной. Жителей восточных мормэрств, лоулендеров, и выходцев с континента Таурус не жаловал.

Сейчас Ферганем Таурус что-то затевал, но Лаурине было всё равно, что именно. Она сама вызвалась возглавить этот рейд, необходимый для оповещения вождей катхи²². Главное они уже совершили: двое из трёх вождей получили известие о предстоящем Совете. По пути собирали людей из особого списка, умельцев, так или иначе связанных с отрядом Тауруса. С кузнецом вышло нехорошо... Зато у них новое приобретение – подмастерье Гобана, возможно, окажется полезен не только в кузнице, но и в отчаянной рубке. Молод и силён, решителен, достаточно ловок и, отметила Лаурина, недурен собой, пусть не слишком разговорчив...

Сокращая время перехода, воины двигались не по проезжим дорогам, а по охотничьим тропинкам, почти напролом через горы и теснины. Географически рельеф Хайленда не благоприятствует путешествиям в том направлении, которого старались придерживаться сотоварищи Лаурины. Древние горные хребты тянутся с северо-востока на юго-запад, то есть всякий раз, перевалив через горы, воины были вынуждены снова лезть вверх. Времени тратилось много именно на отклонения от маршрута. Приходилось то долго брести по низине, то не менее долго карабкаться по скале на очень приличную высоту, тропой дровосека просачиваться сквозь лесные завалы, перебираться через узкие промоины верховий маленьких, но злобных горных речушек. Сейчас же отряд медленно продвигался вдоль границы пёстрого болота²³, превратившего реликтовое мелководное озеро в невысокий пологий торфяной холм. На общем пёстром фоне сфагновых мхов то здесь, то там высились клочки розового вереска, белой пушицы...

²¹ За помощь в борьбе против норвежцев Шотландский король Александр III в 1266 году даровал ирландским наёмникам область Кинтайл и замок Эйлен Донанн в аббатстве Росс.

²² Catha – подразделение, численностью три тысячи человек. В каждой тысяче – по командиру, у каждой сотни – свой офицер, пятидесятники и десятники. Такова структура гаэльского фиана (народной милиции) согласно летописцам: Киттинг, О'Курри, д-р Джеймс, д-р Дуглас Хайд.

²³ Склоны нагорий Шотландии и западных островов покрыты слабо дренированными сфагновыми болотами и вересковыми пустошами на сухих участках (uadream.com).

Хотелось пить. Шеффри нёс за спиной тяжёлый меч, по причине своей уникальности не имевший ножен. Ноги проваливались в мокрый мох, иногда по колено. Парень ещё никогда в жизни не удалялся от жилья на такое расстояние и кроме кузницы да деревни ничего не помнил. Он, конечно, знал, что Гобан ему не родной, но другого-то не было... Кузнец гонял парня без жалости, но напрасно не обижал. Кормил и поил всегда вдосталь, а к сельским девкам на праздники не отпускал – прятал что ли? Или силу его мужскую берёг, молотом махать... Поэтому, наверное, Шеффри отважился восстать против своего хозяина и кормильца – впервые увидел вблизи молодую женщину. Да какую!

– Пересохло? – слева шёл воин в жёлтом льняном акетоне с круглым щитом-баклером на животе. У него за спиной, как у фирболга²⁴, висел кожаный мешок, из мешка выглядывали тростниковые трубки волынки.

Шеффри кивнул.

– Нагнись, зачерпни мох – пей... Это чистая вода, синий мох убивает заразу²⁵.

Вода была невкусной, но жажда отступила. Парень с благодарностью поглядел на советчика, решив, что оплатит при случае добром.

Вёл отряд проводник-горец, «мохноногий». В отличие от льняной и шерстяной деревенской одежды, для переходов по высокогорьям здешние обитатели предпочитали одеваться теплее – в оленье шкуры. В какой-то момент проводник свернул на ему одному известную тропинку и двигался, петляя между небольшими, но коварными озёрками – «окнами». Рухнув в такое окно, человек может там и остаться, если начнёт барахтаться с перепуга. Надо лечь на живот и без суеты стараться подтягивать себя к бережку. Или смиренно лежать и ждать, когда тебя обнаружит случайный прохожий, ну, или фермер – тысячу лет спустя, после расчистки торфяника под картофельное поле²⁶ найдёт тебя, целёхонького, законсервированного магией дуун-ши²⁷... Неким чудом горцу удавалось не проваливаться – он даже не взмок, хотя остальные члены отряда к вечерней заре походили на выдр. Из последних сил выползли они на сухое, встряхнулись. Решили заночевать на этом островке.

Ночь в горах наступает быстрее, чем на равнине. Стиснутая хребтами лощина заполняется тьмой в считанные минуты. Похолодало, заморосил дождь. Семеро спутников

²⁴ Фир Болг – «люди с мешками» - одна из ранних волн мифологических колонизаторов Ирландии.

²⁵ Сфагновый мох верховых болот выделяет йод и действительно стерилизует болотную воду.

²⁶ Анахронизм. Картофель в Европу привёз в 1580 г. монах Нероним Кордан.

²⁷ Эльфы в Шотландии.

сидели кружком, теснясь к костру. В ожидании горячей овсянки и напитка из сосновых иголок грызли копчёную оленину. Воин с забавным именем Банван²⁸ священнодействовал над висящим на костре котлом.

– Ловко ты свалил кузнеца, приятель! – поддел Шеффри сосед, отшвырнув обглоданную рёберную кость и сплюнув. – Бороться у пиратов научился?

Шеффри нахмурил брови. Он не помнил... Кстати, отчего?

– Да ладно, – пожал плечами сосед. – Не хотел я тебя обидеть, парень. Завидую просто... Тебе бы сам Фэрганем экзамен устроил – вот кто боец! Похитрее тебя будет!

Шеффри не хотелось разговаривать, да он и не умел распространяться подолгу. Это ж не кувалдой махать и не кулаками... Он поискал глазами того воина, который днём на переходе помог ему советом. Патрик смазывал оружие.

– А жаль, что хозяин этого меча спятил, – продолжал сосед Шеффри, помолчав. – Тебе надо было и кольчужку забрать у Гобана – по горам носить здоровья бы хватило, даром что молод. Ну, а ринешься с мечом в битву, лучники тебя издалека и подстрелят как оленя. Хороши у саксов лучники! Хотя и наши не хуже.

Запахло кашей. Банван разливал в подставленные деревянные миски²⁹.

– Помолчи-ка, Уистен³⁰, – оборвал разговорчивого воина сосед справа. – На, парень, горячего похлебай... Да не гляди такими глазами на Лаурину: твой меч для её ножен великоват! – неожиданная сальная шутка вогнала Шеффри в краску и он, опустив очи долу, поспешно принялся за еду.

Спать располагались на месте тёплого кострища. Набросали сосновых веток и расстелили плащи, улеглись, плотно прижавшись друг к дружке. Начальница отряда удостоилась отдельного шалаша. Выставили часового: что же, что вокруг болото! Если они пробрались на этот островок, значит и чужие могут... Первая смена досталась Патрику. Воин не спеша вынул из-за правого голенища баллок³¹, выбрал дерево повыше,

²⁸ Banbhan – ирл. муж. имя: *поросёнок*.

²⁹ Нигде не нашёл информации о походной утвари средневековых шотландских воинов. Однако полагаю, в те времена подобная посуда должна была использоваться. Не только ведь белок да ёжиков в глине запекали!

³⁰ Uisdean – шотл. муж. имя: *каменный остров* (от сканд. Eysteinn).

³¹ XIII – XVII вв. - обоюдоострый нож с прямым клинком, предшественник дирка (шотландский охотничий нож, кинжал, кортик).

кривее прочих, и с силой вогнал клинок в его толстый ствол. В скоротечном ближнем бою, если что, отобьётся секирой да баклером, обезоружит врага... А так спокойнее³².

Лаурина долго ворочалась. Холодно одной. Темнота, болотная сырость, крик птицы в ночи... Или местная нечисть разгуливает под луной... Луна круглая, полная. Хруст ветки где-то поблизости, совсем рядом! Лаури нащупала кинжал и взялась за рукоять. Отодвинулась ветка, заслонявшая выход из шалаша со стороны поляны, на которой ночевали воины.

Девушка сделала вид, что крепко спит, а сама, превратившись во взведённую пружину, вытянула из ножен острое лезвие...

Большое и тёплое тело осторожно прилегло рядом с ней, сильная рука нежно обняла... «Почему нет?» – решила «Тёмная волчица» и спрятала кинжал... Долго лежали в обнимку. Парень согревал её не хуже печки, не делая попыток овладеть, легко, едва прикасаясь, охватив грудь и живот прямо по многослойной прошитой ткани обергона.

– Ты чего меня гладишь, как козу? – тихо шепнула девушка.

Шеффри замер, пойманный с поличным.

– Телок, девками не балованный! – Лаури повернулась к парню лицом, улыбнулась.
– Не бойся. Не зарежу... Хотя ты, воин, правда, сильно рисковал... Отчаянный! Или дурень.

Рука девушки прошлась по волосам, по плечу, по груди неожиданного любовника. Тот крупно дрожал... Лаурине показалось, что этот парень её... боготворит? Не как невесту – как маму... Фу ты! Что с таким делать?

– Иди к мужчинам, пока они тебя не вытащили за ноги и в болоте не утопили, Мананнану³³ на съеденье.

– Пускай! – разлепил губы парень. – Я никого не боюсь. Теперь пускай!

– Да как будто не за что! – хихикнула Лаури. – Как дешёва твоя жизнь, однако, парень! Отдашь за меня?

Шеффри Мак Дар глядел на неё в темноте горящими глазами, едва дышал.

³² Суеверный ритуал: защита от нечисти.

³³ Божество водной стихии (моря, озёр, болот).

Лаурина привлекла его к себе, обнимая плечи.

С первыми лучами солнца отряд двинулся в путь. Предстояло отмахать ещё немало миль по пересечённой местности. Они уложились бы в одни сутки, умей летать через ущелья, бурные реки, но живописная горная страна, которую пересекали, двигаясь с востока, к северо-западу, создавала немалые трудности. Пробираться приходилось вдоль рек и озёр, по узкому серпантину у подножия скал, рискуя подвергнуться нападению горцев из враждующих кланов.

На этой ночёвке отряд потерял проводника. Проснувшись наутро, Лаурина обнаружила остывший труп «мохноногого» без признаков насилия. Ночные караульщики ничего подозрительного не видали, не слышали и, как могла случиться смерть одного из спящих, не могли объяснить. Несчастного оставили не погребённым.

– Маркхэм был язычником. – Тихо сказал Дикон. – Но мы ведь не станем швырять его тело в болото, иначе всем нам несдобровать.

– Клянусь спасением души, Дик прав. – Подтвердил Уистен.

– Как станем выбираться? – Лаурину тревожило насущное.

Взялся вести отряд Патрик. Родом из Гарморана³⁴, воин бывал в переделках и в лесах Гранпианского нагорья³⁵, и южнее, на болотах Раннох-Мур.

Вторым ступал Шеффри, страховал опытного осторожного Патрика. Остальным это обстоятельство придавало уверенности: если кочкарник выдержал такого детину, им, мелким да лёгким, опасаться нечего. Патрик двигался, ориентируясь на какие-то свои приметы, петлял, иногда возвращался, а Шеффри держал наготове длинную слегу. В траве шуршали болотные гады, спешно уползая прочь. За спиной послышался вскрик – и всплеск! Шеффри оглянулся: Банван, оступившись, скользнул в «окно», но не лёг неподвижно, а поплыл – почему-то не вперёд – назад! Все воины стояли, в изумлении не решаясь броситься ему на помощь. Непонятно, как себя вести, не успели подать

³⁴ Прибрежная область на среднем западе Шотландии.

³⁵ Труднодоступная и малоосвоенная область центральной части страны, центр партизанского сопротивления англосаксам.

спасительную ветку – Банван в ужасе кричал, колотил руками по воде и вырванному мху, но незримая сила влекла его к островку, оставляя взбаламученную полосу грязи, которая тут же вязко смыкалась, замирая навек. Не прошло и нескольких минут, крики смолкли, над болотом повисла вязкая тишина...

– Кау! – голосом выпи трясина всплакнула, выведя людей из ступора.

– Вперёд! – отчётливо и жёстко скомандовала «Тёмная волчица».

Подгоняемые жутью только что пережитого, воины, выдавшие смерть и в бою, и в жестоких расправах с пленниками, поспешно двинулись прочь от гиблого места, крестясь и взывая к Святым... Неслучайно проводник, вступая в лес, болото, лощину, делал подношение! Вот так, не скормили трясине тело покойника, нечисть обиделась и сама для себя выбрала из них самую лакомую жертву – *поросёнка*³⁶.

До полудня отряд пёр через болото напролом, забыв про осторожность. И тут, видно, не обошлось без вмешательства нечистой силы, ведь, как правило, сфагновые болота непроходимы. К счастью, противоположного берега удалось достичь без дополнительных потерь, не считая потери крови, выпитой мошкаррой, тучей носившейся вокруг цепочки спутников. Через толстые стёганые доспехи маленькие кровопийцы укусить не могли, зато лица и шеи приходилось защищать непрерывно. Огромный Шеффри, не имевший ни обержона, ни бацинета³⁷, был самой лёгкой добычей гнуса, но природная стойкость позволяла ему держаться уверенно, не роняя междометий. Лаурину же мошки вообще почему-то никогда не кусали...

Продравшись сквозь кусты бузины, ступив под сень деревьев, отряд затопал увереннее. Дорогу им, конечно, никто не укатал, но двигаться по суше не в пример легче. Нужно было торопиться. Патрик достал из заплечного мешка волынку, надул, и заиграл: полилась непрерывная бесконечная мелодия марша клана Макруаири.

Поспешил волынщик, однако! Внезапная встреча в лесу с врагами никак не входила в их планы.

– Круахан! – словно из-под земли вывалила банда, наряженная в цвета клана Кэмпбэллов! – Стоять, собаки Дональда³⁸!

³⁶ Свинья – священное животное Мананнана.

³⁷ Цельнокованный шлем, появился в 30-40 гг. XIV в.

³⁸ С 1346 года после смерти последней предводительницы, историческая область клана Макруаири перешла под власть Макдональдов.

Два десятка клинков нацелились в сторону пятерых. Вперёд выступил ражий горец среднего роста, крупный в кости, расплываясь в шерботой улыбке гнилыми челюстями. В отличие от прочих разбойников, одетых в рубахи, он носил поверх кольчужного доспеха свободную накидку, перехваченную поясом из кожи, голову защищала «железная шапка»³⁹.

– А чего вы так вырядились, слуги негодяя? Католикам отеческие обычаи не указ?

– Погодь, воин! – рассержено произнесла Лаурина, звякнув мечом в ножнах. – Так не разговаривают с командиром отряда Тауруса!

Детина мотнул головой и раздражённо выкрикнул:

– Не знаю таких, мне плевать! Я перебил кучу бродячих негодяев... Вот пояс на моих чреслах – из шкуры епископа, а из твоей черепашки, малец, сделаю... фляжку для асквибо⁴⁰!

– Да это девка, Ивэйн⁴¹! – ржали разбойники.

– Ха! Женись на ней, а свою горбатую старуху выгони!

– Э, Мабли⁴² проклянёт, так наш жених и до Самайна не дотянет!

Несмотря на численное превосходство врагов, воины «Тёмной волчицы» и не думали о сдаче. Вступая в фиан, каждый из них прошёл суровое испытание и соблюдал гейса⁴³, которое обязывало не убегать, когда нападают менее девяти воинов. Этим было четверо на одного.

Шеффри не был знаком с обычаями фениев⁴⁴, не имел гейса. Он имел громадный меч и понимал, что его женщине сейчас грозит смертельная опасность. А причиной – вон тот здоровый кабан с гнилыми клыками⁴⁵. Отодвинув Уистена, парень наскочил на обидчика и, вложив в удар весь свой гнев, с размаху рассёк бы разбойника надвое, если б тот проворно не отшатнулся назад.

³⁹ Шапель де фер – самый распространённый вид защиты для головы пеших воинов средневековья.

⁴⁰ Шотландская водка.

⁴¹ Owain – валлийское муж. имя: *потомок благородного рода*.

⁴² Mabli – валл. жен. имя: *милая, приятная*.

⁴³ *Гейса* – кем-либо (чаще колдуном или женщиной) наложенное табу на некоторые действия человека. Нарушение *гейса* было немислимо. Согласно поверьям, душу нарушителя *гейса* уводили с собой мёртвые предки, навещающие родичей в Самайн (1 ноября).

⁴⁴ *Фенин* – воины *фиана*.

⁴⁵ Кабанья голова – символ клана Кэмпбеллов.

– Ух, ты какой! – изумился Ивэйн. – А вот на!

И в открытую физиономию Шеффри впечатался кулак в кольчужной перчатке. Разбойники слаженно, с криками, ринулись в драку, но воины Лаурины были готовы. Отразив первый наскок, они умело держали круговую оборону. Шеффри оказался зажат внутри кольца сражающихся; кровь текла из расплющенного носа, слезились глаза, в голове плавал туман. Дикон достал одного из негодяев копьём в грудь, Патрик секирой оттяпал голову и руку ещё двоим. «Тёмная волчица» разила врагов коротким мечом, блокируя удары слева кинжалом. Уистена ранили и сбили с ног. Это на миг разорвало оборонительное кольцо отряда и тогда, перешагнув через товарища, Шеффри выскочил на оперативный простор, нанося удары пудовыми кулаками разбойникам, нападающим на воинов фиана. С разворота, слева направо, широким дуговым выпадом он полоснул мечом по спинам двоих нападавших. Пинком выведя из строя третьего, парень, наконец, пробился к предводителю. Ивэйн отразил своим мечом колющий удар клеймора, подшагнул к Шеффри и снова оглушил его, ударив наверху рукояти в челюсть. На сей раз опытному бойцу удалось отключить сознание настырного новичка...

Солома колола щеку, царапала веки. Саднила рана. Правая нога затекла.

Разлепив склеенные кровью глаза, Шеффри Мак Дар попытался подняться, огляделся. Он, Лаурина и Патрик втроём валялись, связанные, на соломенном полу в какой-то овчарне. Воняло невероятно! К дальней стене жались и шумно дышали животные: корова, косматая, жёлтого цвета, несколько ватных овец с чёрными головами и ногами, пара коз и пегая свинья.

– Грязные свиноеды⁴⁶! – прошипел Патрик. – Язычники!

Воина «украшал» здоровенный фингал под левым глазом, руки были заломлены и связаны за спиной.

– Помолчи уж! – произнёс грубый женский голос.

Неряшливая старуха протиснулась в овчарню, отворив плетёную калитку. Она пришла на утреннюю дойку – тащила бидон. После ей предстояло выгнать корову, овец и коз. Послышались характерные звуки – молоко било струйками в посудину. Пахло

⁴⁶ Жители Шотландии до недавнего времени не употребляли в пищу свинину.

парным, живым и по-женски, примешиваясь к миазмам мерзкой навозной вони и ещё чего-то гнилостного, тошнотворно-сладкого. За стеной, также как и калитка сплетённой из ветвей, приглушённо переговаривались детские голоса. Выводок, ожидающий лакомства, маленькие бездельники разглядывали пленников своего разбойника-папаши.

Женщина закончила доить волосатую бурёнку, погладила коровью шею и стала выпроваживать из загона вон.

Лаурина молча, наблюдала.

– Ты! – злобный взгляд хозяйки остановился на связанной девушке. – Не смотри!

– Добрая женщина, – обратился к старухе Патрик. – Скажи, кто вы такие? Что это за селение?

Что-то, верно, дрогнуло в душе злобной бабалыхи⁴⁷, та задержалась у выхода – ровно настолько, чтобы отыскать лицо задавшего вопрос. И всё же, не проронив ни слова, вышла, таща свою баклагу. За ней поспешила малышня.

– Слышал клич? Это Кэмпбеллы. Если не сами, то какой-то их свинорылый септ⁴⁸.

Патрик покачал головой.

– Мы никак не могли попасть на земли Колумора, Ринеке. Мы шли севернее, через Кэмеронов... К тому же эти – валлийцы. Имена и выговор...

– Неужели? – усмехнулась Лаурина. – А часто ли тебе удавалось видеть, как истовых католиков утаскивает и пожирает проклятый болотный остров? Кознями сэра Сатаны нас могло зашвырнуть куда угодно. Это Кэмпбеллы! Клич в Хайлэнде – святое, и чужой тартан не носит «кто попало».

– Просто разбойники, хотели нас обмануть, может быть даже напугать. Им знакома мелодия моего клана, известны и недавние события, ведь Дональды заполучили наши земли совсем недавно.

– Клахан⁴⁹ старый, значит эти молодцы местные. – Подал голос кто-то четвёртый.

– Дикон! – радостно вскрикнула Лаури.

⁴⁷ *Грязнуха, неряха* (словарь синонимов).

⁴⁸ *Септ* – семья, родственная клану, носящая собственную фамилию.

⁴⁹ Небольшая гэльская деревня.

– Ты живой, дружище! – Патрик даже приподнялся на соломенном полу. – Тебе здорово досталось? Помочь можешь?

От дальней стены, перекатом, двинулась туша.

– Думается мне, братцы, вот как: наши подозрительно хорошо осведомлённые гостеприимные хозяева сами и есть «собаки Дональда» – Макдонеллы. И значит, отклонились мы от правильного курса совсем немного. С Кэмеронами все Макдонеллы не в ладу так же, как с Маккензи и кланом Росс... Дикий, жестокий разбойный народ, вымирающий от кровосмешения... Валлийский выговор? Хм! Не знаю... Кто бы ни были, главное – понять, почему нас там же, в леске, не уложили, а на руках принесли, как девицу через ручей. – Продолжал размышлять Дикон. – Зачем мы им сдались? Трудяги хреновые, воевать за них тоже не станем... Ну, проходили мимо – пропусти, да и живи себе спокойно! Оленей бей, форелей лови...

Патрик подкатился к Дикону, схватил зубами и потянул узел на его спутанных руках. Но недаром говорят, у маленьких горшков – большие уши⁵⁰! За этим занятием пленников и «спалил» охранник – мальчишка с криками кинулся прочь от плетёной стены овчарни.

– Дьявол! – ругнулась Лаурина. – Разбежались, живо!

Вскоре пришли взрослые тюремщики, старший и трое молодых – карать. Из-за их спин выглядывал давешний мальчуган. Проверив путы у каждого пленника, старший мужчина дал затрещину пацану и удалился. Тот обиженно шмыгнул грязным носом, плюнул, желая попасть в Патрика, за что удостоился повторного тычка от ближайшего из парней.

– Молитесь вашему богу! – злобно прошипел он, немного погодя на ломанном гаэльском языке.

– Эй, а кто ваши боги?

Но вопрос Патрика прояснился только к вечеру, когда на деревню надвинулись тяжёлые свинцовые сумерки. Четверых пленников поставили на ноги, выволокли, под заунывный плач волюнок погнали в лес. Их окружала группа мужчин, освещавших тропу

⁵⁰ Английская поговорка.

факелами. Пленники шли – голодные, грязные, налегке – словно бы в путь недалёкий, без возврата. Мужчины были вооружены. И происходящее не сулило ничего хорошего.

На лесной поляне горели костры – по периметру штук восемь. И от того зловещая темнота за кругом казалась гуще, плотнее, безнадежнее. Жители клахана – старики, женщины, ребяташки – толпились у низкой каменной оградки, за ней же, вдавленный в лесную почву, покоился чёрный, обросший мохом, внушительных размеров валун.

Пленников подвели к оградке и, угрожая секирами, поставили в ряд на колени. Волынки смолкли. Толпа молчала. Слышался шум ветра, скрип раскачивающихся ветвей.

Вперёд вышел Ивэйн, воздел руки, и в скрипящей, стучащей, стонущей лесной глуши к чёрным беззвёздным небесам вознёсся его хриплый зов:

– А-а-ато⁵¹!!!

У Шеффри похолодела спина, побежали мурашки. В их краях этого бога называли Старина Ник и считали чёртом.

А шум лесной чащобы усиливался! Ветер уже ревел, стонал, хохотал и выл! Костры полыхали вовсю, им не хватало подбрасываемых сучьев – пламя норовило дотянуться до веток крайних деревьев и кинуться пожирать всё вокруг.

– А-а-ато-о-О!!! – зывал мужчина к лесной глуши. Воины клахана вторили ему.

Дикая охота неслась по поднебесью, Повелитель мира мёртвых спешил на зов, и вот, в грохоте и гуле, в огненных бликах, источая смрад, из темноты Аннуна⁵² выступил Рогатый Бог.

Шеффри Мак Дару показалось, что Оленерогий ростом был огромен, не меньше тридцати футов высотой. Гигантская голова, красные пылающие глазницы, на толстой шее витое ожерелье-торквес. Тело древнего бога облачали шкуры, перетянутые поясом и закреплённые на правом плече заколкой в виде человеческой головы.

У ног божества, малорослый, седобородый, вырос друид.

Старик неспешно придвинулся к жертвенному камню и возложил длань на бугристую поверхность валуна.

⁵¹ Caerwiden – валл. Ато (он же: Властелин зверей, Оленерогий, Повелитель Зимы, Всемогущий Херн и др.).

⁵² У валлийцев Аннун – Иной мир, мир богатства и процветания.

– Ты оставил отметину, Ивэйн. – Негромко, но властно произнёс друид. На мшистой чёрной поверхности едва виднелся белый крыж, похожий на крест Святого Андрея, покровителя Шотландии⁵³.

– Хвала тебе, Аминетгар⁵⁴! Несчастья пали на нас такие тяжкие, что мы не можем ждать середины осени⁵⁵. Охотничьи угодыя оскудели, домашний скот падёт, дети умирают.

– Чужаки вторглись на наши земли! – рядом с Ивэйном встал немолодой сильный охотник. – Они принесли с собой колдовство. Вот они! – мужчина указал рукой в направлении коленапреклонённых пленников. – Возьми их жизни взамен наших, величайший!

Друид взгляделся в четыре связанные и придавленные секирами фигуры.

– Этого, – указал остроглазый старик Аминетгар на Патрика, – освободите. Он из aes dana⁵⁶, волынщик.

Друид шагнул к Дикону.

– Этого – заколоть и сжечь. – Бледный длинный костлявый палец старика ткнул следующего воина в темя.

Позади пленника неслышно возникли несколько мужчин, одетых в олени шкуры, вооружённых кремневым оружием. На голове у каждого торчали олени рога. Тотчас в спину Дикона врезалось жало копья, окровавленное острие вышло из его груди. Тело повалилось набок, а кровь быстро образовала на чёрной земле тёмную лужу. Друид погрузил ладонь в то, что поддерживало жизнь Дика, потом коснулся священного камня, отпечатал пятерню. Двое рогатых утащили закланного и бросили в костёр.

Страшная внезапная гибель Дикона в самой зловещей обстановке древнего языческого ритуала немногим отличалась от смерти в бою. Для Лаурины и Шеффри, ожидающих своей участи, не случилось ничего чрезвычайного – погиб один из товарищей. Смерть – отнюдь не конец, но начало всякой новой жизни – так считали кельты⁵⁷. Дух в ином мире оживляет части тела, поэтому им казалось, встреча с Диком в

⁵³ Первоначально (XIII-XIV вв.) изображали крестом белого цвета на чёрном фоне.

⁵⁴ Amuneddgar – валл. муж. имя: *терпеливый*.

⁵⁵ 18 октября – день почитания Рогатого бога.

⁵⁶ Сословие «людей искусства». Поэтов, бардов считали прорицателями, уважали и побаивались. Поэтому, вероятнее всего, шотландцы во времена межклановых распрей не убивали волынщиков.

⁵⁷ Цезарь: «Друиды особенно хотят запечатлеть в их (кельтов – *авт.*) умах то, что души после смерти не погибают, но переходят от одного к другому, и это они считают, будет побуждать

недалёком будущем вовсе не так невероятно, как о том говорили христианские проповедники с острова Ионы.

– Её, – Аминеттар простёр руку над головой Лаурины – сжечь живьём.

Рогатые схватили девушку и поволокли к полыхавшему костру. Шеффри словно что-то вышвырнуло из состояния сомнамбулы. Не осознавая происходящего, парень вскочил на ноги, раскидав конвойных с секирами, толпа ахнула. Друид с удивлением воззрится на пленника. Оба попа⁵⁸, тащившие девушку в костёр, рухнули замертво. Сам Аминеттар почувствовал себя дурно, его ноги подкосились, руки ослабели, а сердце словно схватила и крепко сжала невидимая рука. Он по-новому взглянул на пленника – парня, едва достигшего совершеннолетия, здорового как кузнец Гоибниу, огненноликого как... Друид почувствовал, что вот сейчас он, ОН УМРЁТ, умрёт НАВСЕГДА!!! И тогда Аминеттар встал на одну ногу, закрыл один глаз и вытянул одну руку – он бросил всю свою СИЛУ и НЕНАВИСТЬ в этого юношу – потомка священного рода Даны, уже понимая, что не спасётся...

Луна сияла ярко, белая кобылица Святой Бригиты, щедро поила небесным молоком склоны холмов-сидхе, низинный кочкарник и придорожные кусты серой ольхи. Слабым ветром клонило травы, пригибало к земле широкие перистые листья папоротника. Лошади шли под уклон, изредка фыркали, роняли «каштаны». Ароматно пахло прелым сеном.

Рэнулф слушал отца, вытаращив глаза и открыв рот.

– Вот так, сынок, начались мои мытарства. – Грустно заключил Шеффри Мак Дар. – Как спаслась от язычников твоя мать, уже и не помню. Долгое время жил, словно в затмении. Наверное, я их всех поубивал, кого догнал. Твоя мама возненавидела меня с той роковой ночи, ведь я убивал без разбора – тяжело ранил даже своего товарища, Патрика. Я переломал ему руки... и волынка замолчала навсегда.

– Но ведь мама знала, ты же её защищал! Ведь она сама видела, как на тебя напал лесной колдун и напустил злые чары...

мужчин к доблести и к тому, чтобы возвыситься над страхом смерти».

Лукан: «Смерть, если ваше знание истинно, является всего лишь центром долгой жизни».

Валерий Максимус: «Новое тело – это не тюрьма для души, в которой она должна искупить свои прежние грехи, и душа получает тело не в этом мире, а в ином».

⁵⁸ Рора – лат. *помощник жреца при жертвоприношении*.

– Мы тогда не были с Лаури достаточно близки – Рина посчитала, что меня не вернуть.

Было кое-что ещё, давно. Когда я родился... Наш род был грозой Островов и побережья соседней Ирландии; нас называли «другие гаэлы» – король издревле занимался пиратством и погиб в стычках с наёмниками. Недруги вырезали деревни, сжигали наши корабли... Меня подобрал один молодой наёмник, по несчастью убивший моих отца и мать – Гобан. Кузнец, он перебрался после в здешние края, но воспитал из меня бойца другой – Кьяран⁵⁹, воин из враждебного клана Маклинов. Потом и я стал носить цвета врагов, отзывался на чужое имя... только учитель и покровитель сохранили мне это.

Шеффри помолчал, потрогал костяную руну.

– В общем, то, что я собираюсь тебе поведать дальше, мой Рэнулф, – извиняясь, начал отец, – мне рассказали другие люди, те, кто знал меня... зачарованного.

Он ступал по дороге, широко расставляя голые ноги в зелёном килте. Закинув пёструю горсть сушёных баклажанов⁶⁰ в рот, жевал с удовольствием. Мюсли из «безумных яблок», которыми он разжился в недавней придорожной харчевне, где ВСЕХ УБИЛ, были горьковатые, хрустящие. Навстречу промчалась группа всадников, облачённых под накладными доспехами в акетоны и обмотки. Он помнил себя как наёмника из островного клана Маклин, он не любил «обмоточников»: нездешние. Он знал: такие оборванцы, обычно, если не грабили путников, то просили милостыню на папертях приходских церквей и возле ворот в городах, не работали на земле, не пасли скот, не валили лес, не чинили мостов и дрались, по-волчьи нападая стаяй. Парень называл таких «босьяками», ведь они, в отличие даже от полунищих коттариев, не имели совсем ничего. Гаркнув, как делал папа-кузнец, он продолжил путь, глядя вперёд и ни о чём не думая.

– Вон он! – слышался голос издалека. – С большим мечом на плече.

– Покарать убийцу!

⁵⁹ Siaran – шотл. муж. имя (от гаэл. siar - *тёмный*).

⁶⁰ В Европейском средневековье баклажан считался ядовитым растением, вызывающим галлюцинации – «безумным яблоком».

Конники, ватагой, шумно вернулись, перегордив дорогу. Двое ринулись в атаку: один вознёс шестопёр, другой, как норманнский рыцарь, направил копье⁶¹. Сефино⁶², отклонившись, произвёл клеймором быстрые удары – длинный клинок загудел, рассекая воздух. Оружие первого напавшего отскочило вместе с рукой, а сам он издал пронзительный звук и свалился со своей малорослой лохматой коняги⁶³. Копейщик также вылетел из седла и покатился по земле, вздымая пыль. Кованый нагрудник погнуло, пробив длинную косую щель. Воин истекал кровью и стонал. Прочие соскочили с коней, вытащили оружие, решительно обступив Сефино.

– Михен⁶⁴ лишился руки, чёрт возьми!

– Раздавим его!

Вот-вот босяки гурьбой нападут на Сефино. И пусть! Маклины сражаются до смерти⁶⁵. Здоровяк оскалится, заскрежетав зубами.

– Не торопись, – нападавшими руководил худой человек в шлеме с гербом в виде белого горноста на груди. Он медленно поднял руку, сжатую в кулаке. Босяки осаждали, ожидая команды.

Этот воин был «обмотан» получше. Серая накидка с капюшоном на плечах, отороченная желтоватым мехом, и трузы⁶⁶ из шерсти, новой, не протёртой. Сапоги с поножами. Волосы командира чёрные, длинные, зачёсанные, как у женщин, ровно висели по обе стороны лица, резкого, выбитого точно из камня, неподвижного. В зеленоватых глазах – блеск, холодный и хитрый – подобный у горноста, когда собирается укунить. Пристальный, изучающий взгляд снизу-вверх... такой Сефино терпеть не мог. Выпятив губы, парень глухо заворчал, тяжело по-медвежьки переступил. Так Сефино встретил Фэрганема Тауруса, лидера наёмников, которые помогали поддерживать порядок местному балью⁶⁷, барону по имени Гилливрэй, потомку лэрда Годфри де Росса.

⁶¹ До эпохи норманнов конница на Британских островах, тем более в Шотландии, как боевая сила не использовалась. Конные тэны (знатные воины графств, эрлств) и хускарлы (дружинники, телохранители короля) перед битвой спешивались и сражались в пешем строю.

⁶² Saffir – валл. муж. имя: сапфир.

⁶³ Конница лэрдов Шотландии считалась лёгкой, слабой по сравнению с английской. Лошади местной породы – пони.

⁶⁴ Уменьш. от Micheil – шотл. муж. имя: Михаил.

⁶⁵ Клич клана Маклин: «Жизнь или смерть!» Клан известен своими воинами-наёмниками.

⁶⁶ Трузы – шерстяные штаны в клетку цвета клана, надевавшиеся для верховой езды. Первоначально из-за дороговизны трузы носили члены богатых шотландских семей.

⁶⁷ Балль (бэйлиф, сенешаль) в Шотландии – пожизненно назначаемый королём глава администрации района (бальяж), исполняющий судебную и фискальную функции. Ставленники короля Шотландии, в XIV веке по должности вынужденно противостояли самовластию большинства местных лэрдов, самым своим равным и амбициозным из таковых был лэрд Островов,

– Ты хорош! – кивнул Фэрганем, слегка улыбнувшись гордому взгляду незнакомца.
– Пойдешь с нами?

На вопрос незнакомец не ответил, лишь мотнул головой.

– Что тебе нужно? – переспросил командир отряда. – Жрачка, кровь, женщины, рабы?..

– Не нужно! – Сефино с полным ртом невнятно рыкнул, затряс головой, его соломенные патлы запрыгали вправо-влево. – Маклины – не стадо, чтобы за кем-то ходить!

– Шотландия едва не на коленях, а ты, островитянин, беззаботен!? – удивлённо проговорил Таурус. – Хочешь найти трезвого и весёлого барона, готового сражаться против Англии?

Смачно сплюнув коричневое месиво на землю, великан рывком поднял тяжёлый меч с плеча. Мышцы его здоровенных побагровевших рук, напряглись, пот выступил на них, вздулись вены. Гиганта-мечника наполняла дикая сила, он озверел, стоило прикоснуться двумя руками к рукояти. Крепко сжав меч, Сефино устремил на командира обмоточников ошалелый взгляд, полный испепеляющего гнева. Таурус не спешил убивать – детина мог пополнить ряды отряда; следовало бы приручить его, а потом вылепить из бешеного громилы настоящего думающего бойца. Двуручный меч такой массы в руках силача – таран, козырная карта в сражении и против строя копейщиков и против пеших рыцарей.

– Подходи, – вызвал Фэрганем, вытащив клинок из ножен. Обычный с виду меч, какие в те времена были у каждого снаряжённого на десять фунтов⁶⁸ шотландского воина, но в руках предводителя отряда Финнесса сверкала непростая сталь – крепкий, прочный, гибкий, особой работы, изготовленный под руководством знатока.

Они схватились друг с другом, яростный гигант и ловкий «горностай». Сефино широко размахнулся и шагнул вперёд, опуская меч сверху вниз. Фэрганем прокатился по земле, нырнув под широкое лезвие под неудобную левую руку. Сефино рубил не быстро, с плеча – требовалось много сил и сноровки, чтобы орудовать таким огромным мечом едва ли не в человеческий рост. Лязг мечей в поединке двух совершенств – оружейной стали особой конструкции и особой плавки – увлёк свидетелей схватки, превратившихся в

Макдональд.

⁶⁸ В 1318 г. парламент Роберта I предписал приобретать экипировку согласно личному достатку граждан. «10-фунтовые» обязаны были иметь в своём распоряжении акетон (стёганка), бацинет (шлем), пластинчатые перчатки, меч и копьё – они составляли ядро шотландской армии.

азартных зрителей. Таурус был хорош! Но неплохим фехтовальщиком, вопреки ожиданию, оказался и здоровяк Сефиро... Таурус «танцевал» вокруг противника, встречал мощные удары клеймора отводящими контрвыпадами, стремясь при каждом удобном случае подшагнуть ближе, отчётливо сознавая, сколь опасна для него в этой ситуации длинная дистанция.

Наконец, нанеся удар клинком, Таурус попался на необычный трюк создателя клеймора. Сходящиеся к острию дужки крестовины гарды двуручника зажали лезвие меча Тауруса, Сефиро рванул, и Фэрганем выпустил оружие из рук. Тогда, не дожидаясь смертельного удара, он резко бросился в ноги Сефиро: в рукаве у «горностая» пряталась иноземная хитрость – ременная петля; приём с ней всегда срабатывал на гаэльских воинах, не использовавших такую экзотику в борьбе без оружия. Зацепив ноги гиганта тонкой, но чрезвычайно прочной сыромятной снастью, он ранил его в бедро кинжалом, вытащенным изнутри поножей левой голени. Бранясь, Сефиро упал. Он был вне себя от ярости! Убьёт, если поднимется... Но последовал мощный удар в затылок кулаком – парень утонул в темноте и забытье.

– *За что же, нелюди, за что?* – шепчущий голос достигал его сознания во сне. И когда Сефиро слышал голос, становилось спокойно – понимал, родной человек пытается помочь.

– Кьяран, помоги, – попросил Сефиро, маленький и худой, жалкий как щенок.

Кьяран, пожилой, но по-прежнему сильный воин, сидел в кресле с большими и длинными ножками, утопающими во множестве костей, черепов и сгнившей плоти.

– *Ты ведь меня убил,* – спокойно ответил он. – *Я – мёртв, а ты – жив. Так иди, УБИЙЦА!*

– Не знаю, куда... – ответил Сефиро, чуть не плача, и теперь шаря глазами в темноте. Наставник Кьяран исчез. Куда же? Сефиро ведь только-только видел его.

– *Может быть, так нужно Одину?!* – снова приятный голос говорил с ним – голос Кьярана... Настоящего отца Сефиро почти не помнил.

– Он ведь у меня на груди... этот проклятый Один! – подумал Сефиро, сердясь. Юноша плыл в тревожной зыбкости, в серо-коричневом пространстве с густым и точно отяжелелым воздухом...

– *Какой сильный ребёнок!* – произнесла крикливым птичьим голосом чужая старуха, прикоснувшись своей сухой, грубой и мерзкой ладонью к маленькому Сефиру. Мальчик, младенец, лежал, не шелохнувшись, в яслях, точно в яме, в которую накидали сухого мха. Сефиру глядел на себя, только что родившегося и омытого чистой озёрной водой. Он видел и противную горбатую старуху, с ног до головы замотанную в пёстрые тряпки.

Старая ведьма пританцовывала вокруг ложа младенца, тряслась, будто сумасшедшая: чудилось, призрачные демоны чередой проходили сквозь её костлявую грудь, лобызая душу, обжигая ядом. Вот в костлявых руках появилась зеленоватая нить с подвеской – знаком Одина. И нож, тонкий, кривой.

– Сгинь, паршивая! – кричал Сефиру, пытаясь добраться до старухи. Но с каждым порывом гнева ведьма оказывалась дальше и дальше и, наконец, превратилась в крохотную картинку из разноцветных блеклых лоскутьев... висящую на стене в доме наставника Кьярана – в доме, который давно разрушен...

Во тьме, внезапно ослепившей Сефиру, со всех сторон свистал то жгучий, то студёный ветер. Пространство взрывалось молниями стального блеска, метавшимися над чёрными скалами вперемешку с густыми тёмно-зелёными хвойными лесами. Швыря на скалы подхваченное бурными валами прибрежное каменное крошево, обрушился с яростным гулом чудовищный шторм, высекающий изваяния каких-то угрюмых исполинов, наполовину провалившихся в рыхлую землю. Из адского мрака бушующих небес близилось НЕЧТО. Оно двигалось неспешно, но неуклонно, размеренно и неотвратимо, под удары стихий и мелькания апокалипсического блеска в вышине.

Придя в сознание, Сефиру обвёл глазами незнакомое место.

– Очнуться? – спросил кто-то басовито, со странным акцентом. – Таур погорячился. Как тебе великать?

Тусклый свет, пробивающийся в отверстие в пологе, обрисовал человека в шерстяной кофте. Это был мужчина с несоразмерно большим животом, с короткими пухлыми руками.

– Помогаю? – предложил он, протянув руку. Кожа кисти была тёмная и заскорузлая, похожая на кору сосны, а пальцы невероятно толстые и стёртые на косточках.

Стиснув зубы, Сефино рывком поднялся и тут же упал снова, нога оказалась травмирована. Тело затекло, стало тяжёлым, как камень. Но парень всё же присел, обжёг пристально-гневым взглядом толстяка, зашипел, точно рассерженный уж.

– Не волнуйся, друж, отшлифаешь. Главное: связы и мышца – не порвана.

Большое, казалось, неуклюжее туловище незнакомца поддерживали кривоватые ноги, короткие и массивные. Из-за пояса штанов, обрезанных до колен, торчала странная желтоватая кость, полая, с воронкой на кончике. Толстяк наклонился, чтобы осмотреть Сефино, заключил:

– Не двинься время.

Парень увидел его лицо. Личные кости были недостаточно развиты. Узкий лоб, нависавший над глазами без бровей и давящий на них так, что они едва прорезывались. Лицо его – крупное и красное, выдающее любителя вина, с мясистым носом и тем добродушно-величавым и немного презрительным выражением, какое свойственно людям простым, но мужественным, переживавшим опасность.

– Я – Миддий, – сказал толстяк, отойдя к столу. – Ты – Сефино. Имя хороший, здоровый⁶⁹! Мы – друже!

Некоторое время толстяк-лекарь нёс тарабарщину на незнакомом языке, будто колдовал. Слегка наклонив бритую голову с узкой короткой косичкой на макушке, налил кипятка в деревянную кружку, помешал деревянной же ложкой. Душисто запахло горячим отваром.

– Выпить, – Миддий сосредоточено понюхал содержимое кружки и похвалил: – То, что надо! Тяни ногу, я смотреть рану... не злиться. Злобой не помочи ране!

⁶⁹ Считалось, что сапфир обладает самым широким спектром исцеляющих свойств, усиливает такие качества, как верность, мужественность, силу, проницательность, охраняет от колдовства и наговора, побуждает на добрые дела. Сапфир также якобы приносит удачу путешественникам, а мореплавателям помогает избегать кораблекрушений, вызывать попутный ветер.

Толстяк излучал великодушие. Ни малейшего намёка на подвох. С настойчивостью родителя он снова потребовал осмотреть рану, жестикулировал, поясняя смешно, неуклюже, почему нельзя «шевелить» больной ногой, и наконец, добавил:

– Я отвечать за не болей.

Сефино неохотно протянул больную ногу. Взяв кружку, недоверчиво понюхал. Лечебный отвар Миддия оказался противным на вкус, во рту вязло – захотелось прополоскать горло прохладной чистой водой, зачерпнув из стоящей рядом кадлушки. Сефино поднялся тяжело, как дряхлый старик.

– Где мой меч? – бросил он, опустошив вторую кружку. В глазах замелькали бунтарские искорки.

– Главар несёт, – ответил лекарь, подав деревянный костыль.

– Неладен демон, – заворчал Сефино, искажившись. – Как немощный!..

– На время, – вскинулся Миддий, расширив с трудом свои маленькие мышинные глаза. – Ещё на дне твоя болезнь – большая, а сегодня – мала. Ты – как бору!

– Где я? – кинул Сефино, принаравливаясь к длинному костылю. Внутри, в груди приятно потеплело, будто выпил эля. Боль в ноге лишь чуть напоминала о себе при ходьбе. Травяной взбадривающий эликсир подействовал.

– Не знать, как на ваш... – Миддий, сконфузившись, покачал головой.

Отодвинув плотный полог, Сефино прищурился – яркий дневной свет ударил в глаза, ослепил. Веяло влажной прохладой. Солёная свежесть перемешивалась с запахами, доносящимися от костров, разведённых из плавника на щебнистом морском берегу. Жарили мясо, разделывали и пекли рыбу – нос здоровяка Сефино не проведёшь, на своё чутьё, сиречь обоняние, он полагался чаще, нежели на рассудок, блуждающий в тёмных лабиринтах полужнакомых фактов. Слышался бесконечный тихий прибой, плеск воды, протяжные крики чаек, звон из кузницы, доносились голоса мужчин и женщин, раздавался хохот, одиноко ныла волынка. Молодой гигант огляделся, сжав губы.

Хижина лекаря приютилась на отлогом спуске, чуть поодаль большого шатра, окруженного меньшими палатками, разбитыми между мелкими и неприглядными тростниковыми хижинами, а чуть дальше, под платанами – серели три-четыре каменных

дома, приземистые и повыше, над каждым колыхался герб. Это был рыбацкий посёлок, в котором воины разбили лагерь.

Сефи́ро, опираясь на костыль, побрёл по склону вверх, туда, где возле палатки на холме виднелся ненавистный человек в светлой рубахе. Тот беспечно смотрел на пенящуюся воду, на коричнево-серый скалистый утёс, что круто вздымался из воды. Лёгкая зелёная бахрома свешивалась с обрыва и заполняла трещины в скальной породе.

– Эй, ты? – позвал Сефи́ро, оскалившись. – Мы не закончили!

Сложив оголённые по локоть руки на груди, Таурус не оглянулся. На фоне ясного неба, прямо как на английской королевской монете⁷⁰, был виден его чёткий рубленый профиль, отмеченный печатью властности. Влажный ветер развевал длинные волосы лидера фениев, схваченные надо лбом светло-красной лентой.

Подойдя ближе, здоровяк увидел свой меч. Клеймор лежал наполовину раскрытый, в шкуре, на мелкой траве, ярко блестел, отполированный, красивый. У ног ненавистного наглеца.

– Глухой? – бросил Сефи́ро, сплюнув. Он сердился – боль в ноге тревожила сильнее.

Таурус медленно, удивлённо повернулся, блики ярко-оранжевого дневного солнца запрыгали по ножнам меча на боку и отразились в топазе инкрустированной рукояти кинжала, торчащего за ремешком поножей. Он улыбнулся широко и добро, как ребёнок, и даже виновато.

Обычной улыбкой можно с лёгкостью обмануть только доверчивого человека, а Сефи́ро не доверял хитрецам, глядел в глаза пристально и выжидающе, раздувая ноздри, включал «чутьё». Странно, но в широко раскрытых глазах недавнего противника не читалось ненависти. Ни тени на лице, такой мерзкой и говорящей...

– Как нога? – спросил Фэрганем так просто, будто разговаривал с другом. – Миддий – молодец, скоро будешь как новый.

– Заткнись! – оборвал Сефи́ро. – Готовься!

Здоровяк был готов припечатать костылём этого мелкого человечка, а потом, добравшись до своего меча, раскрошить на кусочки.

⁷⁰ На золотом или серебряным пенни (стерлинг) чеканилось погрудное изображение короля в профиль.

Фэрганем Таурус нагнулся и поднял тяжёлый меч. Подал его Сефиро.

– Держи, я бы таким не смог долго сражаться. Много сил нужно, чтобы махать двуручником. Когда ум, ловкость, сила и техника фехтования сочетаются в бойце – вот тогда приходит истинное мастерство.

Как показалось Сефиро, последние слова были сказаны с укором, с намёком...

– Берегись! – гаркнул здоровяк, отбросив костыль. Огромный длинный меч ударил по тому месту, на котором только что стоял Таурус. Тот отскочил, выхватывая оружие и налету отбивая выпад по касательной. Рубящий удар тяжёлого клеймора мог нанести серьёзный вред тонкому и короткому клинку, не говоря уже о болезненной отдаче в кисть обороняющегося. Пока Сефиро решал, как поймать юркого Тауруса на секретный приём, Фэрганем встал, посерьёзнев, согнул ноги в коленях. Он повернул клинок боком и под углом, дабы массивная сталь не развалила его надвое, выбив оружие. В левой руке «горноста́й» сжимал дирк, сделанный из обломка меча. На лязг мечей сбежались воины «белого горноста́я», примчалась и Лаурина с обнажённым клинком; стремительно вышел лекарь. Двое поединщиков сражались, подстрекаемые криками наёмников.

Кьяран преподавал ученику фехтование более лёгким мечом, Сефиро старательно применял эту технику сейчас. Обычно в подорожных стычках один на один ему хватало трёх-четырёх ударов или пары минут для победы над небольшой шайкой. Его противники боялись нападать на бешеного здоровяка с железным заточенным дрыном, роняющим пену изо рта. В тесном помещении харчевни он попросту всех переколос, орудуя клеймором как коротким тяжёлым копьём. Теперь же Сефиро встретил воинов – отважных и осторожных. Этот мелкий, вертучий хитрый чёрт, верно, их предводитель... почему-то не нанёс ни одного разящего удара, хотя Сефиро часто раскрывался, попадаясь на его финты.

– Таурус, покажи ему, покажи!..

Боль сковала движения Сефиро, похоже, действие эликсира закончилось, и нога окостенела вновь. В очередной раз, рубанув мимо, благодаря искусству юркого «горноста́я», здоровяк сделал единственное, на что хватило манёвра – рухнул на врага, выпустив оружие для захвата мощными руками. Фэрганем и Сефиро покатались по склону холма к берегу реки. Первый поединщик, стиснув зубы, молчал. Второй жутко бранился. Наконец, в осыпи песка и камешков, они съехали до самой воды и там дрались, колошматя друг друга кулаками, коленями и локтями. Мутузили нещадно! Их лица

припухли от ссадин. Красивый «монетный» профиль Тауруса окривел и цветом походил на ломаный Стамфордский полпенни. Но, хитрей и проворней, выждав подходящий момент, Фэрганем подскочил и мыском сапога нанёс удар Сефиру, метя в глаз. Поймав коварного супостата за ногу, Сефиру резко потащил. Сейчас же применил захват на излом, которому научился ещё в детстве, и бой завершился... бы... Фэрганем свалился, но дотянулся до пустых ножен своего дирка. Сефиру, подтащив к себе Тауруса за ногу, внезапно заметил, что его в руках оружие и тот уже готов бить... Сефиру замер, выжидая и злясь... Придерживая над его глазом двузубую вилку⁷¹, Таурус медленно высвободился. Восстанавливая дыхание, Фэрганем выглядел одновременно уязвлённым и довольным. Криво улыбалось его побитое лицо. Встал и Сефиру, нога жутко болела, будь она проклята! Он, воспитанник самого Кьярана, проиграл дважды, поэтому молчал и слушал.

– Будешь моим воином, – Таурус вложил миниатюрное оружие обратно в ножны. – Воином «белого горностая».

– Да-а, – сердито протянул Сефиру, стиснув зубы. Отвернувшись, парень съедал взглядом наёмников, они в свою очередь были готовы отомстить за каждый синяк своего главаря. – Куда мне деваться, победа за тобой! – добавил здоровяк в клетчатой юбке, заковыляв на холм через расступающихся «обмоточников».

– Посмотрим на тебя, выдержишь ли?.. – сверкнув белыми зубами, бросила Лаурина со зловещей убедительностью, за которой чувствовалось множество раздавленных жизней, моря слёз и пламенный бунт возмущённой справедливости.

– Сефиру – воин «белого горностая!» – громко провозгласил Таурус. – Теперь наш друг и соратник...

И, вполголоса, – Миддию: «Одень его как подобает...»

Погода в Шотландии изменчива. Только что был ясный день и вот, поливает дождь. Только что лило как из ведра и вот – снова в небе ни облачка. Это не Данелаг⁷², это

⁷¹ Анахронизм: в ножнах шотландских охотничьих ножей «дирков» вмонтировали два кармашка для ножика и вилки значительно позднее. Вероятно, Фэрганем Таурус использовал другой нож – «баллок».

⁷² Данелаг – историческая территория Великобритании, захваченная и освоенная датскими викингами, принесшими на земли англосаксов обычаи германского мира, установив Датское право.

кельтская земля, страна ведьм и колдунов, у каждого второго – тесные интимные отношения с Лугом, Мананнаном, Таранисом и прочими божествами, не считая местной вредной мелочи. Боги не успевают удовлетворять просьбы своих почитателей и потому, когда не могут поладить между собой или совладать с раздражением, небеса посылают на землю то засухи, то грозы, то напасти.

Накатившая громада серых туч, неожиданная, как набег викингов, вскоре удалилась в сторону земель англосаксов, к ненасытному королю Эдуарду и жадным норманнским графам. Ночью стало потише. Доносился лишь неугомонный шум прибоя и звон капель с крыши. В большом шатре главаря катхи горели факела, освещали стены и стол, за которым расположились молчаливый Миддий, задумчивая Лаурина, несколько средних рангом военачальников, трое высших командиров. Во главе стола восседали чрезвычайно болтливый парень Дёран⁷³, затем звонкий и как будто хмельной, барон де Росс, бальи⁷⁴, и, наконец, сам Фэрганем Таурус, серьёзный и сосредоточенный.

Барон, казалось, находился не с ними, а где-то далеко на изумрудных холмах, на разгульном празднестве в честь сбора урожая. Гилливрэй⁷⁵ Росс вырядился, как подобало коренному шотландцу. На голове чёрный боннет⁷⁶ с веточкой можжевельника. Поверх белой полотняной рубашки с рюшами была надета чёрная твидовая куртка. На ногах – клетчатые чулки до колен, башмаки с металлическими пряжками. Килт в зеленовато-красную клетку; на поясе висел меховой кошель-спорран.

Барон махал кулаком в перчатке, грозился одним приказом разбить английских рыцарей на границе, будь он на месте «повелителя Островов», лэрда Аргайла. Разглядывая большую карту-схему, командиры выбирали маршрут.

– Вплотную тоже давай, оставь свою Кильях Бьер⁷⁷ – предложил бальи Таурус. – Отряды Коминов и без нас очистят южную границу. Потолкуем о своём... Итак, король Давид сидит в Тауэре, графья дерутся. Дональды гребут под себя всё, что плохо лежит

⁷³ Deoradhan – ирл. муж. имя: *изгнанник, бродяга*.

⁷⁴ Дополнение: бальи - в Шотландии и Франции представитель короля или сеньора, управлявший областью (бальяжем), обладал административной, судебной и военной властью. Бэйлиф – в Англии помощник шерифа, судебный обвинитель и сборщик налога.

⁷⁵ Gillivray – шотл. муж. имя: *служитель правосудия*.

⁷⁶ Форма берета.

⁷⁷ Старуха, превращающаяся в камень в ночь на 1 мая, персонификация зимы.

здесь, в Нагорье, вдали от проклятых земель, которые косит грязная английская смерть⁷⁸. А значит, охрана Арнейл⁷⁹ незначительна. Это нам на руку.

– Нет, – возразил Дёран, поднявшись, нависнув над картой. – После разгрома при Невилл-Кросс Томас Бойд там же, где Давид Шотландский – в английском плену. Поэтому его отец, Роберт Бойд, не рискнёт выступить вместе с лэрдом Джоном⁸⁰ против англичан. Поэтому вся армия Каннингема будет нам помехой.

– Хокон Норвежский не был дураком, – заявил бальи Росс. – Мы сделаем так же, как он: захватим сперва Арран, с моря, а оттуда нападём и отнимем Портенкросс!

– И поспоримся со Стюартами⁸¹. – Усмехнулся Тонье⁸², один из командиров катхи.

– Нам всё равно понадобятся галеры, чтобы убраться восвояси, – настаивал Гилливрэй Росс. – Куда же их прикажешь спрятать, пока длится осада? Куда девать груз потом? На себе тащить, через Кэмпбеллов?

В самом деле, провести армию из северного Росса для захвата замка Бойдов через земли таких сильных кланов, как Макдональды, Кэмпбеллы, Кэмероны было проблематично, можно не только навлечь неудовольствие соседей, но спровоцировать их в набег на Кинтайл. Устоят ли Маккензи? К тому же Бойды успеют подготовиться и нападут на марше, где-нибудь у Данбартона... Морем идти проще.

– Маклины на море нас остановят.

– Не посмеют!

– Разделим армию, если её можно так назвать, на две части. – Ирландец со светлo-зелёными глазами, с подбородком, словно острие меча, юный Дёран быстро влился в отряд и даже заслужил звание командира полусотни своим пытливым умом и ловкостью. – Да, разделим армию! Пусть одна часть пойдёт сушей – это будет отряд Росса; он

⁷⁸ «Грязной английской смертью» шотландцы называли бубонную чуму, которая свирепствовала в 1348-1353 годах, выкосила треть населения Британии. Именно военная экспедиция Макдональдов в Селькиркском лесу и принесла чуму в Шотландию.

⁷⁹ Арнейл – родовое гнездо клана Росс, легендарная усыпальница королей Шотландии. Развалины находятся возле замка Портенкросс; отнят Робертом I Брюсом в награду его верному союзнику, Роберту Бойду.

⁸⁰ Джон I Макдональд, лэрд Аргайла. Проводил независимую политику, наследник Ангуса Ога, правителя Королевства Островов.

⁸¹ На о-в Арран с XIII в. претендовали Стюарты. После 1371 г. Арран стал частью королевского домена.

⁸² Тоне – норвеж. муж. имя: *новый Тор*.

отвлечёт на себя внимание горных кланов. Пусть говорят, что идут на помощь Джону Макдональду и по пути принимают или нанимают добровольцев.

– В самом деле, – подал голос кто-то из командиров, – у Росса к англичанам есть своя родовая претензия. Как раз сейчас удобный момент отбить их старинное владение в Дамфрисе – замок Санкер, например.

– Второй отряд, норвежский – Тауруса, перебросить морем. Когда армия Росса и добровольцы Бойда перейдут границу в холмах, он атакует замок.

– Тоже выход, – недовольно согласился Гилливрэй Росс, прикусив усы, смерил мальчика недоверчивым взглядом, покачал головой.

Парень держался молодцом, ни капли смущения. Настоящий ирландец с горячей кровью. Шерстяная рубаха, надетая через голову, с короткими рукавами, была украшена коричневой вышивкой – каменной многоцветной лилией. Эту рубаху, как, впрочем, и штаны, узкие и длинные, со штрипками, проходящими под стопой, и отверстиями на уровне косточек на шиколотках, он приобрёл в стычке с небольшим английским отрядом и с тех пор носил постоянно. Ирландец в английской одежде не по размеру смотрелся смешно, но гордо на все укоры и насмешки отвечал, дескать, Уильям Уоллес тоже никогда не носил килта.

– Не пойдёт. – Повёл бровью Фэрганем Таурус. – Если армия Росса отправится воевать, кто останется защищать Эйлен Донан? И самое главное – зачем напрасно и не вовремя ссориться с Маклинами?

– Что ты предлагаешь? – бальи воззрился с недоумением: план Дёрана казался ему единственно разумным и достаточно хитрым.

Лаурина молчала, храня сосредоточенное выражение лица. Свет от крайнего факела золотил кожу на её плечах и шее. Совет подходил к концу – Таурус принял решение, де Росс согласился, командиры высказались и когда все были уже готовы покинуть палатку, Лаурина решила озвучить то, что тревожило и томило лично её.

– Если ни у Миддия, ни у бальи Росса, ни у кого из присутствующих более нет важных замечаний, тогда... Фэрганем Таурус, этот одержимый новичок, он опасен для отряда! Воины волнуются: они не доверяют бесноватому громиле.

Словно в подкрепление слов Лаурины кто-то крикнул с бессмысленно-хмельным и злым удальством:

– Выходи, трус!

Доносилось шлёпанье ног по грязи и разноголосое возмущение:

– Наглец, что себе позволяешь?

– Вернись, сумасшедший!

На улице приготовились к бою несколько охранников. Нацелив копья, они преграждали Сефиру путь в шатёр. Отступая, охранники трусили, ни один не решался атаковать первым. Здоровяк держался без костыля, прямо и дерзко, огромный меч был при нём. Дикарь из клетки: напряжённый, готовый одним взмахом клинка отнять чужую жизнь. Подняв правую руку, вот-вот выхватит свой клинок из шкуры, и охранники превратятся в груды плоти и кровавых тряпок. Действовать следовало быстро, без раздумий... и Таурус знал, как...

– Отправишься с нами! – властно бросил он.

Взором, подавляющим волю психопата, вглядываясь в глаза Сефиры, Таурус резко кивнул головой: безумец, сейчас он понимает лишь резкие жесты и яркие эмоции.

– Да! – рявкнул Сефиру. Свет сторожевых костров и яркой луны, отрешённо висящей в высоком звёздном небе, окрашивал тесноватую одежду на исполине в красно-жёлтый цвет.

– И получишь жратву и девок? – зло усмехнулся молодой Дёран.

– Да-а! – здоровяк затрясся, загоготал – дикий, сумасшедший. Казалось, эти слова пробудили звериную сущность, разожгли невероятный голод.

– Не касайся меча, пока не скажу, – покачал пальцем Фэрганем, скалясь диковато, как будто они оба были зверьми из одной клетки.

– Возмутительно! – брезгливо хмыкнула Лаурина. Убийца Сефиры пугал непредсказуемостью. – Потатишь этого с нами? – она обратила взгляд на Тауруса. На чеканном лице Фэрганема – печать властной непреклонности. Он будто не слышал предупреждений Лаурины, не чуял исходящей от здоровяка беды. Де Росс осторожно положил руку на его плечо.

Таурус не ответил.

– Великолепно! – Дёран, наклонил голову набок. Авантюрист ирландец выказал желание испытать дикаря. – Готовься... грудь!.. – и выхватил кинжал из-за своей спины, метнул.

Сефиро моментально отбил кинжал, встав боком и поставив меч стенкой.

– Я сказал в грудь, значит в грудь! – довольно заключил Дёран. С мальчишеской нетерпеливостью он всплеснул руками. – Главное у нас – доверие и реакция. Наш воин, как есть!

Таурус кивнул:

– Миддий, присмотри за ним.

– Два дня нада сбор и варева поить, хороша быти тада. – Заявил лекарь и повёл Сефиро в свою хижину.

Ночь Лаурины прошла в тревожном ожидании незримого, опасного. Прочие воины «белого горностая» спали вокруг костров крепким сном поздней ночи. А наутро на скате холма появился всадник.

Бородатый лоулендер в тёмной неприметной и кое-где рваной накидке поверх широкой складчатой рубахи, с крупным, грубым румяным лицом, ввалился в шатёр Тауруса. Он принёс страшную весть: бубонная чума пришла в Аргайл. Идти по суше на юг, значит потерять армию.

Сефиро лежал на песке наполовину в солёной воде. Держал меч на вытянутых руках и представлял, что пронзает насквозь солнце, а оно, переливающееся, раскалённое, было готово облить его горячим жидким золотом. Раненная нога стараниями друга-лекаря заживала удивительно быстро, а морская вода способствовала восстановлению. Энергия солнца и прибоя помогала воину по имени Сефиро, по крайней мере, он в это верил. Сквозь истеричные крики чаек и шёпот волн, за звуками стремительно пробудившейся жизни деревни он различил тихие шаги множества ног по камням. Несколько воинов спустились сюда и застали бы Сефиро врасплох, если б не его удивительное чутьё. Медленно поднявшись, парень увидел семерых, вооружённых секирами и копьями. Они

не собирались сражаться всерьёз – это было заметно по вялым взглядам и нерешительным движениям. Да и Сефиро, вообще-то, не хотелось драться.

Подвижность «хромала», но через боль, как учил Кьяран, можно атаковать не менее эффективно. Первым напал тот, что меньше и легче остальных. Напал из-за спины. Взмах огромного меча, удар наотмашь – древко секиры разлетелось, а сам воин отскочил и завалился на спину, в воду. Остальные набросились гурьбой, закричали, взметая брызги. С холма внимательно наблюдал Таурус.

Перебросив железную громадину за спиной, Сефиро крутанул вокруг себя, ухватив рукоять одной рукой. Нападавшие отскочили, выставив секиры и копья. Раздался лязг и треск древесины. Те, кому перебило древки, обнажили короткие мечи, продолжили бой. Громадина клеймор позволял держать противника на расстоянии. Понемногу душа распалялась злостью и обидой... Это было ново! Прежде бешенство охватывало Сефиро внезапно, напрочь отнимая соображение.

– Хватит! – процедил Сефиро и пошёл в наступление. Похрамывая, он двигался небыстро, но неуклонно теснил нападающих от берега. Вот одним блоком защитился от двух ударов сразу. Поймав копьё третьего, дёрнул с такой силой, что воин мигом прилетел к нему, точно дельфин. Саданув кулачищем, Сефиро вывел противника из строя. Тот упал на задницу и потом долго сидел на бережку, тупо глядя перед собой. Даже с хромой ногой Сефиро сражался весьма ловко.

– Достаточно! – поднял руку красный от хохота Таурус, когда над водой оставались уже только мокрые «тюленьи» головы. – Искусное обращение с мечом и сила мышц – не единственные помощники в бою, – подытожил он, спустившись к месту схватки. – У тебя двуручное оружие, но ты обходишься и одной рукой, причём машешь без усталости. Никакой судороги и слабости, только меняешь тактику время от времени. От защиты к нападению. Сказать, «школы нет», звучало бы глупо, но и не отметить продвижения нельзя. Начал думать – молодец Миддий! Да и ты – ничего...

Рановато штормам в это время года. Дул сильный ветер, не смолкал его протяжный гул, и с вершин безлесных гор доносилось завывание. Гаэльский отряд Фэрганема Тауруса двигался прямо по обмелевшему в эту пору ручью, поросшему осокой. Основная масса норвежских воинов катхи направилась на галерах к острову Арран, а силы Росса решено

было не задействовать. Сквозь зелёные заросли ивы и ольхи, начавшие уже желтеть берёзы, и высокие платаны с густой бурой листвой, что разрослись по склонам и дну лощины, постороннему глазу заметить отряд было трудней. По правую и левую руку их скрытно сопровождали дозорные – такая предосторожность была не в обычае отважных до безрассудства горцев, привычных шагать по землям предков под марш волынки – пиброх, но все смирились с причудами Фэрганема Тауруса и не удивлялись его приказаниям. Сотня человек, они добрались незамеченными почти до Лох-Ломонд, разбив стоянку в укромном местечке подле города Бэлдун, где держали ведьму. Таурус был уверен, ни с того ни с сего усиливать охрану города никому и в голову не придёт.

«Ведьмой», из-за которой приходилось делать изрядный крюк вокруг гряды заповедных холмов Аргайла, была рыжая бретонка Иуэль⁸³, травница Миддия, попавшая в переплёт самым глупым образом – на последней стоянке женщине понадобилось подсобрать редкие, но такие нужные в хозяйстве лекаря корешки. Она устала и зашла в город, чтобы купить на рынке еды. Иуэль расплатилась за хлеб с молоком серебряной монеткой, да вот беда – торговке монетка показалась гнутой. Мнительная тётка вскоре насчитала у себя невероятное количество симптомов чумной болезни – её и знобило, и лихорадило, и тошнило, и пучило, на коже высыпали малиновые пятнышки, поредели волосы, ощербатились зубы, постарела кожа... Словом, торговка поняла – ей дали гнутый пенни с наговором, с намерением погубить весь город. Ничего не подозревавшую Иуэль нагнали стражники и в плетёном лукошке обнаружили ещё худшие улики – подозрительные корешки такой корявости, что не оставляла сомнений в злокозненном криводушии обладательницы. Да к тому же в имени без труда расслышали – evil «ивэл», ПОРЧА!

В город ведьму, разумеется, не повели из санитарных соображений – её собирались сжечь за стенами, но так, чтобы полюбоваться пришли и крестьяне из окрестных деревень. Для несчастной соорудили клетку, чтобы принести жертву Правосудию как подобало, по кельтским обычаям. Знаменитые судилища над еретиками и колдунами только зачинались на континенте, но и сюда на край света, в союзную Франции дикую Шотландию, мало-помалу проникало цивилизованное папское мракобесие⁸⁴.

⁸³ Ihuel – бретонское жен. имя, от jud hael: *благородный вождь*.

⁸⁴ В Англии не практиковалось аутодафе, зато на территории Шотландии ведьм сжигали не менее охотно, чем во Франции. Впрочем, до массового психоза от момента описываемых событий оставалось ещё лет этак двести, потому ритуал сожжения ведьмы в данном случае был, скорее, языческим пережитком.

Дёран ради общей пользы облачился горцем, сходил в город и легко разведал, как обстоит дело. Бюргеры были напуганы и раздражены, поэтому предстоящие суд и казнь обсуждались охотно, всякие новые детали в красках, с фантастическими подробностями, передавались из уст в уста. Стражники рассказали, как ведьма пугала их, изрыгала пламя, дышала ядом, обращалась то в куст, то в зверя. Нашлись очевидцы, подтверждавшие: костлявая как Смерть, рыжеволосая Порча шла по базару, гнула ногтями монетку, плевала и шептала в кулак страшные заклинания. Дескать, такое не увидишь простым глазом а, только нагнувшись раком и глядя сквозь ноги гулящей девки, хотя ещё можно смотреть сквозь ушко кувшина, раздвоенное дерево или через копыто козла. В общем, складывалось впечатление, в городе живёт немало собственных готовых ездовых в Преисподнюю.

Добрая женщина, травница не заслуживала жестокой преждевременной смерти, умелая помощница, она была нужна Миддию. А Миддий и Таурусу, и де Россу был нужнее всех наёмников вместе взятых, поскольку без возможности использования в дальнейшем его алхимических знаний само нынешнее авантюрное предприятие клана Росс теряло смысл.

Иуэль охраняли всерьёз. Соорудили небольшой лагерь, нагнали стражи, выставили караул. С раннего утра крестьяне запасали дрова и складывали поленницу. Откуда-то припёрли огромную, в человеческий рост, просмоленную бочку, чтобы рыжая гадина горела жарче. К вечеру возле городской стены собралась толпа зевак, жаждавших отмщенья пособнице Старины Ника. Все ожидали прибытия лорда-профоса⁸⁵ и священника. Дёран же в это время излагал Таурусу обстоятельства дела.

– Чушь какая, бред собачий! – возмутился Гилливрэй Росс. – Взять и схватить, как коршун куропатку! Да разве обыкновенная, здоровая, женщина может навести чуму наговорами?

– Не в наших интересах привлекать внимание, – сказал предводитель «горностаев». – Бальи, будь щедрым, выдели денег!

– Видишь ли, вождь, – внятно произнёс Дёран. – Городские власти перепуганы. Им непременно надо кого-то сжечь.

– Вот, точно! Обменяй девицу на того здоровенного психа, Маклина, – буркнула Лаурина.

⁸⁵ Лорд-профос в Шотландии – городской голова, лорд-мэр.

Едва успели! С башен городской стены часовые увидели, что лагерь атаковала кучка зелёных бесов, вырвавшихся из кустов. Впереди нёсся один лесной демон с огромным мечом, в лёгком накладном доспехе из дубовой коры. Опрокинув наспех сколоченный тын, он буквально разваливал надвое солдат, попадавших на пути. Махал и махал гигантским оружием, кричал, страшный, неистовый, надрывая связки. Стрела вонзилась в него, затем вскоре торчала и другая, третья достигла цели. Но заговорённый, не ведающий боли зверочеловек рвал шатры, сломал сарай, уничтожал предметы, приготовленные для ведьминой казни. Толпа в ужасе разбежалась. Поленья для костра и мёртвые воины так и остались лежать грудой подле стены города Бэлдун.

Спасённая рассказала удивительные вещи. Она не первая ведьма, отловленная в этом городке – зачастили что-то ведьмы в Бэлдун! Одну горожане утопили в озере – связав за спиной большие пальцы ног и рук, несчастную бросили в воду, и та прикинулась, будто сроду с нечистью не зналась – утонула. Другую, девушку лет шестнадцати, скинули со скалы, усадив на помело. Думали, коли взлетит, значит, ведьма... Ошиблись, хитрая девчонка разбилась насмерть, оставив добрых горожан «с носом». Ещё одну, ей удавалось долго выглядеть молодой, старуху, недавно свели куда-то в лес, придавив камнями... Когда вернулись проверить, тела на месте не оказалось – забрали злые духи холмов, а под камнями отыскались косточки, только не человеческого скелета, а большой дикой кошки. Значит, ведьма оборотилась, но, пытаясь спастись, она так и не смогла выползти из под каменной груды, наваленной сверху. Благо ей, ведь камни были освящены в аббатстве Мелроуз, где покоятся мощи святого Дритхельма и хранится сердце короля Шотландии Брюса I.

Большую часть отряда Таурус отправил дальше вместе с Дёраном, а сам остался наблюдать и отвлекать возможную погоню, но горожане не рискнули даже выйти за стены, чтобы унести своих убитых и раненых.

Близ Аррохского леса издревле существовали разбойничьи пещеры пиктов. Эти катакомбы были не просто добротным укрытием путника, спрятавшегося от дождя и ветра, а представляли собой разветвлённую сеть туннелей, сделанных древними жителями, населявшими эти холмы многие тысячи лет назад. Подобные старинные сооружения нередки на территории Островов – их использовали и современники-фермеры в качестве хранилищ фуража, или загоняя скот на зиму в «полые холмы». Старинная кладка стен, крошечная темнота в глубине ходов. Частью туннели были завалены обрушенной породой. Большинство туннелей теперь оканчивались тупиком, но малая

толика их, наверное, могла ещё вывести на белый свет. Или же на свет иной, в тот мир, где обитают счастливые:

«Велика равнина, много в ней мужей, краски блистают светлым торжеством. Серебряный поток, золотые одежды – все приветствует своим обилием. В прекрасную игру, самую радостную, они играют, вином опьяняясь, мужи и милые женщины, под листвою, без греха, без преступления... Лес деревьев цветущих плодовых, среди них лоза виноградная, лес невянущий, без изъяна, с листьями цвета золота»⁸⁶.

Костёр группа Тауруса развела глубоко в пещере, а по тому, что дым втягивало внутрь, стало понятно, пещера – часть тоннеля, имеющего выход где-то за холмами. Пройдя напрямик, они нагонят основную часть отряда – да, может быть, и опередят Дёрана сотоварищи. Воины хотели идти, возбуждённые удачным набегом на чужой лагерь. Предводитель приказал отдыхать, несмотря на царящее напряжение и волнение. Сам Фэрганем прилёг возле костра на разостланную овечью шкуру. Он спал на боку, подложив руки под голову, его лицо, разгладившееся и ясное, было безмятежно. Оранжевые блики от огня скользили по лёгкому лакированному, уже потрескавшемуся кожаному доспеху предводителя, особенно тёмно багровела не отёртая застывшая кровь на них. Несколько наёмников Гилливрэя Росса расселись кучкой, грелись друг от друга, шептались, бросая недоверчивые, слегка испуганные взгляды в сторону входа – неровен час...

– Сумасшедший, ты нас погубишь, подведёшь! – зло цедила Лаурина во сне. – Большой выродок, лучше я сама тебя зарублю, чем доставлять хлопоты Миддию!

Лицо её осунулось, резче очертился подборок, всегда аккуратно начищенные бляхи амуниции и серебряные пряжки горели, в них отражался огонь. А здоровяк, казалось, доволен собой чертовски – слегка улыбается, не тревожат его полученные раны. Дышал Сефиро глубоко и шумно, словно конь. Ощутимо вздымался его дубовый нагрудник. Парень пребывал «на взводе»: хоть сейчас рванёт в бой и утыкается стрелами, как иголками ёж... Он пристально глядел на костёр и на спящего вождя, изредка поглядывал и на сердитую красавицу Лаури, разметавшуюся во сне и что-то бормочущую. Сурово, с изумлением человека, который ощущал за собой невероятную силу, громила вдруг воскликнул:

– Кьяран!!!

⁸⁶ Старинная ирландская баллада.

Отблески костра привлекли из леса... *старую ведьму*. Старуха вошла, согбенная, грязная, худая, с лихорадочно горящими белками выпученных глаз, бочком направилась прямо к огню. Словно от каменных сырых стен холод, так исходила странная болезненная *жажда* от старухи⁸⁷. Женщина была страшна: истончившаяся сухая кожа, худые конечности, гнилые ногти и язвы на ногах. Притягивали взгляд её безбровое лицо, крючковатый «птичий» нос, большая круглая голова и вздувшиеся вены, проглядывающие сквозь редкие седые волосы... Ёжась, она села рядом с лекарем и пышущей жаром тушей юного Сефиро. Миддий осмотрел и обработал старухе язвы и перевязал, виноватым взглядом поймал расширившиеся в ужасе глаза Иуэль, покачал головой.

«Проклятая дева», «Чумная тварь», «Проказа»... как только горожане не обращались к ней, побаиваясь и не решаясь подойти. Старуха остро нуждалась в защите и безошибочной интуицией энергетического вампира выбрала покровителя – такого же увечного, но в этом человеке, болезненная дремлющая, ощущалась Великая Сила...

Её не зарубили, не связали и не бросили в угол как мерзкую тварь, а накормили хлебом из смеси пшеницы и ржи и напоили ячменным пивом из командирской фляжки внезапно проснувшегося Тауруса.

Фэрганем моментально оценил ситуацию: изгнанница, она как никто другой знала здешние подземные ходы. Судьба им благоволит!

Ощущение незримого присутствия потусторонних сил не позволяло наёмникам расслабиться. «Чумная тварь» напустит страшную болезнь, и они сгниют заживо в этой пещере! Они прикончили бы её, брезгливо выбросив, – что Лаурина, что другие, – но приказ главаря катхи был крепче позывов отвращения.

Ведьма подняла голову, убрала грязные скатанные седые волосы от лица. Пожалуй, общество лекаря и молодого гиганта нравилось ей. Сефиро не боялся никого и ничего, был выше, сильнее страха, как и сам Таурус. Ведьма улыбнулась широко и зловеще, явив кривые верхние зубы, белые клыки. По-прежнему бледным было её круглое помятое лицо, причём эта бледность являлась природным свойством кожи женщины. Уродливая, безродная страшила. Как она могла жить с такими данными? Ни шотландцы, ни

⁸⁷ Болезнь преждевременного старения называется *прогерия*. Заболевание генетическое, не лечится.

ирландцы, ни даже мерзкие англосаксы не принимали женщину в семью, если она не нравилась их родителям.

Расправив разорванные длинные оборки платья, старуха привстала и поползла, походя на паука. Прислонившись к могучей, словно каменной, тёплой спине Сефи́ро, не открывала глаза некоторое время. Она откуда-то знала, что этот огромный воин сейчас не оттолкнёт.

– Возьму сполна женщина! – угрожающе произнёс Сефи́ро, положив клеймор, обёрнутый в шкуру, себе на колени.

Болезненная старуха тоненько хихикнула.

Лаурина брезгливо скривилась, отвернулась и, сплюнув далеко в темноту пещеры, негодуя вздохнула. Она бы собственноручно прирезала это страшное и мерзкое чучело в лохмотьях, если бы вдруг Фэрганем Таурус так за неё не уцепился. А необузданного переростка с «повёрнутыми» мозгами... трудно сказать, разок-другой врезала бы в челюсть с размаха, с плеча, за тот необдуманый поступок в лагере врага, когда он выскочил без команды...

Ни грозы, ни дождя, а ночь прошла в беспокойстве. Миддий, Лаурина и другие воины просыпались несколько раз, оглядываясь и прислушиваясь к звукам ночных птиц, стрекотанию сверчков. Чиркали кремнем, зажигали сальный фитиль чарага⁸⁸ и осматривали своих: не пропал ли кто, не начал гнить от чумы... Таурус, перевернувшись на спину, тихо сопел. Признаться, раздражала его невозмутимость, пугала. Ведьма лежала, упокоив голову на животе гиганта, а сам он будто бы помер. Но стоило нависнуть над ним, как Сефи́ро открывал глаза и глухо бормотал невесть что. Так ведь и Таурус разговаривал во сне! Говорил ровно и умиротворённо:

– Светлячки... они повсюду, и мы с ними, они – в нас! ОНИ приведут нас к цели, помогут дожить...

В темноте пещеры, едва слышимые, шорохи, писклявые слабые голоса, звали кого-то. Старуха ведьма приподнялась на скрюченных локтях, повозилась над чьим-то мешком, поворошила чужое имущество, поползла туда, откуда доносился писк. Маленькие головастые уродцы ждали её, старшую, почитаемую несчастными крохами как мать. Она-

⁸⁸ Светильник у тюркских народов. Каким путём оказался в Шотландии – неясно, вероятно вместе с прочим награбленным разбойниками-крестоносцами басурманским барахлом.

то начала стареть поздно, в самом начале замужества, а эти были совсем беспомощные, обречённые умереть от старости двенадцати лет от роду.

Но ушла ведьма совсем недалеко. Путь ей преградил воин, обокраденный хозяин вещмешка – не так-то легко застать врасплох «белого горностая»! Старуха поспешила вернуться обратно и покорно легла.

Утренние бледно-синие лучи пробивались в пещеру, лесными призраками они гуляли по земле. Поднявшись, Миддий растёр свои отёкшие толстые ноги, потопал ими, размялся. С виду он был неуклюж и глуп, но когда брался за лечение, преображался. Ловко, почти незаметно двигались его руки, а сам он суетился, будто пчела: перевязывал раны и приговаривал тарабарские лекарские заклинания.

Лекарь окинул взглядом спящих – воинов, юного подопечного мечника, страшилую ведьму, неторопливо побрёл к выходу из пещеры. С озера тянуло свежестью, утренние травы благоухали. Миддий сел на плоский камень у самого зева приютившей их пещеры, скрестил ноги. Постепенно его сердечный ритм успокоился, появилось ощущение лёгкости, единения с природой. Он был камнем, чёрным валуном, рождённым землёй в глубокой древности, он вспоминал, что звёзды в небесах тогда были другими. Постепенно, век за веком мелькали, не оставляя воспоминаний, сменялись эпохи, ближе придвигался противоположный берег этого озера, что раскинулось глянцевой лентой прямо внизу, у подножия холма⁸⁹.

Ранения Сефиро заживали с нечеловеческой скоростью, как на Куланновом псе⁹⁰. Прошла всего ночь, но дыры от стрел закрылись, оставив шрамы. Пропала нужда в перевязке. Закинув меч на плечо, громила бодро пошёл за Таурусом. Ведьма следовала за ними, а что ей оставалось? – в любую минуту Лаурина могла зарубить – с такой ненавистью взглядом сверлила затылок несчастной, постоянно держа руку на рукояти клинка.

⁸⁹ Через территорию Хайлэнда и Арран проходит косой разлом Глен-Мор, являющийся стыком двух различных геологических плит. В кембрийский период территория нынешней Северо-западной Шотландии располагалась недалеко от Южного полюса Земли и, за исключением Хайлэнда, покрывалась морскими осадочными породами. В настоящее время территория Шотландии медленно движется на север.

⁹⁰ Кухулин (Сетанта), чтобы не опоздать на пир в честь своего дяди, убил чудовищного пса кузнеца Куланна, после чего охранял дом до тех пор, пока не вырос щенок убитого им пса.

Наёмники двигались неустанно по каменным туннелям, блуждали во тьме ярко-оранжево-жёлтые огни факелов и сального чарага, несомого ведьмой. Таурус двигался без остановки, ползком, боком. Он готов был поспорить, что стёр себе в кровь локти, плечи, колени, набил шишки на голове, вымотался вести отряд по катакомбам до такой степени, что вот-вот упал бы замертво. Внезапно Миддий остановился, попросил осветить – тоннель закончился колодцем...

Сверху тянулись пеньковые канаты, пропадали в темноте внизу. Таурус сбросил факел – свет на глубине замерцал и погас. Донёсся всплеск, значит, факел погас, не долетев до дна; и неизвестно, сколько там воды, на дне. Миддий что-то отковыривал со стены. Подле него, подставив корзинку, стояла верная Иуэль.

Лекарь подозвал Фэрганема Тауруса, продемонстрировал блеснувший жёлтый камешек. Воины, оказавшиеся поблизости, застыли в изумлении: ЗОЛОТО!!!

Они, торопясь, вылезли на бугристую поверхность холма, поросшую вереском вперемешку с мелкой и острой травой, тёмно-коричневой точно кожа каштана. Повсюду лежал засохший птичий помёт. Радостные до безумия, воины не могли надыхаться свежим ветром, как спасённые замурованные смертники, двигались живо, точно до этого находились в каменном мешке в бездействии целую вечность. Говорили и даже плясали неистово! Обыкновенно сдержанные в эмоциях, горцы не прятали улыбающиеся лица.

Их было два десятка человек, считая Тауруса и Сефира за троих. Женщины в расчёт не шли. У каждого – полные пазухи жёлтых кристаллов, насечённых по указке Миддия. Вот так везение! Правду филиды⁹¹ бают, жилища драконов – золота полны⁹²...

Собственно говоря, драконов на своём веку ещё не видал никто из присутствующих, но этими зверьми сейчас ощутимо пахивало.

За огромными камнями находилась глубокая пробоина, заваленная соломой и спудом из толстых шкур. Торчал дымоход, из него тихо выходил едкий дымок. Но не то изумило отряд, а множество бочек, привязанных к незамысловатым устройствам из дерева и светлой материи. «Крылатые змеи», похожие на большие стрелы для римской катапульты, разложенные вдоль скального выступа на вершине холма, приковали

⁹¹ Священники кельтов, среднее звено между бардами и друидами, совмещающее функции обоих.

⁹² «Золото дураков», пирит, он же серный колчедан, конечно, блестит красиво, но настоящее золото не бывает кристаллическим.

внимание воинов. Привязанные к кольям, эти «деревянные птицы» готовились сослужить великую службу, за которую любой король посвятил бы простолюдина в рыцари и вознаградил наследственными привилегиями. Зачем здесь этот странный арсенал?

Таурус расхаживал вокруг, осматривался. Где хозяин этого оружия и против кого оно? Миддий тем временем возился у чадающего серными испарениями чужого очага. Цокал языком, качал головой. Сефира и ведьма, которую тоже вытащили на поверхность, сидели тут же, у корзины, полной таких же точно кусочков кристаллической породы.

– Эй! – наконец не выдержал Фэрганем. – Выходи сюда, не прячься! Кто ты?

В двух шагах от Тауруса поднялся пласт дёрна, из-под земли восстал фигура. Немолодой, но и не старый крепыш, обросший бородой, усатый, длинноволосый, вооружённый топором с длинной рукоятью. Мужчина недоверчиво приблизился к вождю «горностаев» и медленно провёл рукой по волосам, смахнув крошки дёрна.

– Меня звали Сарих⁹³, доблестный воин! Мой отец плотник из клехана Кэррик близ Бэлдуна. Кто вы? Как меня выследили? Я умею сражаться и не сдамся живым!

– Мы здесь случайно, а направляемся далеко отсюда – сказал Фэрганем. – Почему ты прячешься, Сарих? Если честен, идём с нами!

– Сколько фунтов твоя есть белая соль, молодец? – задал вопрос подбежавший взволнованный лекарь.

Сарих покосился на толстяка Миддия, но решил, что этот безоружный нескладный человек не опасен.

– Я насобирал довольно, чтобы зажечь город! – заявил Сарих гордо и злобно.

– А для чего ты намерен губить своих земляков, дружище? – поинтересовались подтянувшиеся воины. Ненависти шотландца к родичам нужны веские причины!

– Я должен отмстить. – Сарих сжал губы. – Мою невесту горожане сбросили со скалы на камни, обвинив в смертных грехах. На самом деле она не виновна! Лэрд – профос незаконно хотел её благосклонности... Несси⁹⁴ ударила. Теперь я сожгу Бэлдун!

– Откуда же тебе, сыну деревенского плотника, знакома алхимия? – чувствовалось, Таурус насторожен и заинтригован.

⁹³ Saraid – шотл. муж. имя: *лучший, благородный*.

⁹⁴ Agneas – шотл. жен. имя: *невинная*. Уменьш. *Несси*.

– Я умею читать. – Заявил тот. – В юности меня обучили францисканцы. Однажды я нашёл у монаха, одного из последователей Иоанна Дунс Скота, манускрипт, в котором описывалась мадфаа⁹⁵.

– О! – воскликнул Миддий. – Этот юнош должен нада иди с нами! Такой нада для моя дела помогай! Очень-очень помогай!

Таурус показал на «змеев»:

– Ты изготовил римские стрелы, но такие снаряды тяжелы для броска. Где же спрятана катапульта?

– Я доброшу! – Сарих приложил к носу указательный палец⁹⁶. – Видишь, воин, оперение на хвостах и на спинах? Драконьи крылья понесут мою месть в проклятый город!

Фэрганем вопросительно глянул на Миддия, на физиономиях остальных появились недоверчивые ухмылки. Но мститель невозмутимо продолжал объяснять как человек, одержимый сделанным открытием.

– В городе есть обитель францисканских монахов, у них часто бывают гости с юга. Святые отцы, известные учёностью, сведущи не только в богословии, но и в познании божественного мира достигли успехов. Я читал сочинения Роджера Бэкона о порохе и стекле, обостряющем зрение. Там, в библиотеке, хранятся рукописи других высокоучёных братьев, а однажды на пергаменте увидел чертежи летающих змеев... Я поверил рисовальщику, потому что вспомнил, как однажды с мастерской моего отца порывом ветра сорвало навес из холстины – он, как парусное судно, летел по воздуху, пока не зацепился за деревья.

– В моя родина давно-давно небо пускай драконы из бумажный мешками, – согласился Миддий. – А бочка делай из толстый бамбук и суй туда пороха, потом поджигать и летит – Бах! – Бах! – Ярко, весело!

⁹⁵ Прimitивная мортира, описанная в начале XIV в. безвестным арабом.

⁹⁶ Этим жестом шотландец сообщает: «знаю секрет».

– Да, да! – воскликнул Сарих, – брат⁹⁷ Иоахим, который нынешним летом подряжался к моему отцу плотничать⁹⁸, называл такие шутихи «фойер верк» – огненное дело...

– Когда же драконы полетят? – поинтересовался Фэрганем Таурус.

– Скоро, очень скоро! Селитры я загодя украл в монастыре. Ольхового угля нажёт и уже натёр помельче. Сегодня заканчиваю вытапливать серу, а завтра наделаю пороха и снаряжу бочки. В октябре же, когда начнутся шторма, я брошу по ветру своих драконов.

– Хорошо бы подмешать в порох сушёных кузнечиков, – посоветовал Таурус. – Мои воины всё лето ловили, и вялили. Наш учёный алхимик Миддий велел.

Настала очередь удивиться Сариху:

– Зачем это?

– Наша всегда так делай, – авторитетно пояснил алхимик-лекарь. – Порох тада лучше бывай, взлетай выше, живее, взрывавай сильнее⁹⁹.

Таурус сгорал от нетерпения испробовать новое оружие – огненных драконов. Сидеть здесь, дожидаясь погоды, он не собирался, ведь нужно ещё нагонять отряд Дёрана и топтать на исходные позиции – выполнять дело, для чего их наняли. Но и оставлять за своей спиной непонятные загадки вождь горностаев был не намерен. Если в городе есть обитель и в ней насобирали столько дефицитной селитры, что приличный мешок её может стянуть без особого риска любой деревенский плотник... Жаль, балы Росс ушёл с отрядом Дёрана! Может, тогда и не понадобилась бы экспедиция в Арнейл?

Второй вопрос: а для чего в Бэлдуне собирали белую соль¹⁰⁰? Вопрос третий: а почему вдруг именно здесь *нищенствующий* орден затеял завести собственность, укрепиться? Рьяные гонения на ведьм – что это, если не театральные меры, призванные снискать популярность у горожан? В случае конфликта с мормэром или королём городские жители встанут на защиту обители, как они думают, благочестивых францисканских братьев...

⁹⁷ В Англии францисканцев называли «серыми братьями» за цвет одежды.

⁹⁸ Францисканцы принципиально отказывались от имущества, добывая пропитание подённым трудом. Имущество Ордена формально принадлежало Папе римскому. Это породило раскол, дало повод еретикам-спиритуалам (катарам) обвинить Папу в сатанизме.

⁹⁹ Китайские пиротехники всерьёз верили в это.

¹⁰⁰ Бесцветные кристаллы.

Вопрос четвёртый... А где сейчас брат Иоахим?

Из-под земли доносилось бляение коз и приглушённый кашель. Постучав мечом по дымоходу, Фэрганем дождался выхода старика, крепкого, низкорослого, белобородого с большой овальной головой. В серой сутане с белым верёвочным поясом, подслеповатый, он вышел к отряду из-под отодвинувшегося камня. Его толстый лоб выпирал, нависая над курчавыми бровями, глаза были посажены глубоко, сияли мокрыми агатами. Гостей мастер не звал, поэтому опешил, увидав связанного помощника в лапах здоровенного Сефира. Старик, слегка наклонив голову, выразил почтение Таурусу и его отряду. Заметив среди них главную ведьму, ту самую, изловленную городскими стражами, старик забормотал, отпрянул.

– Спокойно, Иоахим! – улыбнулся Таурус, ласково взяв старика за плечи. – Пока «Чумная тварь» со мной – не опасна.

Предводитель «белых горностаев» излучал уверенность и умную силу. Францисканец, последний из еретиков-спиритуалов¹⁰¹, почувствовал: ни предубеждения, ни суеверие не властны над этим хитрым и мужественным вождём. Темнели мешки под искристыми внимательными глазами Тауруса, сам он чуть покачивался, устал. Рядом с ним, с огромным клинком наперевес, находился настоящий великан в запахнутой накидке и здоровенных сапогах с пряжками. Огромный мальчишка глядел на старика взором древнего ирландского святого, шальным и дерзким, ясным, голубым, как драгоценный камень¹⁰², исполненным веры во что-то непостижимое, несуществующее. О-о, старик-мастер знал, что за блеск таился в глазах полудикого Сефира, ведь было ему больше девяноста лет, он имел дело с разными людьми и даже, порой, существами, читал в книгах о тех, коих заговорили с рождения, коим так просто не оставить грешный свет.

– Напои моих, чтобы отдышались... – рассмеялся Фэрганем, вытацив толстенный мешочек со звонким содержимым. – Мы потом с тобой, старик, побеседуем.

Иоахим обрадовался, лукаво улыбувшись, явил беззубый рот. Мастер знал цену деньгам в это нелёгкое время... знал и цену *своего изуверского гипнотизма*...

¹⁰¹ Ересь в ордене францисканцев, разгромленная к 30-м годам XIV в.

¹⁰² За голубые-то глаза его и прозвали Сефира?

В прохладных сумерках туман подступил зримо, могуче клубясь над разогретым озером, белёсый, хищный, многорукий, волной вползал между холмов. Отсюда, с гребня, окружающее пространство внизу напоминало саван, в который закутывают знатного покойника. Такое прозрачно-белое, топкое, оно покрывало город – перевалочный пункт, склад оружия и продуктов, ключ к сердцу Аргайла, открытые ворота в Килмартин, во владения Кэмпбеллов, верных сателлитов Шотландской короны.

Вскоре стемнело, и туман сам собою растворился; на плотном тёмно-синем небосклоне ярко высветились лучистые звёзды, их нежный свет отзывался мерцанием светлячков внизу, в зеркале воды. Частые медленные великолепные зелёно-алые вспышки, словно фэйри¹⁰³, спустившиеся к озеру, зажигались и гасли, успокаивая взгляд мягкими огоньками. Танец фэйри – «феерия».

Испив горьковатую настойку старого мастера во второй раз, Таурус приказал воинам нырнуть со скалы на «крылатых змеях» и провалиться в ад, если стены Бэлдуна не разлетятся вдребезги. Бочек оказались у кого две, у кого три, различного объёма. В больших содержался дымный порох. Маленькие же бочонки были заряженными не порохом, дающим только вспышку и чудовищный грохот – внутри содержалось особое твёрдое вещество намного мощнее, изготовленное самим еретиком Иоахимом вдали от людей, втайне. Этого вещества не знал даже Миддий – могло разорвать камень!

Одного «крылатого змея» Фэрганем не досчитался, торчали только колышки. Также бесследно из жилища Иоахима исчез Сарих, остались лишь его плащ и топор. На всех соратников, к их счастью, не хватало «летунов». Старик пообещал показать им безопасную тропу со скалы.

Одурманенный зельем Фэрганем Таурус горел предвкушением опасности! Наверху, в обществе Иоахима, вождь «горностаев» оставил Миддия и дюжину соратников, с собою прихватил Лаурину, Сефиру и несчастную ведьму, едва живую от слабости и кошмарных предчувствий. Вот изумятся горожане, когда увидят над собственной крепостью «Чумную тварь», пролетающую, заражая ужасом суеверных людей!

Великан, предводитель, командирша, ведьма, несколько смелых воинов подожгли длинные промасленные фитили своих пороховых бомб. Вот они вместе, драконьей стаей нырнули в прохладное пространство. Быстро приближалась крепость, факельные огни на стенах, на башнях, на домах; особенно ярко и чётко сияло главное здание Бэлдуна, мэрия,

¹⁰³ Сверхъестественные существа в мифах германцев и кельтов.

с огромной развивающейся на полотне серебристой галерой. Чёрным донжоном¹⁰⁴ высилась главная цель – владение Ордена. Управлять «крылатым змеем» оказалось не труднее, чем норовистой лошадю – мешали, в основном, боковой ветер и страх промахнуться, скинуть бочку не туда. Ведьму запустили, благословив – о, жестокий век, суровые нравы...

Таурус что-то кричал, захлёбываясь ветром, горланила Лаурина, визжала ведьма, грозно орали и грязно ругались остальные наёмники. Появилось движение у городских ворот, на стенах забегали охранники. Взвился протяжный зов рога, набатом ответил церковный колокол. Из-за холма, окружённого редкими островками кустов, показалось множество огней – быстро двигались какие-то фигурки, слышались разноголосые крики, раздавалась ругань. Это был отряд Дёрана, непонятно как оказавшийся здесь.

Ударившись слёта оземь, взорвался первый сброшенный «драконами» маленький бочонок. Поднялись вверх тысячи красно-желтых искр, дрогнула каменная цитадель, потрясённая страшным ударом. Разорвались ещё несколько бочек пороха, поглотили ворота сине-красным пламенем, разнесли на куски и прилегающую часть стены. Резко завоняло серой так, что невозможно стало дышать. Кашель и ужас душили защитников города – нечестивый Сатана набросился на них, ночью, вступился за своих казнённых приспешниц.

Стая ночных драконов, несущая смерть и разрушение, хищно кружила над цитаделью францисканцев, и Папа римский был им не указ. Сброшенные бомбы посеяли панику среди гарнизона, но самое главное – они разрушили часть стены, загораживая собою пролом устремились все вмняемые защитники.

В темноте, дыму, в суматохе было трудно понять, куда удобнее приземлиться. Лаурина и часть наёмников пропали за разбитой стеной, мягко влились в отряд Дёрана и Гилливрэя Росса. Ошалевший здоровяк Сефиро, довольный Фэрганем и, как ни странно, полудохлая ведьма, покружив над домами и тротуарами, потеряв скорость, рухнули в воду. Холодных и мокрых, их приняли из бассейна возле мэрии на руки. Кто-то всё же с адским грохотом разбился о камни городских строений, потеряв управление «крылатым змеем». О павших, конечно, вспомнят...

Пока воины Дёрана гоняли по улицам не выпавшихся горожан, перепуганных, полуодетых, вооружённых как попало, образовался ударный отряд во главе с Фэрганемом и Сефиро – шесть десятков наёмников обрушились на цитадель.

¹⁰⁴ Башня внутри замка, не связанная с прочими строениями. Замок в замке.

Донжон Бэлдуна назывался «башня Тогрип¹⁰⁵», её защищали рыцари «красной совы¹⁰⁶» барона Ласторлаха¹⁰⁷. Тяжёлые, хорошо экипированные – запросто таких не возьмёшь, Иоахим это знал. Не зря он настоял, чтобы на «драконе» непременно скинули ведьму!

Страх, суеверный ужас охватил души горожан, защищающих подступы к Тогрип. Им казалось, что вот сейчас неминуема встреча с Сатаной, огромным, неистовым, разящим грешных христиан громадным огненным клинком! А в том, что он грешен, каждый горожанин даже не сомневался...

Наёмники Росса подошли вплотную к стене цитадели, стремительно прорывались внутрь, с криком, с боевым кличем, напористо. «I take your head!!! – Я снесу твою башку!!!¹⁰⁸» – орал кое-кто, залетая в пролом с боевой песней, метался ожившим кельтским демоном; от таких буквально отскакивали легкобронированные защитники нижнего этажа.

Наверху, обкуренная чем-то наподобие Иохимовых снадобий, «красная сова» сидела по своим дуплам железными статуями, вооружёнными, опасными, в хороших цельнокованых доспехах итальянских и немецких мастеров, неуязвимыми. Лучники Дёрана метко орудовали стрелами с крепкими стальными наконечниками, но не пробивали итальянскую броню. Стрелы вонзались в щели забрала, в подмышку, если рыцарь замахивался чтобы нанести удар. Молодой ирландец, залитый кровью, куражась, рубился, метко кидал кинжалы, находя щели в доспехе самых вредных противников. Наёмники защищали командира как зеницу ока. Немало их полегло от секир и копий горожан и стражников.

Сефино рубил, не выбирая противника, разил мечом, словно адский дровосек, шел бесстрашно вверх впереди отряда. Всякий раз, как он делал шаг, вокруг стелился вал разрубленных мертвецов. Одежда Сефино была искромсана в лоскуты, но всё же ни один враг не мог никаким оружием поразить этого юного кровожадного Монстра из Преисподней. Клинок великана получил множество зазубрин, был готов сломаться в любую минуту, рубил и крошил и кости и железо. Тяжёлые рыцари в сравнении с ним двигались медленно, слишком неуклюже заносили оружие. Фэрганем держался за спиной Сефино, вдвоём они поднялись по лестничному маршу на второй этаж, но из боковой

¹⁰⁵ М.б. Tor grip – крепость на скалистом холме; torch great – огромный факел, светоч.

¹⁰⁶ Слэнговый билингвизм: red owl – испано-англ. *ночная сеть* (буквально: англ. *красная сова*).

Францисканцы принимали самое активное участие в инквизиции.

¹⁰⁷ Вероятно, от гаэльских основ laisrean + tarlach – *вспышка вдохновения*.

¹⁰⁸ Старая шотландская танцевальная песня с острова Скай, Хайлэнд.

галереи внезапно вышли ещё три рыцаря, отрезав смельчаков от их товарищей по оружию.

– Вперёд! – закричала Лаурина, заметившая опасность для Тауруса. – Нужно прикрытие, следуем за вождём!

Де Росс выхватил у павшего рыцаря боевой молот и набросился на латников врага. Закипела схватка. Шип застрял в пробитых доспехах, но Таурус напал со спины, сбив двоих врагов с ног. Лаурина сладострастно вонзила клинок в забрало одному, Дёран приколол другого.

Тем временем на верхней площадке каменной лестницы Сефиро разнёс живую стену из нескольких тяжёлых рыцарей «красной совы», они слетели вниз по одному. Дверь, окованная железом, была настолько толстой, что пытаться разбивать её не имело смысла. Накладной римский замок крепился изнутри, он запирает засов.

– Медвежатника!!!

Наёмники пропустили Дёрана, молодец разбирался в замках и всегда имел при себе заточки и отмычки. Поковыряв в замке, Дёран резко вынул руку. Внутри раздался щелчок, сработала ловушка для воров: острый стальной лепесток с силой шаркнул наискось, срубая всё, что в этот момент могло торчать в замочной скважине. Повозившись ещё, умелец открыл замок и оттянул засов.

– Так-то, ха-ха! – оскалился юный командир. Дверь тяжело поддалась, а сам Дёран гордо задрал подбородок.

Осторожно заглянув внутрь, Лаурина выдохнула, сжав в руках короткий меч, приготовилась к жаркой драке – внутри ожидало десятка два рыцарей и несколько легковооружённых «серых братьев» Ордена, подпоясанных белой верёвкой с тремя узелками, со знаками «тау». За ними – гвардиан, настоятель монастыря, – прятался возле высокого богато украшенного кресла в конце стола. Увидев горящий дикарский взгляд Сефиро, священник затрясся, сморщившись, готовый заплакать.

– Добивайте гарнизон! – бросил Сефиро, мотнув головой. Мешал передвигаться большой порез на правой ноге гиганта, кровь из раны окрасила штаны Сефиро багровым.

– Что? – не поняла Лаурина.

Неожиданно, решительно оттолкнув и женщину и Дёрана, юный великан зашёл внутрь и захлопнул дверь.

Огни толстых сальных свечей, освещающие зал, испуганно взвились, в конвульсиях, тени вытянулись, заплясали по стенам, превратившись в змеи. Сефино, преодолевая боль, медленно двинулся к центру этого помещения. Священник ёжился и что-то кричал на латыни, большая золотая икона «крест святого Дамиана» на его груди дрожала. Под сильными экономными ударами Сефино рыцари по очереди стали превращаться в груды разрубленных доспехов и плоти.

Золочёные статуи, небольшие мраморные изваяния, расположенные вдоль стены, и портреты духовных лиц между красных и серебристых длинных полотен с голубым гербом¹⁰⁹ Ордена были забрызганы кровью.

Когда разъярённая Лаурина снова ворвалась внутрь, готовая растерзать идиота Сефино, его не нашлось. Среди трупов остался в живых лишь дрожащий священник, завернутый в красное полотно с гербом. Он забился под стол и, похоже, сбивчиво молился, тихо подвывая. Вытащив настоятеля монастыря, Лаурина и Дёран снова выбрались на лестницу. Там их встретил довольный собой Фэрганем Таурис. Увидев воочию восставшую из костей «Чумную тварь», священник затрясся крупной дрожью, заорал, задёргал головой, схватился за крест на груди.

Серая стена густого дыма поглотила Бэлдун, пожрала погибших и ещё мечущихся в сражении. Слышались вопли отчаяния, треск сгорающей древесины, грохот металла, ругань. И вдруг хаос прекратился – раздался звон колокола монастырской часовни. С крыши донжона донёлся высокий голос священника. Он стоял на коленях, а рядом с ним была уродливая страшная женщина. Настоятель Тогрип призывал «братьев» без оружия покинуть крепость, ибо она проклята, и даже он уже не жилец, зачумлённый, не способный «возопить божьим гласом». На крупном плоском лице гвардиана с мешками под глазами сопел крошечный круглый нос, сиротливо задранный вверх, делавший лицо жалким. Последние слова он буквально промычал.

– Сбросим его! – горланили наёмники, скача по крыше, беснуясь, танцуя победную джигу. Тяжело раненные, не в силах буйно радоваться, ползали и тонко постанывали, корчась, сквернословили, обнажая зубы.

¹⁰⁹ На голубом поле две скрещенные руки (Христа и Франциска Ассизского), на заднем плане белый крест. Знак «тау» – Голгофский крест Христа (без таблички над головой) – *покаяние и обновление*. Три узла на верёвке – тройной обет: *послушание, нестяжательство, целомудрие*.

– Нет, – покачал головой Фэрганем Таурус. – Потребуем выкуп!

Он вышел на самый край крыши, не взирая на опасность получить стрелу, и громко произнёс:

– Убирайтесь и скажите вашему королю, что Шотландия не сдастся!

Крепость опустела наполовину. *Ряженые под францисканцев англы* бежали, как трусливые псы.

– Где этот выродок? – Лаурина подводила итоги.

– А-а, Сефиро! – слегка улыбнулся Фэрганем. – На продуктовом складе...

Когда предводитель «горностаев» уставал, в линиях его фигуры сквозила женственная мягкость, а движения, доселе расчётливые и выверенные, становились вялыми. Но глубокая мысль была в его усталых глазах и губы улыбались блажено, безмятежно, будто перед угрозой расставания с жизнью он открывал удивительную тайну. Своей находчивостью, опасной непредсказуемостью, хитрым умом Таурус нравился Лаурине. Она замирала, глядя на него в эти минуты после победы, после долгих переходов. Растрепались его волосы, по спине и плечам, и – о боги, когда же Фэрганем поседел?

Неподалёку, перебирая корявыми руками складки юбок, на земле сидела «Чумная тварь». Показалось ли Лаури? Ведьма почему-то выглядит моложе... или волосы выпачкала сажей?

Бальи встал рядом и похлопал Тауруса по плечу:

– Было впечатляюще! Сэр Нэйл Колумор теперь наш должник – станешь бароном Бэлдуна, как бог свят! Мой тебе совет, Человек без имени¹¹⁰, удержи своих воинов от мародёрства.

– Успех питает надежду¹¹¹, не так ли? – парировал Таурус.

Оставшиеся в живых наёмники бальи Гилливрэя Росса отдыхали в пустой Тогрип, искали напиться, пожрать, приключений, спрятавшуюся послушницу, хорошее оружие... да мало ли, чего ещё пожелает душа победителя!

¹¹⁰ Буквальный перевод гаэльского «фэрганем».

¹¹¹ «Успех питает надежду» - девиз клана Росс.

Тело Сефиро горело, он принял будоражащую настойку Миддия, чтобы не лишиться сознания от потери крови; боль притупилась, чуть «поплыло» соображение... Крепость захвачена, отряд «белого горностая» должен вернуться в Эйлен Донан с почестями, Тауруса удостоят звания рыцаря... Столько всего накопело, а непобедимый Сефиро Маклин валяется у лекаря без сил... Снаружи слышалась мелодия волынки, оживлённые голоса соратников... СОРАТНИКОВ... вдруг великан соскочил и, схватив меч, вышел из палатки, раздражённый, злой, способный снова зарубить дюжину бронированных англоv. Когда это босяки, «обмоточники» стали друзьями? Теперь даже мысли бесили, настолько воин был измучен.

Возле костра отплясывали молодцы Тауруса, свистели, выводя звонкие трели, неразборчиво орали хмельные песни. Пахло жареным мясом. Из двух перегруженных трофеями телег, выбив днища бочек, по большим деревянным кружкам, которые нетерпеливо тянули множество рук, разливали монастырское вино. Получая ароматное забористое пойло, толстую коврижку из ячменя и овса и куски жирной аппетитно-пахучей баранины прямо с костра, наёмники валились на траву и лакомились, точнее, хватали, как голодные дикари, обжигаясь сочащимся жиром.

– Дай пожрать! – заорал Сефиро, что было сил.

Волынка продолжала играть, не переставали раздаваться хмельные голоса, слышалось чавканье, хруст разгрызаемых костей.

– Поесть... КОМАНДИРУ Сефиро! – громко и чётко провозгласил Фэрганем Таурус, подняв руку, сжатую в кулаке. – Вина, отличного, благородного... Налить!

– Да, командиру в первую очередь! – поддержали «горностаи».

– Респект непобедимому Сефиро! Честь и слава отважному Маклину! – кричали воины фиана, стучали кружками. Обступив юного великана, осторожно касались его перевязанных плеч, стёсанных рук, дружески подбадривали, рассказывая, как он в священном пылу сражения разрубил два десятка лучших рыцарей «красной совы», хранивших арсенал Тогрип, тайком готовивших нападение на замок Килчерн, владение клана Кэмпбеллов. Великан обомлел от неожиданности, даже рот раскрыл от изумления. Глядел и глядел, моргал. Не хотелось кричать и тем более драться. Дружно подхватив огромный меч, солдаты отнесли его в палатку. Великану достался сочный кусок баранины, наколотый на длинный узкий кинжал. Дёран, нетрезвый, обнял Сефиро за

плечи, болтал что-то маловразумительное, рукой проделывал финты, кажется, учил его, мечника, метать ножи.

Зналок разнообразных законов в силу своей государственной должности, балы Гилливрэй Росс во хмелю куражился, под хохот наёмников декламировал из монастырского Устава бенедиктинцев¹¹²:

«Полагаем полмерки вина достаточной на день для каждого. Кому же Господь дает силу воздержания, те пусть ведают, что будет им особливая мзда на небесах. Если же условия местности, или тяжелый труд, или летний зной потребуют большего, то давать по усмотрению аббата, соблюдая всячески, чтобы не дошло до пресыщения и пьянства. Конечно, мы читали, что пить вино — не монашеское дело, но так как в наши времена убедить в этом монахов нельзя, мы согласились хотя бы на том, чтобы не пить до пресыщения, а умеренно, ибо «вино развращает и разумных». Если же по условиям местности нельзя достать вышеуказанного количества, а много меньше или совсем ничего, то пусть обитающие там благословляют Господа и не ропщут, памятуя, прежде всего, что надлежит им быть безропотными».

Слушатели, покатываясь со смеху, не собирались быть «безропотными» – находили и называли множество обстоятельств, оправдывающих увеличение для них размеров аббатовой нормы.

Сефино сосредоточено поедал мясо, запивая «Vin santo¹¹³». Тело продолжало гореть и зудеть, как паршивое, пожалуй, заснуть он всё равно не сможет. Лаурина была недовольна: блажит Фэрганем! Перепил... Ну, какой из этого бугая командир? Чего накомандует? И теперь она, *настоящий* командир отряда, станет терпеть выходки этого дикаря? Вон, отвратительный, лоснящийся от бараньего сала, вонючий, нажрался и пошёл мучить страшную ведьму. Такой «неотёсак» и зверь, исполосованный, задерёт её до смерти. Пусть! Только бы на глаза не показывался...

Помощница лекаря, Иуэль заботливо ухаживала за ранеными, а сам Миддий куда-то запропастился. Ведьма помогала лекарке. Старуха и в самом деле чуть оживилась, хотела быть полезной. Узнали её имя – Сорча. Оказывается, этой женщине нет и тридцати лет отроду! Стареть начала внезапно, сразу после замужества. Родные и соседи перепугались до смерти, подозревали всякое: чёрный наговор, божью кару, насильно искали на теле

¹¹² Клан Росс происходит от Ферхара, сына бенедиктинского священника из рода О'Беоланов, наследственных аббатов Эплкросса.

¹¹³ По одной из версий «Святое вино» для мессы францисканские монахи применяли как средство излечения чумы (1348г.).

печать Нечистого духа. Сошлись на том, что обвинили молодую жену в колдовстве и выдали воинствующим клерикалам «ночной сети» Ласторлаха. Это как раз её нынешней весной пытались придавить освящёнными камнями в окрестностях давешней пещеры. Кто вызволил, Сорча не помнила. Иуэль чем-то обрабатывала ей суставы, смазывала шелушащуюся кожу. Поила укрепляющим отваром. Ведьма рассказала и про малышей, таившихся под холмами, которых она опекала по мере собственной слабости; одного схоронила...

Фэрганем не торопил отряд, давая возможность отдохнуть и набраться сил перед тем, как продолжать поход на юг в интересах нанимателя. Лекарь отряда Тауруса зачастил в донжон Бэлдуна и, пока было возможно, проводил часы досуга с Иоахимом, занявшим апартаменты низложенного гвардиана местных «серых братьев». Сарих прислуживал старцу. Миддий изучал премудрые манускрипты, хранившиеся в орденской библиотеке, и сын плотника помогал ему разбирать сложности латыни, объяснял рисунки. Иоахим ни в какую не желал делиться секретом твёрдой взрывчатки, сколько ни просил его лекарь. «Мне, – ворчал еретик-катар, – скоро держать ответ перед Господом, и совсем не охота становиться виновником огромного количества человеческих смертей». Миддий понимал старца и не слишком-то его уговаривал, а поймёт ли Таурус Миддия – вот вопрос... В конце концов, не пытаться же девяностолетнего старика в застенках «красной совы»!

Фэрганем Таурус и Гилливрэй Росс вызвали в Тогрип лорда-профоса и прочих важных шишек города Бэлдун. Объяснили ситуацию, продемонстрировав закрома башни. В Аргайл легче приплыть, нежели пройти – единственную дорогу англичанам преграждает сильная крепость Стерлинг, периодически отбиваемая шотландцами. Тайник оружия здесь, в Тогрип, мог пригодиться как для проникновения на западное побережье, так и для удара по Стерлингу¹¹⁴ с тыла.

Осознав, кого пригрели, отцы города пришли в ужас. Всё-таки Роберт Стюарт, лорд-хранитель Шотландии, был здесь уважаем, и никому не хотелось становиться слепым орудием его врагов.

¹¹⁴ Значение крепости Стерлинг трудно переоценить. Именно против неё англичане впервые применили самую передовую военную технику XIV века – огнестрельные орудия. В 1303 г. Эдуард установил у стен замка 17 осадных орудий и приказал сорвать свинцовые пластины с крыш церквей, чтобы изготовить снаряды.

– Что же, бальи, эти подземелья дорого стоят? – заметила «Тёмная волчица», крадущаяся верхом на пони по узкой тропе вдоль сумеречного озера Лох-О. Де Росс на своей лошадке семенил рядом.

– Дорого, девочка, очень дорого. – Нехотя отозвался тот. – Для Кэмпбеллов они как неожиданное наследство дорогого дядюшки.

Авантюра Тауруса не особенно нравилась бальи, посему де Росс настоял слегка изменить план дальнейших действий, предложил свои дипломатические способности. Да, конечно, отвлекая флот Маклинов и прочих островных пиратов кучкой галер, прикидываясь морскими торговцами, можно рассчитывать, что одна незаметная рыбацкая посудина проскочит мимо и высадка в окрестностях замка Тарберт произойдёт буднично. Может даже улыбнётся удача, наёмники раздобудут на побережье галеру и в срок окажутся, где надо. Но это всё риск – слишком уж длинны и узки водные дороги в Хайленде, пускай и мало населены здешние места. Другое дело – честный обмен любезностями. Кэмпбеллы давно спорят с Макдональдами за влияние. Лакомый кусок – полуостров Кинтайр¹¹⁵, который хотя и принадлежал издревле, до Ларгса¹¹⁶, клану потомков Дональда, затем был отнят у них норвежцами, а уже у Хокона Старого этот богатый, плодородный, самый удобный для жизни край Хайлэнда отобрал король шотландский. Несмотря на то, что Макдональды «из-под палки» выступили тогда в союзе с норвежцами, Александр III не стал возвращать полуостров прежним хозяевам. Больше того, построил замок Тарберт – в самом узком месте острова, как раз там, где ещё Магнуса III норвежцы в ялике волоком тащили через перешеек, доказывая, что Кинтайр – это тоже остров¹¹⁷.

Склоны холмов, древних как клан Макартур и дьявол¹¹⁸, резко обрывались к самой воде – идти приходилось поверху, приминая кустики низкорослой травы, перемежающиеся щепнистыми проплешинами. Ни деревца, ни кустика, только стылый, пронизывающий до костей, ветер с высоченных гор противоположного, северного берега. А ведь сейчас только конец лета – что же тут творится в сезон штормов! Действительно, выживать в таких условиях возможно только «верой и работой»¹¹⁹. Где-то там, на

¹¹⁵ В 1350 году Кинтайр получил Джон Макдональд в приданое за дочерью Роберта Стюарта.

¹¹⁶ Битва при Ларгсе, в которой шотландцы разбили норвежский флот, что положило конец власти скандинавских конунгов над островами Западной Шотландии.

¹¹⁷ Согласно «Саге об оркнейцах» шотландский король согласился отказаться от прав на все острова западного побережья, омываемые доступным для судоходства морем, а Магнус (1098 г.), желая закрепить за Норвегией полуостров Кинтайр, приказал перетащить себя в ялике через самую узкую часть полуострова.

¹¹⁸ Горская пословица: «нет ничего древнее, чем холмы, клан Макартур и дьявол».

¹¹⁹ Таков девиз клана Макартур.

островке, едва поднимающемся из озера, на фоне горы Бен-Круачан, одна из резиденций старого бальи Нэйла Кэмпбелла, замок стерегущий перевалы с севера, из враждебного Лорна, где хозяйничают потомки убийцы Колина Мора¹²⁰, Макдуггалы.

Лаурина недоумевала, почему, выбирая спутника Гилливрэю Россу, вождь «горностаев» указал на неё. Не на ирландца Дёрана, не на Сефино, новоиспечённого командира *десяти*, – на женщину! Политесами она не блистала – говорила всегда то, что думала, прямо в лицо. Да и манерами не годилась в придворные дамы, хотя, если старый Кэмпбелл предпочитает жить в этих угрюмых безлюдных краях, он, пожалуй, может и расчувствоваться от знакомства с такой «милашкой», как она.

Озёра горной страны богаты рыбой: форели, щуки, карпы... Неплохая охота в лесах. Уютное место, волшебное. Только какое-то «сонное» – захоlustье, одним словом. В деревушке рыбаков бальи нанял лодку, и перевозчик доставил двоих знатных путников прямо к стенам небольшой крепостцы. Ворота охранялись безобразно: пришлось долго стучаться – никто не спешил узнать, в чём дело, что за шум. Рыбак, получив свою плату, резво отчалил, вскоре его лодчонка едва виднелась на глянцевой спокойной глади озера Эйв¹²¹.

Де Росс и его спутница протопали за воином через небольшой внутренний дворик и по очереди втиснулись сквозь узкий дверной проём. На втором этаже их ждал прохладный приём. Старый бальи Кэмпбелл недолюбливал Россов, не без оснований считая их ненадёжными союзниками. Он-то, женатый на сестре Роберта I Брюса, верный сторонник короля Шотландии, союзник короны и в национально-освободительной, и в клановой борьбе, методично насаждал здесь, в Аргайле, новые порядки, противостоял сепаратистам, а главное, Макдональдам. Россы всё выжидали, перекидывались то к Брюсу, то к его врагам, Коминам – верно, деревенщина на рынке, живущий «задним умом». Сейчас, когда честолюбивый Джон Макдональд в конец обнаглел и, что хуже, почувствовал свою силу, отказавшись воевать с англами, клан Росс искал союза с ним, заклятым врагом интересов клана Кэмпбелл, неотделимых от Общего Дела.

– Если бы ты не был облечён доверием короля Шотландии, Гилливрэй Росс, никогда нога твоя не ступила бы на эти плиты, – вместо приветствия просипел бальи Кэмпбелл.

¹²⁰ Предок клана Кэмпбеллов, давший начало этой ветви Макартуров.

¹²¹ Другое произношение Лох-О.

– Законы кельтского гостеприимства предписывают покровительство даже к врагам, бальи, – заметил Гилливрэй Росс. – Я же пришёл с добрыми известиями.

– Значит, ты более не королевский наместник, а странствующий бард, разносящий вести? – усы старого бальи покривило недоверчивой усмешкой. – А эта девица, что ты притащил с собой, хорошо ли тебе подпевает?

– Я хорошо пляшу. – Отрезала Лаурина. – Желаете танец над мечами¹²²?

Нейл Кемпбелл хотел вспылить, но передумал.

– А забавная девка! Но попридержи язык, когда говорят мужчины, – спокойно и внятно сказал старый бальи. – Давай, Росс, выкладывай.

– С твоего позволения, я присяду, – Росс нагло угнезвился в дубовом кресле напротив хозяина замка, выложил на столешницу оружие. – Тебе знаком ли монастырь Ордена Франциска Ассизского, тут недалеко, в двух переходах к востоку...

По мере того, как Гилливрэй Росс вёл свой рассказ о недавних событиях, старый Кэмпбелл всё больше мрачнел и хмурился. Только раз он вскинул пронизательные слезящиеся красные глаза на собеседника – при упоминании количества селитры, запасённой англичанами в Тогрип. Бальи Росс отметил это движение и внутренне порадовался.

– Как, говоришь, имя того командира шайки гаэлов и норвежцев? Торфридус¹²³?

– Фэрганем Таурус, – поправил де Росс.

– Хм, Фэрганем... Скрывается что ли? Смел, остроумен, удачлив... Почему же он не явился вместе с тобой за вознаграждением?

– Он не закончил начатое. Если хочешь, я его к тебе пришлю... после.

– Хорошо. Я пропускаю вас... и не спрашиваю, куда вы направляетесь. Но не приведи вам Бог натворить беды нашим союзникам Бойдам!.. Что, Росс, решил, старый свин не догадается, чего ты ищешь в бывших владениях твоей родни?

¹²² Мужской воинский танец горцев Хайлэнда.

¹²³ Turfrid – норвеж. муж. имя: *Тор прекрасный*.

Нападение на Тогрип не было вынужденным, но Фэрганем Таурис любил риск, особенно такой, что приносит острые ощущения, новое военное умение. Хитрый мстительный еретик там, на холме, мгновенно понял – не нужно подавлять волю этого командира. Опробовал новое оружие, *испытал незабываемое чувство* полёта, словно *побывал драконом*. Большой опасности раскрыться тогда не было – наскочили ниоткуда, испарились в никуда. Ищи «горностая» в лесах!

Авантюра де Росса раскрывала тайну перемещения отряда и потому не нравилась вождю «белых горностаев». Но если бы мнение бальи было единственным! «За» высказался Дёран.

«Вождь, мы, конечно, дойдём в условленное место, но не всё зависит от нас. Галеру стянуть не просто и, может быть, ждать Тонье придётся долго. Тогда обратный путь морем предстоит совершать в сезон штормов, а это чревато крушением! Захваченная крепость может нам пригодиться для переброски груза сушей. В случае чего, тут можно перезимовать и укрепиться, есть арсенал, есть средства для изготовления пороха».

Слово сказал и Миддий.

«Таур, пять воин хоронить, семь воин тяжёлый рана – нада лежи много дня, я остаться. Ёхин многое знай, я буду от ним новое умей – горностаи тада воевать самые сильные».

Кого же оставить хранителем крепости? Командиров второго уровня – двое: Дёран и Лаурина. Ирландец в походе нужнее, но и для обороны Тогрип такой находчивый малый – лучший кандидат в констебли¹²⁴. Однако парень воспротивился и здесь. Он пойдёт с Фэрганемом дальше, а Лаурина пусть остаётся за хозяйку тылов. Девушка справится, наладит отношения с местными обитателями, успокоит их и усмирит. Гарнизон будет состоять из выздоравливающих наёмников, а главным козырем – Сефино. Этот при необходимости в одиночку защитит башню, а ведь есть ещё Иоахим и Сарих, умельцы огненного боя...

На Сефино у Тауриса были планы иные. Здоровенный парень пригодился бы на погрузке галеры, пожалуй, даже больше, чем в возможном сражении с охраной Портенкрасса. Но – да! Здесь и теперь юнец-мечник просто незаменим, и отнимать его из-под опеки Миддия рискованно – мало ли, опять станет неуправляем.

¹²⁴ В средневековой Шотландии констебль – комендант замка, крепости.

В топографии южного Хайленда есть одна странность: эстуарий реки Клайд соединяет южные оконечности трёх водоёмов, почему-то считающихся озёрами – Холилох, Лох-Лонг и Гар-Лох. Вместе с ними территорию режут и другие длинные узкие озёра: Лох Лонг соединено с озером Гойл, врезающимся в Аргайл приблизительно на уровне северной оконечности Гар-Лох. Тут начинается узкий полуостров, тянущийся с севера на юг до Ривер Клайд. Вдобавок восточнее, параллельно этим озёрам, вытянулось Лох-Ломонд, вдоль которого проходит натопанная «военная дорога»¹²⁵.

Фэрганем и Дёран повели отряд не там, где обычно водят армии, а в географический тупик – придерживаясь восточного побережья озера Лонг, с намерением встретить галеру на южной оконечности полуострова Гарелокхед. Оттуда по реке Клайд наёмники без труда доберутся в окрестностей Портенкросса, выстроенного на побережье новыми хозяевами, Бойдами, из камней разрушенного замка Россов – Арнейл, стоявшего на Старых Холмах эпохи Дал Риады. Бальи Росс будет ожидать их на галере, которую надеется выторговать у своего коллеги, Нейла Кэмпбелла, владельца Килмартина.

Наёмники ушли налегке, не обременяя себя трофеями. Взяли только некоторое количество готового пороха из запасов Ласторлаха, изготовив дюжины две «огненных стрел» – возложив стрелу, лучник с товарищем поджигал промасленный запал и запускал «гранату» во врага. Неизвестный, необычный приём, хитрость, придуманная Иоахимом и Сарихом, наверняка обеспечит Таурусу суматоху в рядах неприятеля.

На утренней заре, скрытый холодным туманом, что висел низким плотным слоем над сырой осокой, затерялся и простыл след последнего уходящего.

Старый еретик Иоахим хорошо знал своего гонителя: преодолев ночной шок, бежавшие англы соберутся снова и атакуют Тогрип. Но сперва осторожный Ласторлах постарается разведать ситуацию – отправит в Бэлдун шпиона. Не факт, что горожане встанут на их сторону! Проломленную городскую стену надо было срочно восстанавливать силами городских работников. Иоахим позвал своего молодого помощника и распорядился пригласить лорда-профоса.

– Я не пойду! – заявил Сарих. – Я прикончу этого подлеца, не совладаю с собой. Пусть его притацит тот здоровенный мечник, Сафир, кажется.

¹²⁵ Сейчас это Old military road – старая военная дорога.

Полуголый Сефиро топтался на открытой площадке башни, тренировался с мечом, толстой шкурой впитывал живительную утреннюю прохладу. Красный от работы, потный и довольный, юный гигант наносил удары воображаемому сопернику, как учил его Кьяран. Большой меч порхал в его ручищах, описывая дуги и окружности, разил ускользавшую тень чьей-то жизни. Развороты и дорожки, подковки и перебросы меча из руки в руку, жонглирование за спиной, выпады... и ещё то, как показал Дёран – азартный Сефиро подбросил и ловко поймал клеймор за конец лезвия, и со всей дури запустил его в массивную дверь, закрывающую выход из башни на смотровую площадку.

– ТОНГ!!! – пять фунтов заточенной стали ударили в дубовое полотно, проткнули доски насквозь, словно худой рыцарский панцирь.

Удовлетворённый собственной меткостью, Сефиро потянул рукоять, вынимая застрявший меч. Дверь легко открылась. По ту сторону, блее вершины горы Бен-Невис, остолбенело вытянулся Сарих с протянутой рукой, только что намеревавшийся толкнуть дверь. Острие меча кончиком едва касалось его груди.

– О-па, – вырвалось у Сефиро. – Чё хотел?

– Жить... – проронил Сарих, ещё не пришедший в себя.

– Угу, – буркнул Сефиро, упершись одной рукой в доску, другой расшатывая рукоять меча. – Живи пока.

Глядя на простые и спокойные действия по вызволению оружия, сын плотника обозлился.

– Ну и скот!

Сефиро пропустил оскорбление мимо ушей. Он достал-таки клеймор и, поигрывая мышцами и сталью, двинулся упражняться снова. Сарих не ушёл. Стоял и смотрел, зрелище начинало его понемногу занимать, уменьшая страх. Сефиро, казалось, перевоплотился в своего учителя. В разогретое послушное мощное юное тело словно бы облачился ловкий, опасный, умелый мёртвый воин Одина, Кьяран.

– Эй, ты! У меня к тебе срочное поручение, твоя помощь нужна!

Сефиро проделал несколько движений по инерции и встал, опираясь на меч, уставился на зрителя.

– Ну?

– Надо притащить сюда из мэрии профоса. Живьём... к сожалению.

– Сам иди. – Заявил Сефино и подбросил клеймор в воздух. Сверкнуло огненное кольцо.

Сарих опрометью бросился вон...

Лазарет разместили в комнате второго этажа. Настелили вереска, уложили тяжелораненых. Семеро участников нападения на крепость и пара десятков её защитников под приглядом Иуэль мирно лежали рядком. Травница вязала шерстяные клетчатые трузы – дорогой подарок жениху, ушедшему с Таурусом. Мерно стучали спицы, мирно почивали вчерашние противники – ни один не стонал, не ругался. Миддий опоил их всех сонным зельем. Варить его ночью помогала Сорча. После этого страшная девка отпросилась в холмы, к своим убогим карапузам – понесла еду и лекарства, и что-то из тряпья.

Миддий неспешно прохаживался по галерее, выглядывал в маленькие окна: через северные виднелись безлесные пространства, заканчивающиеся у подножий холмов, южные открывали вид на город, начинающийся сразу за площадью, приспособленной горожанами под рынок. Вдали – закопчённые от пожара развалины городских ворот, несколько сгоревших строений без кровли – амбары, склады, лавки, жилые дома горожан, которым не пофартило прошлой ночью. Сквозняки гуляли в помещениях башни, вороша мусор по углам, шевеля прошлогодние листики, застрявшие в клочьях застарелой паутины. Лекарю было тошно. То ли на погоду его ломило, то ли на далёкой родине случилось что-то тягостное, непоправимое. Вот она, привычка вчувствоваться, сопереживать людям чужого племени, живущим по чужим духовным законам!

Чужое холодное небо страны варваров. Злобные боги. Злы жестокие нищие люди, намеренно стремившиеся погубить друг дружку – он, чужеземец, должен их вылечить. И вылечит! Во имя Сугаты¹²⁶, во славу Небесной Гармонии и принца Сиддхарты. Он, Минж Дуэй¹²⁷, по-здешнему Миддий, звучание схоже с именем почитаемого туземцами бодхисаттвы – Мирддин¹²⁸... Верно, и от него ожидают чудес...

Ныл пустой желудок, чесался на прелой ноге начинающийся лишай, – недосуг себя лечить! – беспокоил ревматизм. Всё плохо!

¹²⁶ Эпитет Будды: *Благопришедший* или *Правильно идущий*.

¹²⁷ Китайское: *цельный, независимый* (Дуй) + *чувствительный, мудрый* (Минж).

¹²⁸ Он же Мерлин.

Микроскопическими иголочками тревоги покалывала совесть, и не было моральных оснований наступить ей на щупальца – друг, Ферганем, с отрядом ушёл, мотивация утеряна. Иррациональному самобичеванию Миддия положил предел Сарих, вбежавший на галерею.

– Лекарь! Вели этому дубовому болвану исполнять его службу!

– Чево твоя кричать? Чево н-нада? – всполошился Миддий.

– Там, на смотровой площадке, Сафир машет мечом, вместо того, чтобы слушать приказ, пугает воробьёв. Брат Иоахим хочет поговорить с профосом, а привести его некому. Я не могу, потому что должен убить этого мерзавца. Сафир не идёт. Чуть не зарезал меня, скотина!

Пузатый Миддий, смешно переступая короткими кривыми ногами, фыркая и отдуваясь, поспешил наверх.

– Осторожно! – Предупредил Сарих, едва лекарь потянулся открыть дверь на смотровую площадку. Миддий проигнорировал, толкнул створку и увидел Сефино. Юноша куда-то пристально вглядывался, чуть не переваливаясь через парапет. Его большущий меч стоял тут же, прислонённый к булыжной стенке. Миддий дёрнул подопечного за штаны, тот дрыгнул ногой в башмаке, к счастью, мимо. Со второго этажа донжона было видно намного дальше, чем с галереи. Миддий устремился глазами в том же направлении, куда пялился дозорный: в озере за леском, что слева от башни, в розовеющем лучами утренней зари небольшом озерке, чуть подёрнутом остатками тумана, бултыхались несколько деревенских девушек. Юные и чистые создания едва можно было рассмотреть отсюда орлиным взором. Но у Сефино, судя по всему, глаз был – алмаз. Возможно, то, что он и не видел – дорисовывало воображение.

– Ай-яй, Сефино – Миддий покачал головой. – Твоя забывай служба и гляди за женщин, а нада идти звать городской голова сюда! Тебя пойти и вести профоса на разговор, или жител городу не помогай наша! Тада наша они убивать и Лаури убивать бывай! Нельзя!

Сефино неохотно отлепился от своих фантазий, с презрением фыркнул, заметив подле Миддия фигуру Сариха, подхватил меч и решительно двинулся к выходу. Прогромыхали его шаги по каменной лестнице, лязгнул меч, словно обиженный гигант срывал досаду на безответной башенной стене.

– Ай, дурная крови, глупый башка! – пожевал губами лекарь. – Он будет убивай по дорога, нада ему зелье, а зелья совсем мало-мало есть. Нада Ёхин говорить, чтобы мозги Сефиरो поправляй скоро.

Миддий повернулся к Сариху:

– Идти за этот человека, чтобы никому не убивай!

Широким размашистым шагом мерили городскую мостовую огромные башмаки с пряжками. Сефиरो топал к мэрии, раздражённо размахивая мечом. Сарих нагнал его только у фонтана, в который недавно плюхнулись «бывшие драконами». Не приближаясь, поспешал на некотором расстоянии, чувствуя себя глупо – вылитые господин и слуга. Горожане опасно выглядывали из домов, встречные прыскали с дороги в чужие палисады. Кошки и собаки, неосторожные, отлетали кровавыми ошмётками, рассечённые тяжёлыми ударами меча Сефиро. Плакали дети, матери прятали их головки подолом, уводя в дом, утирали личики холодной водой. Голый сумасшедший великан, страшилище, оставшееся, чтобы убить и пожрать горожан.

Лорд-профос увидел явившегося по его душу палача с окровавленным мечом – с грохотом вылетели резные двери мэрии. Мэрское кресло мерзко затрепетало под ним. Или это самого городского голову колотила трясучка?

– Ты профос? – спросил ввалившийся палач.

– Я, – пискнул хозяин апартаментов.

– Айда! – распорядился Сефиро, развернулся и столкнулся нос к носу с вооружённым рогатиной Сарихом. Махнул мечом, и...

Сарих отбросил бесполезный черенок.

– Не убий. – Заявило страшилище, подмигнув ему.

Пообщавшись с временно исполняющим обязанности констебля Тогрип, чудесным спасением окрылившийся, лорд-профос по имени Лесли Макнаутон развернул бурную деятельность. Часовня бывшего монастыря францисканцев колокольным звоном созвала городское население на рыночную площадь, и городской голова зачитал постановление. В

документе порицалось коварство англов, обманом втёршихся в доверие благочестивых бэлдунцев, выражалась преданность королю Шотландии и делу лорда-хранителя, готовность оказать поддержку временно размещившейся в Тогрип патриотической администрации во главе с констеблем Лауриной Уолш, запросившей покровительства Нейла Кэмпбелла, бальи соседней провинции Лох-Эйв. Гильдии, потерявшие убитыми несколько десятков человек, клялись не оставлять семьи павших в братоубийственной стычке, спровоцированной коварными англами. Гильдии каменщиков и кузнецов брались восстановить городскую стену и ворота, а также выделить по несколько своих милиционеров¹²⁹ для патрулирования окрестностей с целью поиска бежавших лже-монахов «красной совы» подлого ненавистного Ласторлаха. Мясники, зеленщики, пекари и пивовары обязались в достатке снабжать маленький гарнизон Тогрип провиантом... ну и так далее – на протяжении двух часов красноречивых разглагольствований, каковые так любят сдержанные, но впечатлительные шотландцы. Развяжи лишь им язык – вящих болтунов, чем уроженцы Шотландии, трудно сыскать!

Лесли Макнаутон особо подчёркивал раскаяние за своё участие в гонениях, возводимых англами на истинного последователя Святого Франциска, честного Иоахима Бэлдунского, что своими молениями на благо жителей города еле сдерживает за толстыми стенами донжона непобедимого и неустрашимого кровожадного демона в человеческом облики, который сегодня утром порвал толстые оковы, выбрался из клетки и напал на него, лорда-профоса, бдящего на посту в городской ратуше. Лесли Макнаутон назвал и спасителя – Сариху, сыну местного деревенского плотника, отныне даровано звание Почётного гражданина города Бэлдун и его, лорда-профоса, пожизненное личное покровительство.

В резиденции бальи Кэмпбелла Лаурина чувствовала себя «не в своей тарелке». Вопреки ожиданию, Кэмпбелл не торопился наделять её полномочиями, которые испрашивал Таурус. Старый бальи всё тянул и тянул время, посылал ей в келью лакомства, по вкусам шотландцев¹³⁰, старался приятно удивить простыми житейскими радостями. «Тёмной волчице», непривычной к раболепному почтению слуг, придворная

¹²⁹ Не оговорка! Милиционер – это название гражданского лица, вооружённого и облечённого полномочиями для охраны правопорядка. Каждая гильдия средневекового города выделяла своих милиционеров в ряды городского ополчения.

¹³⁰ Отчего-то шотландцев считают завзятыми сладстёнами.

учтивость однажды настолько обрыдла, что, осмелев, Лаури высказала это бальи напрямик.

– Нейл, – старик просил называть себя по имени, – я воин, а не кисейная барышня; если кто-то из твоих слуг ещё хоть раз обратится ко мне «мисс», я его прикончу.

– Ринеке, девочка моя, – отечески пояснял волокита. – Я готовлю тебя к назначению, чтобы горожане видели в тебе не разбойницу, а настоящую аристократку, будущего пэра. Привыкай принимать знаки почтения, положенные тебе по должности, ведь короля в глазах посторонних изображает его свита.

Лаурина, не в силах смириться с этой логикой, нашла приём против «лома» – взяла за правило дважды в день фехтовать с кем-то из слуг Кэмпбелла, активностью и опасностью вынуждая спарринг-партнёра защищаться, забывая о почтительности.

Де Росс, заручившись честным словом королевского зятя, отправился в путь – узкое, не более полутора миль в ширину, озеро О тянется на целых двадцать четыре мили к юго-западу Аргайла. Туда, в Килмартин, и далее прямо в Гарберт, направлялся сейчас молодой бальи, одаренный сопроводительным письмом МакКолумора, отдающим в распоряжение авантюриста королевское грузовое судно.

За лето скупое северное солнце так и не смогло прокалить холодные камни замка Килчерн. Дожди ежедневно, малыми порциями выпадали из низких туч, теснящихся по ту сторону Бен-Круачан и часто прорывающихся сюда, словно Макдугаллы через проход Брандер. В тиши, уединении, Нейл Кэмпбелл вспоминал жаркие события войны за независимость Шотландии, подавление мятежников... славные времена! А сейчас просто невозможно справляться с обязанностями королевского наместника! Юный отпрыск короля Брюса ранен и схвачен, казна пополняется безобразно, страна разрываемая вождями, погрязшими в междоусобицах... Одна радость – на его землях осели беглые рыцари Храма. Через них, тамплиеров, в Аргайл из Ирландии поступали оружие и деньги, умелые воины, храмовники обучали гаэльских пастухов приёмам современного боя. Просто подарок от Господа – гонения Ватикана, возводимые на Орден Храма! Как же драпали англы при Бэннокберне от тамплиерской конницы! Ха! Это надо было видеть собственными глазами!.. Но пусть все верят, будто нам в тот день принесли победу отважные маркитанты...

Старик захотел пить, позвал слугу. Вместе с воином в комнату вошёл молодой красавец, высокий, сильный, благородного происхождения, храмовник-бретонец, сэр Эдерн¹³¹. В чёрно-белом одеянии, в «железном джеке», рыцарь, опоясанный мечом.

– Ты явился кстати, Эдерниг. – Ласково обратился к рыцарю бальи Кэмпбелл.

Храмовник ответил поклоном.

– Почтенный бальи, видал я, у тебя в гостях странница. Кто она? Зачем она тут?

– А симпатичная девица, да? – Кэмпбелл склонил голову набок, чтобы уловить взгляд Эдерна.

Тот вздёрнул подбородок.

– Девушка похожа на южанку. Валлийка? Или, не приведи Бог, шпионка Рима?

– Пока не знаю... – осторожно ответил старик Нейл. – Пообщаемся накоротке – видно будет. Ты уж меня не кори. Скука одолевает, а тут милашка такая, стало быть, кобылка. Я аж задышал по-молодому... Хочешь, монах, женю тебя на ней? Магистр разрешает от обета – уж кое-кто обзавелись детьми¹³²... А то ваше кладбище растёт!

– Тот человек, которого она сопровождала, это кто? – Эдерн решил сменить «скользкую» тему.

– Гилливрэй Росс, мой коллега по должности. Кстати ты явился. Хочешь знать, ради чего он приезжал? Так слушай... Двое суток пути на восток стоит каменная башня, при ней городишко. В подвале этой башни францисканцы накопили этак фунтов ...дцать селитры и серы. Ты знаток огненного боя, потому оценишь.

– Селитру, положим, можно насобирать и тут, если долго обшаривать деревенские нужники. «Серые братья» как раз добывают себе пропитание простым святым трудом... А откуда дьявольская сера? Ближайшие вулканы в Исландии, только добираться по морю опасно. Нынешним летом Орден потерял судно, груженное серой.

– Росс говорил, в холмах есть жила. Не вчистую добывают, как при вулканах, а надо вытапливать...

– Так всё и выложил?... – недоверчиво скривились тонкие губы храмовника.

¹³¹ Ederн – бретонское муж. имя: *великий, большой*.

¹³² По словам исследователей надгробий в Аргайле, есть основания предполагать, что тамплиеры в изгнании создавали семьи, принимали гербы местных родов.

– Он у меня выпросил галеру и невмешательство, – сказал бальи. – Как думаешь, для какой цели?

– В Кинтайле хватает своих кораблей, там верфь... М-да, неспроста.

– Чего-то хочет хапнуть у Бойдов, думается мне. А вот «чего» – про то нам и расскажет твоя «невеста», целомудренный монах... Нет-нет, ноготки ей рвать не буду, и не надейся! Сентиментален становлюсь...

Городская милиция шустрила по округе Белдуна, вызнавала, не встречал ли кто из сельчан Ласторлаха, прежнего начальника «красной совы», или его беглых палачей. Лесли Макнаутон, ожидая известий, ежедневно наведывался в караулку, выстроенную заново у восстановленных городских ворот. С пафосом, подобающим сану воеводы, шествовал профос в сопровождении казначея, писаря и охранников, вооружённых секирами. Народу в Бэлдуне проживало едва ли полтысячи душ, но зато имелась Хартия, дарованная ещё Давидом I. Устав горожане «слизали» у какого-то фламандского прототипа и старались соответствовать не количеством, так качеством. Гильдии ремесленников и торговцев объединяли иная по несколько человек, зато у каждой – собственный сектор застройки, свой флаг, герб и святой покровитель. Чтобы как у людей!

Профессиональных воинов в городе не было, потому и приняли с охотой покровительство таинственного барона Ласторлаха, которое навязал им гвардиан францисканского монастыря. «Красная сова» – воины хорошо вооружённые, дисциплинированные, трезвые, проводившие время в упражнениях с оружием, изредка отвлекались на религиозную карательную профилактику. Словом, вели себя ненавязчиво. Гвардиан башни Тогрип служил положенные мессы, читал проповеди – не так роскошно, как он, Лесли Макнаутон, но тоже ничего, вполне умирительно. К несчастью, окрестные клаханы посетила грязная английская смерть, и горожане перепугались. И сейчас боятся. Просто страхи поутихли из-за недавнего ночного шока.

Англичане, если бывают разбиты, обыкновенно сматываются к себе за шотландскую марку. Ласторлах не ушёл. Прислал гонца.

Серой крысой прошмыгнул в покои лорда-профоса незаметный карлик, облачённый в драный, выцветший плед. Карлик принёс такую новость: «красная сова», стараниями Сефино изрядно поредевшая, поощипанная, собралась, словно ртуть, снова в единый

комков, в железный кулак. Прибежищем её стали лесные чащи Бэлвуда, а союзником стал...

Бубонная чума косила шотландцев с таким же азартом, с каким она свирепствовала в Лондоне. Если у кого-то были иллюзии, что кара Господня постигла, наконец, подлый народ англосаксов, зарившийся на страну гаэлов, теперь таких не осталось. Распространению болезни в Шотландии мешала малая плотность населения, и если вымирала одна деревня – прочие выживали, но города буквально охватывала паника, ведь в тесноте и нечистотах смертельная зараза приготавливала пир Адскому Жнецу. Ласторлах понимал это, и его посланники проникли в расположенный по ту сторону холмов небольшой город Лайон.

Карлик доверительно сообщил Лесли Макнаутону, что лайонцы собираются напасть на Тогрип и уничтожить тех, кто там засели. Будет лучше, намекнул шпион, если бэлдунцы поддержат нападение. Совместными усилиями разносчики «Чёрной смерти» будут уничтожены – сожжены вместе с логовом «Проклятой девы».

С высоты третьего этажа, со смотровой площадки узрел Сефиро мчащуюся к городу небольшую кавалькаду. Он издали узнал девушку, но кто были трое мужчин, её сопровождавшие? Не дожидаясь, когда его сменил вооружённый своими бомбами Сарих, юный мечник поспешно сбежал на первый этаж. Проскочила мыслишка: «две недели! А ведь ему действительно не хватало злюки Лаури!»

Миддий каждый божий день донимал Сефиро:

– Нада идти говорить Ёхин! Ты скоро болеть, я не могу помогай!

Парень отмахивался. Рукой. Но иной раз рука чесалась отмахнуться мечом.

Кроме дозорной службы и занятий с клеймором Сефиро помогал в лазарете. Ворочал тяжелораненых – аккуратно приподнимая тушки взрослых мужиков, пока Иуэль меняла им постель. Ещё Сефиро поучаствовал в восстановлении городской стены – таскал камни, подавал наверх. На него смотрели уже без того ужаса, почти дружелюбно. Особенные симпатии он снискал у кузнецов, ковавших навесы к новым дубовым воротам. Глядя на то, с каким удовольствием махал кувалдой здоровенный детина, дорвавшийся до знакомого дела, кузнецы втайне гордились собой, своей профессией. Предлагали Сефиро

просватать юную красотку, осесть в Бэлдуне и вступить в их гильдию. Парень улыбался во весь рот, пил вместе с кузнецами пиво, но от сватовства неизменно отказывался.

Щербатому «большому мечу» Сефино выковал замену. Теперь по утрам сбитые в щит-мишень дубовые доски на крыше Тогрип, приготовленные вместо двери, приходилось менять часто. Ну и задал ему взбучку Иоахим! Специально ведь притащился наверх собственной персоной и отчитал! Да так, что здоровяк Сефино почувствовал дрожь в коленях...

Наверное, потому и не спешил с доброхотом Миддием к старому еретику.

Лаурина вступила в права констебля незамедлительно. Прибывший с нею рыцарь-франк оказывал девушке знаки внимания, его слуги беспрекословно повиновались «Тёмной волчице». Девушка принимала ухаживания рыцаря сдержанно, как бы по обету, но Сефино было неприятно видеть даже такие их отношения, и ещё в Лаурине стала проявляться отчуждённая прохладца, надменность. Просто так её не задень, без стука не войди, рядом не ляг. Франк несколько раз порывался вытащить меч, словно должен был вступить, но Лаури не допускала обострения. Иначе посланцу Кэмпбелла пришёл бы конец – Сефино уложил бы того на месте.

Сэр Эдерн выставил пост у двери Лаурины, телохранитель сопровождал её по коридорам и залам. Оба стражника, верховые, следовали за спиной начальницы, когда констебль Лаурина Уолш выезжала в город. Не на лохматом пони – на хорошей рыцарской лошади, каурой, с чёрной гривой и огромными фиалковыми глазами. Бэлдунские жители провожали девушку почтительными взглядами, поклонами.

Суеверным отношением к женщине-родоначальнице, наделяющей мужчин СИЛОЙ, пропитана самобытная таинственная культура кельтов. Эта культурная особенность Ирландии, в гаэльской Шотландии, была самоценной, именно на её существование покушались ненавистные насильники англосаксы. Именно потому Кристиан Мюррей, сестра Роберта Брюса четыре года просидела в железной клетке, вывешенной за стеной замка не столько на обозрение и осмеяние, сколько за то, что она, женщина, посмела вдохновлять обороняющих замок Килдрамми, дерзнула повести себя подобно древним Матерям. Такая же участь постигла графиню Изабеллу Бахан, ту, что короновала Брюса I по обычаю языческой Дал-Риады.

Сефи́ро ходил угрюмый, скучал и сердился. Покидая башню, шёл до озера, там сидел подолгу, глядя на воду. Ел мало, спал с лица; забросил упражнения с мечами. А однажды пришёл к Миддию и попросил сводить к Иоахиму.

Старый еретик прервал молитву, едва в часовне появился Миддий вместе с юным мечником.

– Идёмте, – деловито пробормотал он.

Трое спустились в подземелье башни. Камни фундамента Тогрип были огромных размеров – не похоже, чтобы их ставили люди, скорее, титаны ворочали многотонные глыбы много веков назад. Чем это было? Брех? Остатки святилища? Древности Дал-Риады не могли сравниться с кромлехами тех, кто жил здесь задолго до потомков принцессы Скоты¹³³, даже до первых пиктов, по мнению Беды Достопочтенного, выходцев из Скифии за тысячу лет до рождества Христа.

Иоахим знал эти подземелья, ведь и сам был монахом Ордена святого Франциска, учредившего в Тогрип монастырь. Старик чувствовал эти камни. Он не понимал и не стремился постичь рассудком их первоначал – веровал во Христа-Спасителя, в Бога-Отца, и подобно другим христианским подвижникам собирал народные сказания, саги и перелицовывал расплывчатые облики друидов и языческих богов в образы древних королей и святых. Но, обладая даром, понимал, что лжёт и посторонним, и себе самому. Монастырь не был велик, кельи и залы населяли несколько «братьев», которые, как Иоахим, пришли сюда по обязанности, и остались по зову пытливого честного сердца. Камни были покрыты письменами, постичь древние символы мог только чистый душой, светлый как дитя. Прочсть их не смог бы никто. Ночи, дни Иоахим и единоверцы проводили в кругу мегалитов, но пришли новые «братья», облечённые властью искоренять и казнить. Первопоселенцы, впавшие в соблазн, втихую были тут же замучены... Только он один и спасся. В холмах, таких же старых, как эти мегалиты... Языческие гаэльские боги укрыли его, истого христианина!

Стены подземелья Тогрип увешаны цепями, на которых некогда висели не раскаявшиеся узники. Остывшая жаровня и железные прутья, деревянный станок-дыба, тиски для головы, вертел, вставляемый в... Посреди пыточной торчал железный кол

¹³³ Согласно принятой в те времена версии Истории заселения Британских островов, скотты – потомки восьми сыновей греческого принца Гайтелоса и египетской принцессы Скоты; альтернативная английская версия производит жителей Шотландии от одного из троих сыновей Брута – Альбанакта. Особняком стоит оригинальное для общего мнения наблюдение бенедиктинца Беды Достопочтенного, основанное на языковом и фенотипическом сходстве жителей Великобритании с континентальными народами.

такого размера, что не под силу выковать самому искусному мастеру. Стержень пытались согнуть – не вышло, пробовали выкопать – куда там! Глубоко уходил этот кол – в самую Преисподнюю. «Красная сова» приноровилась вешать на него грешников за все выдающиеся части тела, в том числе за шею.

Иоахим, велел Сефиро сесть прямо на каменный пол, притулиться к одному из мегалитов спиной, связал путами ноги и руки. Сам встал перед ним во весь рост, развёл руки, как лапы медведь. Всклобоченная шевелюра, мерные пошатывания, едва уловимое мычание старца – действие началось. Иоахим не знал, как исцелить Сефиро – он чувствовал камни, отдавался камням всем существом, он перестал быть Иоахимом. Вместо францисканца перед замороженным Сефиро предстоял Дух Каменного Кольца, медиум, связующий Божественных Тулов – *перун*.

Великий Один – бог древних скандинавов, «муж женовидный», потому что не мужчине, а только женщине, жене конунга, пристало колдовство. Бог скандинавов, Один восседает на «престоле тула». Тул – на языке латинян – «один из тех, кто обдумал, воздвиг, произвёл¹³⁴», а вместе несколько тулов – это и есть «перун». Кромлех – коллегия Тулов, кольцо менгиров, по виду туловища «каменных баб»; сооружение называлось *перынь* – от латинского слова¹³⁵ «вечный, вневременной». Здесь заключались союзы – *reg Unio (заедино)*. Сюда живые потомки приносили умерших предков, сюда, на *капище*¹³⁶, мужчины приходили в непонятной ситуации за догадкой, к этим священным камням прикасались жёны, чтобы зачать новое воплощение усопшего героя из своего рода, девы, чтобы в нынешнем году выйти замуж...

Знарок церковной латыни, Иоахим почувствовал назначение каменной гробницы, даже не осознав, какое он сделал открытие. Древние принципы сами вошли в него, руководя, и являя истинное своё назначение...

Сефиро посетило видение: он снова в отряде Ферганема, но почему-то теперь отряд назывался «Воинством Златого Феникса».

¹³⁴ Tuli – лат. прошедшее совершенное к *fero*. Отражено в немецкой лексике в виде *Führung* – (предписанное) *поведение*.

¹³⁵ *Perennis* – лат. *вечный, прочный, неколебимый*.

¹³⁶ *Kapieren* – нем. *понимать, смекать*.

Небосклон покрылся серебристой зыбью, похожей на утиный пух. Наблюдать за ним с крыши и знать, благоговей, что спешить некуда – великое удовольствие, но, воплощение *Фингала*, Фэрганем Таурус не понимал этого счастья, не признавал. Разработав свой план, он уверял вождей *фирболгов* и союзных им *туата де даннан*, что не нужно нападать многочисленной армией. Выпятив грудь в балахоне, сверкая медальоном, заспорил и Дёран, что *фоморы* хитрят, всего-навсего. Один ударный тяжёлый отряд был брошен в атаку на заставу, а второй, непременно, врежет с другой стороны, чтобы выманить на себя основное войско короля... Вестник, Воргелл¹³⁷ не сказал про численность напавших, ибо не знал точно. Врезались в мозг слова *фирболга*: «Внезапно с неба полетел огонь, и застава загорелась, а воины запаниковали...»

Убеждённые в своей правоте участники совета воспылали эмоциями, и совет начал походить на базар. Но Таурус понимал, что *фоморы* палили из катапульт или... дьявол его знал, из чего ещё... Ясно было одно: впервые злобные первобытные *небоги* напали не «людьми», выдав свою внезапную малочисленность на Побережье. Увы, Балор считался лучшим воеводой, и когда-нибудь, скоро-скоро, «Златые Фениксы», провалившиеся сюда, в Старые Холмы сидхе, из Мира-под-Луной с ним встретятся.

Вот они, как с неба дождём, вырвались из Арнейл, и теперь каждый отставил воспоминания о бурной ночи, о красавицах рода *Даны*, зеленоглазых, с приятным лукавым смехом. Усиленный ратниками *фир болг* и конницей *туата деа*, отряд Тауруса направился в объезд враждебного лагеря на востоке, в крепость Тара, выгодно расположенную на вершине, где, по мнению предводителя, осталось очень мало защиты. И там, быть может, скрывался «Священный пентакль», без которого Балор лишится смертоносного глаза¹³⁸, уха, ума и... головы.

Привалы делали, чтобы склотить стенобитные «черепахи», а именно, обзавестись орудиями, способным пробивать дыры в каменных башнях. Недаром Таурус вывез из Арнейл дюжину бочек с порохом! Он рассчитывал мощным рывком одолеть защиту Тары, ворваться внутрь и захватить «разум» Балора. Сам король не интересовал Фэрганема – одноглазый всего лишь марионетка на троне. Им управляли. Не им одним, а *ими* управляли. И давно. «Проклятый Орден», порождение племени *гей-меров* с извращённой фантазией, почитающих рукотворного идола, ***Инета***, мнящие его богом.

Сидели рядком, грелись у костра. Задумчивый Миддий, собранный Дёран, тревожная, суровая Лаурина, расслабленный, уверенный Таурус. Сверкало золото медальонов с изображением Золотого Феникса, точно впаянное в кожаные нагрудники, сверкали глаза, отражая ровный спокойный огонь костра. Это был последний привал. Завтра увидят крепость, будут заряжать «черепахи». Кстати, их заметили. Но подкрепление к атакованным успеет не скоро. Главное – сделать брешь и найти внутри башни хитроумных *гей-меров* из «Проклятого Ордена», вооружённых пушками-«мышками», а там, сколько бы ни было огромных одноглазых солдат

¹³⁷ Vorgell – муж. имя острова Мэн: *ясное море*.

¹³⁸ Вообще, у Балора два глаза – один обыкновенный, а другой как у гоголевского Вия. Все, кто встречался взглядом со вторым глазом Балора, немедленно умирали.

Балора, но те атаковать уже не смогут. Таурус был уверен. Не знал, почему, но чувствовал, что выйдет именно так.

Наутро поднялся сильный ветер, небо становилось свинцово-серым. Трещали тёмно-коричневые высохшие и сгнившие стволы под кожаными сапогами «Златых Фениксов», источенная личинками чага издавала хруст. Свежо пахло надвигающейся грозой и терпко – грибами... хороший знак перед боем. Тучи торопили отряд, ведь влага – враг зажжённых фитилей.

Тара замерла в ожидании. Это была небольшая, но мощно защищённая крепость. Она располагалась на возвышенности, точно на пьедестале. Высоко возносилась башня с металлическим копьём, царапающим небо, заземлённая толстым металлом у основания. Её ограждала двойная стена. Лучники уже целились и кипела смола... Из леса, по неровной дороге осторожно выкатилось замысловатое устройство, походившее на панцирь черепахи с окошками. Сооружение со скрипом и песней под волынку натужно толкали изнутри люди *фир болг*. Поняв, что оно натворит, командир лучников заорал, как бешеный. Следом двигалась другая «черепаха», поменьше, тоже с песней и скрипом не промазанных колёс, но эта предназначалась уже воротам Тары.

Далеко на горизонте, откуда напознала туча, из чрева которой будто тёмными клоками ветхого шлейфа волочился дождь, прояснилось, и теперь на фоне дождя празднично сияла огромная радуга, замкнутая в кольцо вокруг блистающего светила.

Первая «черепаха» остановилась, задымилась ступами открытых зевов, ахнула залпом нескольких мортир, просев. В стене появилась гигантская брешь, массивные лучники-*фоморы* с криками разлетелись, словно игрушки. Вторую «черепаху» просто так не пропустят к воротам! Клин тяжёлых рыцарей-*фоморов*, медленно разгоняясь, двигался на неё. Им приказали принести себя в жертву *Сыну Инета, Гейму*, но не пустить «разрушителя камней». Конница племени богини *Даны* бросилась наперерез, с выставленными копьями, упертыми в луку седла. Два конных отряда сшиблись, теряя убитых, и завязалась битва на мечах. Сброшенные на землю, рыцари-*фоморы* навалились на «черепаху» пешими, рубили, стараясь разрушить «разрушителя».

Вот человек выбрался из-под скрипящего панциря на колёсах. С огромным клинком. *Командир* Сефино. Прикрывать его из балки рванул отряд Дёрана, на бегу стреляющий из дальнобойных луков привязанными гранатами. Великан Сефино отчаянно валил адских рыцарей. Его меч расчистил путь «разрушителю камней». Генерал *фоморов* горлопанил со стены, махал руками, но ничто не могло остановить угрозу. Ворота Тары влетели внутрь, словно в них ударил *Таранис*. Башня содрогнулась, густой пахучий дым быстро разметал ветер, явив бравых командиров «Златого Феникса».

Вот люди Тауруса и пешие *фирболги* прорвались вовнутрь башни Тары. Но в крепости, с поникшим знаменем из шестиконечных звёзд, на «Златых Фениксов» напал *фоморский* СТРАЖ. Его оружие моментально вырезало более двух дюжин воинов племени *фирболгов*, и сколько бы их ни пыталось подняться наверх, СТРАЖ оставлял от них зверски разрубленные трупы. «Проклятый Орден» притаился – Таурус знал, что худосочные *люди-выродки* в тёмных разрисованных звёздами балахонах

засели за каменной дверью, не видя ничего вокруг, смотрят в светящиеся жидкие кристаллы и слушают, заткнув уши поющими пробками...

– Что случилось? – предводитель «Златых Фениксов» перекрикивал шум сражения. – Сколько ушло воинов?

– Полсотни! – ответила Лаурина. Она выглядела неважно. Лицо девушки болезненное, бледное, тело лихорадило. – Никто не вернулся, будь они прокляты! – продолжала она, устало облокотившись о стену башни. На её кое-где порезанной одежде темнели пятна крови. Таурус пригляделся: кровь её, но лезвие, видно глубоко не достало. Он грозно спросил:

– Почему не сказала?

Лаурина отвернулась, стиснув зубы, блестела от пота её шея, волосы прилипли ко лбу.

Из высокой, здоровенной башни, сложенной из чёрного тёсанного гнейса, доносился рёв не то взбесившегося огромного человека надрывающего связки, не то какого-то зверя.

– Больше терять людей нельзя! – бросил Таурус. – Каждый погибший – плевок в лицо вождя... в меня! Вперёд, Сефино!

– Спятели, стой!.. – Лаурина и несколько дюжин солдат рванули за ним. Но он приказал держать позиции, никого не пускать в башню.

Каменный пол внутри завален растерзанными трупами, разорванными доспехами... железо... СТРАЖ разрывал, разрубал воинов вместе с доспехами. Чудовищное месиво из погнутых пластин, порванных нагрудников, скомканных кожаных поддоспешников и кровавой плоти. Такой резни Таурус никогда не видел. Даже на стенах багровели трупы, которые точно вдавили в камни, а точнее размазали по стене, выжали из них кровь, словно из губки воду. Кровавые «готические гобелены¹³⁹» потрясали – Фэрганем отпрянул, невольно остановившись, билась в нём тревожная мысль: вдруг это – последнее, с чем столкнётся «Златой Феникс»?..

Участники *гейм-Ордена*, действительно, находились наверху – дьявольский охранник тому доказательство. Услышав душераздирающий крик очередного убитого соратника, Сефино тоже колыхнуло – воин пошёл насторожено. Но потом вдруг обезумел, пропали слабость и страх. Ощерившись волком, он держал клеймор двумя руками, злобно ринулся по коридору, оглашая рыком стены:

- О-о-Диии-нн!!!!

Из коридора Фэрганем и Сефино вышли в большое круглое помещение без бойниц. На полу была вылита кровью и выложена убитыми телами шестиконечная звезда. Высилась гора трупов возле лестницы, ведущей в *гейм-зал*. СТРАЖ стоял

¹³⁹ На самом деле, это более поздняя «готика» - подражание более ранней «кельтике». Так эстетическую структуру природного объекта, известного как «Фингалова пещера» на шотландском острове Стаффа (Внутренние Гебриды) неправомерно называют «готической».

рядом, слизывал свежую кровь со своей огромной сабли-фламберга¹⁴⁰. Красный змеиный язык его удлинялся немыслимо, как – человек, явно, так не мог, пусть даже и последний безумец... Исполинский урод был в шерстяных чёрных штанах, с обнажённым вымазанным мощным торсом. Выше и шире Сефиро, здоровее раза в два. Крупная, сильно приплюснутая на макушке голова, тупо выпирающая на бритом затылке, со лбом толстым и круглым, точно у «пришибленных», походила на наковальню. Маленькие круглые малиново-красные, словно у кролика глаза, сидели глубоко в глазницах, точно в гнёздах – крохотные едва родившиеся раздавленные птенцы. Руки, ноги его были настолько огромными, деформированными, с какими-то погаными наростами, верно он ломал их много раз и кости неправильно срастались. Дьявол побери, Сефиро не верилось, что этот с виду неповоротливый СТРАШИЛА мог уничтожить столько ловких бойцов.

– Откуда ты, урод? – гаркнул Таурус. – Магог, что ли какой, на службе Ордена? Тебя из зада ЙЕТТИ вынимали?

– *О-оу*, – протянул урод басовито, опустив тяжёлую саблю. – *Вищѐ мясо!*

– Кого мясом назвал, вражина? – возразил, охваченный новым наплывом злости Сефиро. Он рванул с места, раскручивая над головой меч.

Человекообразное с лёгкостью отбило саблей мощный удар Сефиро, от которого ещё не спасся ни один рыцарь в тяжёлом доспехе. Стало заметно, СТРАЖ ловок ровно настолько, насколько огромен – его «переломанные» конечности складывались и удлинялись в неестественных суставах, невообразимо как гнулись в разные стороны, нанося удары по абсолютно непредсказуемой траектории.

Сефиро, едва не завалившись, удержался на ногах. Силой урод обладал колоссальной! Внезапно мечник понял, что «дровосеком» не одолеть такого воина, можно лишь поломать своё оружие.

Тем временем Таурус бросился в атаку с левого бока. Он приложил смекалку, воспользовавшись тем, что урод отвлёкся на нападавшего Сефиро. Учтя ловкость СТРАЖА, Фэрганем применил обманный манёвр: якобы производя обыкновенный режущий удар, резко бросился в ноги уродца, когда тот моментально развернул саблю в защиту. Таурус накиннул на ноги СТРАЖА ремennую петлю и, лягнув того в колено, попытался с одного рывка, заставить гиганта свалиться. Но петля застряла в голеностопных костяных отростках СТРАЖА, лопнула, а гигант свирепо улыбнулся.

С ужасом «Златой Феникс» подумал, что сейчас «раздвоится», превратившись в груды плоти и доспехов – урод навис над ним, одно движение – и жизнь оборвётся, что нить...

– *Смертному не суждено...* – произнёс здоровенный страшила, рубя сверху вниз.

¹⁴⁰ Тип лезвия меча, извилистый, как пила. Наносит многочисленные резаные раны, от которых происходит нагноение и сепсис. В Средневековье воинов, вооружённых фламбергами, считали колдунами, попавших в плен убивали, даже не помышляя о выкупе.

Фэрганем зажмурился, но сталь встретилась со сталью, посыпались на лицо искры, запахло палёным – Сефиरो клеймором остановил смертоносную саблю СТРАЖА. Держал, ворча, как медведь, упирался изо всей силы.

Фэрганем жив! – он ощутил это всеми клетками своего затрепетавшего существа. Без замаха, он резанул по ноге охранника изнутри бедра. Лезвие зашло наполовину в пах. СТРАЖ взвыл, содрогнувшись. Прыснула слюна из его смрадной пасти. Он дёрнул раненой ногой, пнул Тауруса в грудь – «Златой Феникс» отлетел к стене, словно жук, потерял сознание.

Сефиरो отскочил, выставив клинок боком – урод предпринял круговой финт. Затем скакнул, размахнувшись для удара. СТРАЖ танцевал, имитируя разные атаки, он издевался, проклятый. Прыгал, нелепо занося и убирая саблю. Урод гоготал, плюясь, пыхал смрадом из вонючей чёрной глотки. Вот оно!

– *Прими!*

Сефиро сосредоточился, прислушиваясь к внутреннему голосу – ни разу с ним не говорили в сознании. Уродский гигант внезапно подставил своё уродское гигантское плечо и спрятал гигантскую голову, уродливо её наклонив.

Да, Кьяран вложит свою силу в Сефиро, в единый мощный удар, но клинок лишь застрянет в кости, а это – смерть. Воин «Златого Феникса» сделал вид, что поддался: занёс меч для защиты, однако метнувшись на шаг, врезал по руке гиганта, в которой тот держал саблю. Кровь хлынула ручьём – отвалилась рука, звонко ударилась о каменный пол сабля уroda, а сам он завопил, раскрыв пасть.

– *Никто... так меня... не рубил!* – признался он, скорчившись, зажав рану здоровой рукой. – *Кровь, много, много сладкой крови...* – он словно торжествовал в своей боли, задирая вверх голову.

– *Прими!* – с ловкостью, неожиданной для существа, которое потеряло конечность, СТРАЖ вскочил и налетел на Сефиро, наткнувшись животом на выставленный длинный клинок. – *... Нужно... Одину!*

– Кьяран??? – расширились глаза Сефиро.

Ни боли, ни всхлипа, ни намёка на нездоровье, урод с бесстрастным выражением взирал в глаза своего УБИЙЦЫ и, наконец, врезал кулачищем. Сефиро, обладающему необычайно крепкими костями, показалось, что его долбануло стенобитным орудием...

Опомнился у стены. Что-то случилось – Сефиро не мог пошевелиться, только хватило сил приподнять голову и смотреть сквозь затягивающую глаза пелену. Подняв отсечённую руку, урод прижимал её к плечу, глядел на обмякшего беззащитного Тауруса пристально, с недоверием, что-то приговаривал...

GAME POMER...

Светоч, полыхавший над аркой входа, замерцал, волнами отбрасывая и призрачные тени, населявшие подземелье Тогрип и тени замученных еретиков, не различимые с тенями древних, исконных обитателей здешних мест.

– М-да... Всякое видал, такое – впервые... О чём он бредил?

– Ево своди с ума ложной воспоминать. Такое бывай, Ёхин, если по-младен зак-ляк-лялль глупай, неумейха карга, чоуфу моню¹⁴¹. По-ваша называй «морока» или «злай гейса». Он перепутай чо-то уже была и чо-то можна сбудет наперед... А можна и не сбудет... Он всё чё делай – будто небыльё воспоминай.

– Сафир придёт в себя, верно?

– Трудна... – пожал плечами Миддий.

– Спаси нас, Христос! – запоздало вспомнил Иоахим. – Что-то мне нехорошо...

Шеффри лежал у подножья менгира, обессиленный судорогой, с кровавыми ранами от верёвок, которыми в безумстве метаний были истёрты его конечности. Камни пронзали могильным холодом, но кожа юного великана, красная от яростного телесного жара, лоснилась потом. Иоахим не рисковал его будить, дабы «...*собственным порядком*», очищенным от внешне наведённого чарами старой дуры-ведьмы нелепого «сценария», «... *свободно исправлявшимся естеством завершилось исцеление*». Подрубленное впервые неумелым заклятьем повитухи, древо рода Мак Дара, искалеченное вторично – сожжённое злобой друидом Аминеттаром, оживало, питаясь соками земли, расправляло могучие ветви, на посвежевших отростках его набухали и распушались иссохшие спящие почки. Рассудок и память возвращались к Шеффри Мак Дару во младенчески глубоком сне.

Ему рассекли пути и оставили лежать здесь, беспмятного, выздоравливающего.

Лёгкая дрожь растекалась по каменным плитам, вибрировал стержень. Железный кол, торчащий из земли в самом центре пыточной, медленно разогреваясь, закручивал вокруг себя слабую эфирную струю.

¹⁴¹ Китайское: безобразная ведьма, чародейка.

Наверху, в жилых помещениях ничего этого пока не ощущалось. Тревожнее стали лишь сны «тёмной волчицы». Лаурина просыпалась с тяжёлой головной болью. Изнемогая от слабости, девушка долго лежала в постели, тупо глядела перед собой. Франк всё больше раздражал. Привязался, постоянно сворачивал разговор на одну тему – кто такой Фэрганем, как она оказалась в отряде Тауруса, чего ищут Таурус и де Росс. Ей-то почём знать! Один другого нанял, а зачем – нечистый их разберёт...

А что до её истории – разве такое расскажешь... мужчине!

Бальи Кемпбелл что-то рассусоливал про клан Бойдов, будто она родня им, а через них – самому регенту, Роберту Стюарту. Похожа на валлийку и звать её Лаури, мол, неспроста – лавр в гербе у Бойдов. Что-то там опасное случится у сановной родни, если Фэрганем и Гилливрэй Росс проберутся на их территорию, потому она может и должна всё рассказать и проследить за Таурусом. И, в случае необходимости, пресечь...

Сэр, «чёртов «сэр»! Эдерн со дня на день ожидал подкрепления – Нейл Кемпбелл послал за рыцарями в Килмартин сразу по её с «женихом» отъезду из замка Килчерн. Это недели две пути – туда, и оттуда в Тогрип. Десять дней минуло, осталось совсем чуть. Конечно, их, «горностаев», спровадят вон – кто бы сомневался, только не Лаурина! Де Росс получил свою награду за Бэлдун, а Фэрганем – только его наймит, неизвестного рода и племени. Ну, какой из непоседливого Тауруса барон? Он такой же лэрд, как она – пэр!

Сделав ежедневный объезд городских присутственных мест, Лаури решила «развезаться». В сопровождении двоих приставленных к ней стражников выехала за ворота Бэлдуна и направилась вдоль озера – где-то там недалеко рыбацкая деревня, куда регулярно пялится по утрам с башни дозорный Сефино.

Последняя неделя лета – скоро День святого Михаила Победоносца, покровителя моряков и всадников. Лаури вспомнилось из детства, как праздновали этот день там, где она жила, пока её не... Там были поля, и жнецы, помогая друг дружке, скашивали серпами ячмень, пока не останется маленький островок колосьев, куда перебирался Дух Ячменного Поля. Лаури была самой маленькой «жницей» – ей доверили тогда срезать последние колоски. Тётя Олуин¹⁴² помогла сплести из них куколку и сказала «её звать Эвина¹⁴³». Эта куколка была «невестой» – её нарядили в белое платье и понесли домой. Деревенские высыпали на улицу: плескали водой на жнецов из чего попало – кружек, плошек, мальчишки облили её из какого-то корыта, корчили «рожи», дразнили, что она в

¹⁴²Olwen – валлийское жен. имя: *чистый след*.

¹⁴³Neŷina – валлийское жен. имя: *летняя*.

будущем году выйдет замуж. Лаури пришла домой вся мокрая с макушки до пят, платье противно липло к телу. Куколку Эвину отдали маме, а мама всех пригласила в дом, чтобы накормить работников.

На столе стоял «ячменный бочонок» с бражкой. Все работники отца, нарядные, весёлые, пили её, а папа угощал их свежими ароматными ячменными лепёшками с маслом, сыром. Вкусотища!

Интересно, а тут как празднуют? Наверное, рыбаки разукрашивают свои лодки, устраивают заплыв? А потом победителю вручается огромный трезубец, как у Святого Михаила... А девушки, наверное, раздают парням не морковку, а вяленую форель и вечером на танцах грызут её, вместе с косточками.

Настроение констебля Лаурины Уолш понемногу выровнялось, девушка повеселела и жизнь уже не казалась ей таким беспросветным мраком, как с утра. Каурая лошадка Феба бежала ровной рысью по лесной тропе, следом, приминая ещё зелёную траву, семенили двое сопровождающих. Ажурная вязь тенистого листовенного свода над головами, вокруг разлит бодрящий, волнующий запах лесной свежести. Дубы зелёные, золотые берёзы, красно-бурые платаны, цветущий шиповник и розоватый вереск – осенняя живопись природы Каледонии умиротворяла Лаури. Не хотелось вспоминать о вражде, о сражениях, о бродивших где-то недобитых англах.

– Куда это она едет? – бурчал один охранник.

– Ильм, поди, ищет, – отвечал второй.

– Зачем ей?

– Сделает себе новый посох, руны вырежет да тебя охмурит¹⁴⁴...

Старый Иоахим серьёзно заболел, слёг в постель, быстро терял силы. Сарих ходил за ним с удвоенным старанием, Миддий сбился с ног, разрываясь между ранеными и францисканцем. Иуэль пропадала в поле и в лесу, запасая коренья и травы. Про Сефино забыли. Тот валялся в тёмном подземелье уже несколько дней, светоч погас. Сэр Эдерн от

¹⁴⁴ Накануне Дня святого Михаила кельты отмечали Мафон (осеннее равноденствие). Ведьмы изготавливали себе из вяза (ильм) новый рунный посох, собирали семена и травы для травяной магии. Праздник не отмечался до вторжения викингов в Англию.

скуки дрессировал в караулке городских милиционеров. Ворота Тогрип сторожили попеременно четыре более-менее очухавшиеся инвалида, играли в кости, дули на посту монастырское бочковое.

Беда пришла, откуда не ждали.

К болящим мужьям и отцам в лазарет Миддия из города ходили заботливые домочадцы, подкармливали их, помогали лекарю. Повалился сюда и один мелкий убогонький «помогайка». Карлик буквально лучился благонаравием, услужливостью. Всюду совал свой нос, ко всему пробовал приложить умелые ручки. Пособлял кашевару, чистил оружие охранникам, мёл галерею, выносил «утки» – делал всего понемногу, но в нужный момент Лаван¹⁴⁵ оказывался «где надо», неожиданно полезен и востребован. Никогда никому не грубил, не надоедал, улыбался, отпускал меткие остроумные шуточки. Избегал только попадаться на глаза Сариху с Иоахимом.

К вечеру Лаван исчезал. В харчевне, куда собирались местные забулдыги, карлик становился совсем иным – несчастным, усталым, обиженно надрывным голосом рассказывал собутыльникам о творящемся в башне Тогрип непотребстве, которое он вынужден терпеть ради несчастных сограждан. Рассказы о грубости, об издевательствах и развороте захватчиков будоражили воображение пьяниц, они всё больше завидовали Сефиру, Эдерну и Сариху, представляя кроткую Иуэль, темпераментную Лаури в своих грязных лапах. Возмущению бездельников не было предела, когда из лживых уст Лавана слышали красочные описания проводящихся в Божьем Храме под руководством еретика Иоахима бешенных оргиастических обрядов. Фигурировала в его кляузах и «Проклятая дева» Сорча – её, якобы, прокажённую, удушил Сафир, тело бросили в чан и сварили, чтобы этим отваром опаивать больных. Дескать, Лаурина Уолш на самом деле дряхлая старуха, ведьма, ночами выходит из врат Тогрип, пробирается к колодцу и подливает отвар из Сорчи в питьевую воду. Иуэль же обращается в серую собаку и следует за ней. Под луной Лаурина садится на спину Иуэль и скачет над Тогрип по воздуху, голой. А мужчины в это же время на верхней террасе занимаются тем же, чем самый первый из череды Принцев Уэльских - Эдуард II Карнарвонский, вытворял с фаворитами, Пьером Гавестоном и Хью Диспенсером младшим, пока не совершил «это самое» в самый последний раз в жизни с раскалённым шомполом в...

Понятно, слухи расходились по Бэлдуну, шмыгали чумными мышками из дома в дом, пересказывались, обрастая деталями, подкрепляя ненависть и страх, ещё недавно

¹⁴⁵ Laouenan – бретон. муж. имя: *весёлый*.

безраздельно царившие в Бэлдуне при Ласторлахе и «красной сове». Слухам верили все, кроме кузнецов, прекрасно знающих работающего Сефира, и ополченцев-каменщиков¹⁴⁶, с которыми возился Эдерн. Случались драки, когда кузнецы молотили шерстобитов, каменщики укладывали в штабеля зеленщиков и пивоваров.

Лорд-профос Лесли Макнаутон, завсегдааем апартаментов которого стал карлик Лаван, ночами переживал эротические фантазии с мощными визуализациями, свойственными его гедонистичной властной творческой натуре. Его супруга была счастлива, впрочем, экономка и повариха также. Лаурина Уолш, являвшаяся к профосу с визитами, не могла не заметить сальных взглядов в свой адрес – сочла их обыкновённым «кобелизмом» любвеобильного старикана.

Но с таким безобразием пора было заканчивать. Слишком рьяно разодрались сограждане! Профос решил самолично посетить «логово греха» – приструнить Иоахима: каким бы тот ни был колдуном-кошунником, пора и о Боге подумать.

Именно в тот день, когда Лаури отправилась за город, Лесли Макнаутон, сопровождаемый мировым судьёй Грегором Джори, подъехал к Тогрип, достучался в воротах стерегущего их пьяного инвалида и поднялся наверх, к ложу Иоахима.

Сарих, дотолё избегавший встречаться с убийцей своей невесты Агнесс, сидел у одра умирающего наставника... Что случилось потом, рассказать было уже некому...

Лекарь Миддий, навестивший Иоахимову келью спустя час, нашёл два трупа – старого еретика и задушенного профоса.

Несколько дней и ночей провалявшись в пыточной, Шеффри оголодал несказанно. Он и проснулся-то по частям, начиная с желудка. По-маленькому сходил в жаровню, на которую сослепу сел, погнув кочергу и колосник. Потом прислушался к бьющемуся сердцу, приняхался к темноте. Различил запах горящих дров, слабый запах жарящегося мяса. Наощупь нашёл входную арку и дверь, толкнул – заперто! Понемногу глаза пообвыкли и Шеффри смог ориентироваться в кромешной тьме. Это было невозможно, но зрение, определённо, служило ему! Шеффри поискал вокруг и осторожно двинулся туда,

¹⁴⁶ Может быть, так и появились в Англии первые «вольные каменщики», преемники тамплиеров?

где угадывался самый яркий предмет – в середине зала едва различалась какая-то длинная вертикальная черта, от пола несколько футов.

Юноша потрогал железяку – тёплая, шершавая, она внезапно запульсировала, сжалась в размерах и больно обожгла ему руку. Шеффри инстинктивно отдёнул кисть, но боль и тяжесть впились в кожу до самых мелко-мелко завибрировавших костей, пальцы смыкались вопреки воле, удерживая этот железный предмет, который теперь пылал раскалённым бело-лиловым солнцем, освещая пространство... *меч!!!*

Шеффри махнул мечом – боль утихла, махал и махал ещё – боль почти отпустила; но, стоило только задержать движение, ломота и дрожь снова вонзались в кости. Голода не осталось и следа, зато первый болевой шок сменился удовольствием – словно тело попривыкло и научилось радоваться боли. Попробовал прислонить меч к тискам для головы, которые зацепил ненароком, отвалив мечом изрядный кусок дубовой станины... Рукоять прилипла намертво – не разжать пальцев.

Тем временем дым ощущался явственнее, заползал в подземелье, сочился сквозь дверь. Становилось тревожно – не пожар ли там, наверху? Дверь была заперта, но Шеффри держал в руке «ключ» от всех замков. Миг – и дым хлынул вниз густыми клубами. В тревоге, почти панической, Мак Дар ринулся наверх, задыхаясь и харкая, словно кашалот, заглотивший вместо планктона древесных щепок в нефтяной взвеси.

Первый этаж, перекрытый деревянными стропилами, был охвачен пламенем, но каменная лестница вела выше, на галерею. Не касаясь горящих балясин, Шеффри взмыл туда, где Миддий лечил больных. Пылала вересковая подстилка, а все шестеро оставшихся пациентов лежали рядом, зияя вскрытыми шеями, и тихо шкворчали, распространяя аромат жаркого. Иуэль спокойно сидела на своём излюбленном стуле, уронив вязание. Клубки раскатились по полу. Шеффри прыгнул к травнице, чтобы понять её состояние – без сознания, в удушье?.. Бретонка была прибита к спинке стула... Из её груди через кофточку кровяными пузырьками ещё выдавливался воздух. Шеффри с размаха отсёк ей полголовы, прекратив мучения...

С базарной площади сюда доносились яростный многоголосый рёв и лязг оружия. Бегом по галерее, пряча лицо от нестерпимого жара, пинком выбить дверь в келью Лаурины! Пуста! Снова вверх по лестнице – Иоахим... мёртв, и Макнаутон лежит на полу, ничуть не живее. Где все? Где Лаури???

Бой внизу – дерутся горожане друг против друга; врагов больше! Не местные...

С удвоенной быстротой Шеффри кинулся вниз по лестнице, срубая горящие деревянные конструкции, разлёгивая их по сторонам. Сверху валились горящие балки и настил, осыпая искрами, обжигая, но боль притупляло оружие, поющее кровожадную песнь грядущей... жертвы?.. *Жатвы!!!*

Страшный демон с пылающим мечом выскочил из врат огненного ада и ринулся в самую гущу сражения. Шеффри разил, рубил, пронзал, отсекал... наступая на раненых, давил, душил, бил, ломал хребты и кости, вырывал конечности из суставов, скручивал черепушки... Меч Нуаду, доставшийся ему по праву рождения от Туата де Даннан, упивался своей стихией, стихией кровавой войны. Малочисленные защитники Тогрип, среди которых Шеффри узнал кузнецов, каменщиков и ещё кое-кого из милиции Эдерна, прижатые, было, к стене, воспряли и стали теснить нападавших чужаков, большей частью *лайонцев*, которыми руководил карлик Лаван, восседая на чёрном злобном жеребце с красными глазами, облачённый в рыцарские доспехи. Подле него заняли позицию наглухо закованные в латы, тоже верховые, несколько уцелевших рыцарей «красной совы»... Ласторлах!

Едва кольцо врагов вокруг Шеффри отшатнулось, Мак Дар поймал ненавидящий взгляд Ласторлаха. Карлик поднял что-то из-под ног и с неожиданной силой швырнул в Шеффри. Машинально Мак Дар взмахнул мечом, разрубив летящую в него голову Эдерна, развалившуюся с хрустом, словно переспелая тыква.

Внезапно карлик сменился в лице, словно что-то вспомнил, что-то важное и ужасное. Он зычно отдал команду и вся стальная конница ломанулась с места в галоп в направлении распахнутых городских ворот, давя союзников, топча конями врагов. В считанные минуты последний англ скрылся за стенами Бэлдуна. Лайонцы, смешавшись, кинулись прочь от Тогрип, нанося удары друг другу, убивая на бегу замешкавшихся «своих». За спиной Шеффри пылала башня, начинённая запасённым в огромном количестве готовым порохом.

Очнулся Шеффри в сырой пещере. Он сидел неподвижно, в одних штанах. Старый клеймор без ножен валялся рядом. Обожжённая кожа покрылась пупырышками – было неуютно и прохладно в камнях. На его отёкших от неподвижности бёдрах лежала

Лаурина. Он обнимал девушку и, наверное, долго пребывал в таком неудобном положении – руки тоже отекали, ныла спина. Обнажённая, заботливо завернутая в накидку по самый подборок, она тихо посапывала. Шеффри невольно залюбовался – во сне у Лаури разгладился лоб, расправились дугами брови, медленно и красиво вздрагивали ресницы, чуть раздувались изящные тонкие ноздри. Юноше показалось, что своё – такое милое – лицо постоянно недовольная Лаурина подменяла маской. Он грел девушку своим телом и наблюдал. Вещи Лаурины промокли и сушились возле потухающего костра за спиной Шеффри. Мягкой, тёплой и приятной ощущал он её неподвижность, и какое-то первобытное начало, пробудившееся в нём, рвалось наружу, горячо требовало «растерзать» это умиротворённое, по-женски сильное, дерзкое тело. Она не кричала, не обзывалась, не рвалась, как раненая судорожная мышца – о, как это непривычно и по-настоящему дико – обнимать Лаури! Неужели, вырвавшись из-под жёсткой коры бездушия, она когда-то соизволит принять его столь же близко и так же просто?! И медальон Мак Дара, не золотой... костяной, руна Одина, что спал с груди великана на голову девушки, запутавшись в смоляных волосах... Это знак?

Грохотал гром и дождь лил с такой силой, что, казалось, источит и камни. Как не прислушивался Шеффри, но ничего не мог расслышать, кроме стука капель, хлюпанья и треска догорающих веток.

Так Шеффри и просидел следующее время, пока им не овладела тревога. За ними объявлена охота, они ведь свалились на чужую территорию в прямом смысле. Он смутно помнил как, словно отупевший, вытаскивал девушку из озера, потом выдавливал из неё проглоченную воду, уносил куда-то. У неё – шок и слабость, обычная для женщин, превращающая в трепещущее существо любую, даже сильную духом – хоть командиршу, хоть деревенскую простушку.

Она упала с утёса, который размыло... а может не с утёса, а... Голова Шеффри Мак Дара разболелась, точно в неё изнутри колотили толстыми палками. На всякий случай юноша убрал правую руку от девушки, нащупал верный клинок, и поднял его, рассмотрев покорёженное лезвие, заметив крупный рубец. Конечно, им он отразил атаку... удар Ласторлаха, который чуть не раскромсал Лаури!.. О, ужас! Шеффри завертел головой в fullest отупении, зашарил глазами, напряг душевные силы, настойчиво взывая к памяти.

Была страшная бойня у стен Тогрип. Потом была вспышка и разлетающиеся каменные глыбы. Взорвавшись, монастырь разрушил, наверное, половину Бэлдуна.

Лаурина, что спешила в город, едва услышав грохот, наткнулась на него, бредущего через лес напролом. Шеффри волочил меч по траве – его меч, а не тот, принадлежавший легендарному предку. Перынь не отпустила свою опасную драгоценность в подлунный мир, непостижимым образом подменила сущность на видимость.

Бежавшие рыцари «красной совы» в руках Мак Дара видели именно этот старый клеймор, не понимая сущности *Меча мечей*, приписали эффект смертоносного натиска силе и искусству самого мечника. Однажды они уже опробовали его на собственной шкуре и теперь были начеку, но, ослепленные душеспасительными догматами религии Христа, ничего сверхъестественного даже не могли заподозрить.

Потом была погоня: Лаури подхватила его, контуженного, усадив на коня одного из стражей, – тот привычно пересел к своему товарищу совсем как на изображениях рыцарей-храмовников.

Почему он плохо помнит всё это? Почему приходится буквально вырывать у себя воспоминания?

– Рина!.. – Шеффри аккуратно потряс девушку, разбудил.

– Что-о тво-оришь?.. – пробубнила та лениво, открывая глаза. Вдруг она глухо вскрикнула, изменилась в лице – умиротворение как вихрем унесло – подскочив, вlepила пощёчину и бросилась в драку, шальная, голая, с этой густой чернотой между ног, которую язычники парами ищут на День святого Иоанна¹⁴⁷. Поднялся шум и визг, враги могли слышать! Шеффри схватил её, рывком усадил к себе на колени, в прежнее, располагающее к спокойной беседе, положение.

– Убей меня снача!.. – Лаурина проглотила остаток слова – свободной рукой юный здоровяк насильно захлопнул её рот ладонью.

Так они и просидели некоторое время. Дождь не утихал.

– Нужна ты мне, дурная девка!.. – сплюнул великан, отпустив.

– Хватит! – махнула руками Лаури, скорчившись, будто её укусили. Стыдливо подняла накидку и закрылась. – Где мы? Что случилось?

¹⁴⁷ Праздник Ивана Купалы по-шотландски. *Цвет папоротника* – каламбурный лексический образ: лат. *filix* – *папоротник, сорняк, растительность на теле*; лат. *filius* – *дети, потомство*.

– Мы... – хмыкнул Шеффри. – Дрались в башне с мелким подлым уродом!.. Потом... ты была там... в лесу... Рыцари догоняли, стражники не смогли уйти вдвоём на одной коняге, а твоя поскользнулась над обрывом, и... я тебя вытащил.

– А они?

– На том берегу.

– Почему?

– Разоблачаться не захотели. Они же в латах!

Она покачала головой, с трудом, болезненно напрягая память.

– Мне холодно, пошли к огню. Хворост есть?

Шеффри не ответил, поняв: будет лучше, если снова посидят в тишине.

Но в тишине Лаурина сидеть не хотела. Её тревожили мысли. Почему вспыхнул мятеж? Куда подевался Сефино перед этим? Не связаны ли события? Не этот ли парень, тёплый и сильный, излучающий уверенность, был причиной новой неприятности в её судьбе, причиной провала возложенной на неё задачи? Настойчивые вопросы, упрёки девушки словно разбивались о чудовищную непонятливость, в которую, как в яму, свалился её спаситель. Шеффри, в свою очередь, удивляла и обижала настойчивость, с которой его допытывалась дотошная Лаурина. Прежде, в толстой шкуре Сефино Маклина, юный мечник пропустил бы нападки и обвинения мимо ушей. Он вообще никогда не был тем глухим безразличным покорным воином, коего командиры с лёгкостью могли отправить на смерть. Теперь же Мак Дар понимал – единственное, чем он мог остановить извергающийся гейзер из кислоты и яда, – рассказать Лаурине, всё, что знал о себе...

Немногословный, постепенно Шеффри разговорился.

Тихо, чтобы Лаури помалкивала и прислушивалась, и чтобы не могли расслышать крадущиеся снаружи недруги, юноша вспоминал – кузнеца Гобана, приёмного отца, учителя фехтования, Кьярана из гаэло-норвежского островного клана Маклинов, который наставлял его, мальчика, знакомил со своими чужеземными богами – Одином, Тюром, Бальдром, ведущими по Пути воина. Рассказал Шеффри и о том, что ему снилось в подземелье Тогрип, когда его родовую память пытался пробудить Иоахим. Она была в его снах! Он думал о ней, он заступался за гибнущих товарищей и едва не погиб сам! Лаурина не поверила в пламенеющий «меч Нуаду», но то, как действовал Шеффри Мак Дар в час

нападения «красной совы», выглядело осмысленным и разумным, даже героическим! Лаури посмотрела на Шеффри Мак Дара новыми глазами: вот он, сильный, отважный, заботливый, несчастный...

– Сама-то как оказалась в команде?

Вопрос поразил девушку, она сразу замолчала, прислушиваясь к неустанному звуку дождя. Почему-то подумала о том, что неприятно собирать хворост под дождём.

Детство своё девушка затронула лишь слегка. Ну, деревенская; не горянка, а откуда-то, наверное, из Стратклайда, точнее, уже из Южной Альбы... Их деревню сожгли в междоусобице, родителей убили. Помнила о них мало. А вот как дядюшка-виллан продал её проезжему торговцу – она не забывала. Притом, что рабство норманны отменили ещё триста лет тому назад! Лаури за то возненавидела дядю, хотя понимала: были неурожаи, жилось трудно, а монастырская пошлина за гайду земли уже была просрочена. К тому же покупатель выглядел человеком благородным, добрым; такой нежностью лучились его глаза, стоило взглянуть на тогдашнюю одиннадцатилетнюю девочку Ринеке! Пожилой, но крепкий мужчина, при обозе, слугах... Он намеревался обучить девочку грамоте, приспособить к торговле, наделить приданым, познакомить с людьми состоятельными, заслужившими уважение, добившимися многого. К тому же увозил-то её для первого раза ненадолго и недалеко, года на два в город, а до него, в соседнем маноре, миль тридцать от фермы... Там его знал каждый, лишь стоило спросить скупщика шерсти Брэндона Брэнигана. Тётя Олуин сначала отказалась отдавать племянку, но потом решила, что так будет лучше и для неё и для них. Чему Лаурина может научиться у нищих? Разве что – воровать кусок у двоюродных братьев и сестёр?..

«Богач Брэ¹⁴⁸» – так «за глаза», с намёком на месторасположение главного его «богатства», иронично называли «благотворителя» два вооружённых человека, сопровождавшие лично его. Они обучены искусно убивать – в пути тихо предостерег девочку её «новый папа». Ехали недолго, остановились в таверне, где «богач Брэ» заплатил за ночлег. Там и раскрылась сущность «великодушного человека». Он заставил девочку переспать с ним, а затем и подготовиться к её будущей роли – тоже получить «опыт» у тех двоих. А сам наблюдал с омерзительной улыбкой, посасывая эль. Лаурина почувствовала, что ничему, кроме удовлетворения мужчин, её не научат. Оставалось бежать, и она решила предпринять побег на следующий день, прямо в лесу. То ли

¹⁴⁸ Брэ - мужское нижнее бельё, появившееся в XIII веке, длинные, до колен, широкие штаны из льняной ткани, к которым на подвязках крепились чулки-шоссы. С изменением моды и укорочением верхней одежды превратились в подобие современных трусов-«боксеров».

звёзды благоволили, то ли Бог помог – неизвестно, но на обоз «богача Брэ» напала шайка разбойников. Половину наёмников из сопровождения обоза перебили сразу, вторая часть спаслась бегством. Сам старый развратник остался подле своего товара, он был уверен, что сможет договориться с молодым предводителем шайки – Фэрганемом Таурусом. Но «горностаи» всё понял вмиг, стоило ему взглянуть на девчущку. Он вложил в руки Лаурине меч и отдал жизнь «богача Брэ» на её строгий суд. Девочка, не думая, зарезала обидчика. Она помнила красивое и ясное лицо Фэрганема, осиянное рассветом бледно и мягко. Такое спокойное, обнадёживающее выражение хранило оно, когда лесной молодец смотрел и говорил со своими боевыми товарищами. Большой и великолепной ей показалась смоляная коса предводителя – он тогда носил косу – своей толщиной и длиной она походила на ту, что носила её мама. Тогда он с улыбкой заглянул ей в глаза, коснулся её холодных рук своими тёплыми, даже горячими, и произнёс:

– Захочешь домой – скажи!

В назидание другим он поднял меч убитого и запустил в ближнюю сосну. Стало ясно, что никто не притронется к ней. И слова его, обещания, всегда звучали верно и крепко. В ночёвках на свежем воздухе, в постоянных тренировках и в обществе грубых мужчин-воинов сердце Лаурины огрубело, а тело стало сильным. Слабости она допускала редко. В родное селение вернулась нескоро – и только ради того, чтобы попрощаться с прахом родных, сказать могильным камням:

– Я нашла, что искала!

– Таурус не любит женщин? – догадался Шеффри.

Лаурина покачала головой, огорчённо, потупив взор.

– Он предпочитает отдаваться старым графам... – ответила она, сморщив нос. – Наёмников содержать на что? – влажно поблёскивая, её глаза горели пламенем костра.

А в сапфировых глазах Шеффри Мак Дара отражалась холодная синева моря и нездешнего ясного неба, он был поразительно спокойным. Хотелось врезать ему снова по заросшей щеке. Он, казалось, запирали эмоции в дальний угол обиталища души как на замок.

– Что мы теперь будем делать? Куда идти? – волновалась Лаури.

– Перехватим городского, узнаем, как там. Если остались в живых Миддий, Сарих – они нас, наверное, ищут. И, знаешь, хочу побывать на развалинах. Возможно, там моё «Место Силы»... нынче ведь валлийский праздник равноденствия, Мабон. Полагается посещать гробницы...

– А как же Тaurus? Надо идти навстречу нашим!

– Разминёмся. Попробуем достать их иначе: кромлех перенесёт нас в Старые Холмы близ Арнейл. Там мы отряд и дождёмся, неспроста же было мне видение!

– В твоём сне был Миддий, – вспомнила Лаурина.

– Значит, Миддий жив. – Уверенно заключил Шеффри Мак Дар.

Дождь прекратился к вечеру, и над лесом стояло жаркое марево, багрово-розовое в свете увядающего дня. От запаха мокрой хвои свербело в носу. Слабость Лаурины ещё не прошла, скакать резвой козочкой девушка не могла, а спутник торопил, ворча: никогда больше не прыгнет за ней, пускай хоть в бездне сгинет. Жара казалась невероятной, движения давались девушке с трудом. Лоснились от пота оголенные плечи, она дышала часто и тяжело. Ещё немного, и Шеффри потащит «худую кобылу» на себе, или волоком за волосы, как мешок.

В лесу слышалось множество голосов, замелькали во множестве горящие факела. Гаркали на гаэльском и, судя по огням, окружали. Лайонцы? Как заметили-то? Эх, если бы она, Лаурина, пошевеливалась, сбежали бы наверняка, скрылись в ночи в глубине леса.

– Враги, не уйти! – задохнулась Лаури, согнувшись на корточках, жалкая, как ребёнок. Её мутило, тошнило кровавой слюной, нестерпимо колело в боку. Она была согласна погибнуть, не в силах двигаться.

Да что с вами, женщинами-воинами, вечно творится! Мак Дар разозлился не на шутку. Подняв её, толкнул на узкую тёмную тропу, шедшую в обход.

– Вали отсюда! Чутьём найду! – рявкнул молодой великан, потемнев, нахмурившись. Он оскалился, гулко ударив себя в грудь рукоятью меча. Отвернулся, стал к ней спиной, принял боевую стойку. Он снова превращался в дикаря, теперь готовясь отразить атаку, задержав нападающих. Поднявшись на ноги, девушка услышала:

– Возьму сполна!

Безоружная, Лаурина бежала со всех ног, преодолевая тошноту и боль, обострившуюся под рёбрами справа.

Отвлекающий погоню Шеффри отошёл к толстому стволу старого ильма, якобы приготовился продать жизнь подороже – среди напавших находились и лучники. Ловчих сбежалось много. Десятка четыре пылающих факелов только что показалось на тропе и между деревьев, а топот и голоса раздаваться не переставали. Человек шестьдесят-семьдесят, главное – держаться на ногах! И не забывать правило: «Один удар – один труп!». Срывались они в атаку по несколько человек, по команде. Их подгонял криками, зычной руганью, громкоголосый крепыш в лёгком доспехе, одноглазый и, похоже, тупой – коли отправлял первыми на смерть бойцов, что помоложе. Шеффри не щадил никого. Рубил он сверху вниз, слева направо, огромный меч и теснота не позволяли виртуозных манёвров. Положив, наконец, десяток неосторожных, он отдышался. Крепыш выбирал следующую партию смертников, а малоискусные горожане-лучники даже при освещении цели транжирили стрелы. Стрел у них оставалось мало, это было заметно по тому, как тщательно, до дрожи, натягивая тугие тисовые луки, долго целились. Встав боком, прикрыв жизненно важные части тела мечом, Шеффри получил стрелу только в плечо и в икру. Пошла кровь, великан знал, что вот-вот станет медлителен и тогда пропадёт, как загнанный волками олень.

От этой мысли отчаянный «олень», наклонив голову, пошёл в нападение и, ворвавшись в ряды «волков», одним круговым движением оружия, оборвал жизни многих. Крепыш-командир послал против него «кабана», свирепого, приземистого, с маленькими свинячьими глазками, единственного из всех, закованного в тяжёлый панцирь, здорового, жирного, с цепью... Её Шеффри разрубил в два счёта, на фазе удара – так, что шипастый «клубень» на конце боевого цепа улетел во врага, словно из пращи, переломав кости одному-двум неудачникам. Крепыш орал горлохватом, срывая голосовые связки, скаля гнилые зубы, но сам сразиться не хотел.

Да, их искали. Верно предположил Шеффри, хоть бы он уцелел! Хоть бы Пресвятая Дева сберегла его, язычника. Лаурина окончательно выдохлась, не могла бежать – плелась, храня в душе какой-то трепет, ужасный и прекрасный одновременно.

– Ги-де Сефиро по-ошёр? – тряс Лаурину Миддий. Его некрасивая тучная фигура – надежда на спасение! Следом, спотыкаясь в темноте и ругаясь, нестройной толпой бежали соратники – кто на скакуне, кто на ногах – все одинаково резво неслись на помощь. Два десятка рыцарей Ордена Храма в чёрно-белых плащах сопровождали разношерстный отряд ополченцев, собравшийся вокруг лекаря и Лаурины. Горожане Бэлдуна, стоявшие за них насмерть против Ласторлаха и лайонского фирда¹⁴⁹, выбравшиеся из под трупов и каменных завалов, раненые, обожжённые, контуженные, вооружённые, чем попало, одетые кто во что горазд.

Бледно-синяя полоска зари прочертила тонкую линию между чёрным небом и холмами, заросшими мрачным лесом. Совы, сычи, неясны, гоняясь за летучими мышами, то и дело пронеслись наперерез конному отряду. Слишком уж много их развелось в хвойном лесу: видно, не к добру мчала в ночи лесная тропа отряд Миддия и Лаурины. Душа девушки исходила криком, звала: быстреей, быстреей!

Вон он – сидел у дерева, запрокинув голову назад, опираясь спиной об огромный комель утыканного стрелами старого растрескавшегося ильма, забрызганный кровью, засохшей уже, тёмной. Бледным было его неподвижное лицо, заросшее щетиной, грязное, неестественно спокойное и осунувшееся. Большой меч лежал у него на коленях, тоже тёмный, искупанный в крови. Казалось, пройдя полмира без привала, усталый герой наконец-то уснул. Скупой утренний свет, сочился сквозь качаемые лёгким ветром ветви вяза, и кривые тени, трепещущие, серые, блуждали по израненному телу Шеффри Мак Дара. Каким-то чудом осталась не тронута кровью костяная подвеска Одина на его голой груди, проткнутой сломанной стрелой...

Занимался рассвет. Скрипучую повозку качало вправо-влево, Рэнулф плакал навзрыд, словно и вправду отец умер на его глазах. Шеффри молчал, улыбался в усы, щурил единственный глаз.

– Не всё реально, что видимо, сынок, – проронил Мак Дар.

¹⁴⁹ Земское ополчение в средневековой Англии, милиция, известная у гаэлов как *фиан*. Здесь применено условно, для отличия от фиана Фэрганема Тауруса.

ТРОЛЛЬ и «АНТИМОЛЬ»

Существует в среде пишущей братии такое, с позволения сказать, амплуа – «литературный тролль». Исторически этот персонаж, тролль то есть, – заимствование из языка жителей древней Скандинавии, в котором он обозначает просто человека, посредством колдовства (*Troll* – швед. очарование, колдовство) обращённого в рабство, а посему лишённого личного достоинства, то есть *обезличенного*. Таким обезличенным троллям поручалась самая нудная, тяжёлая и унижительная работа. Рабами становились иногда добровольно-принудительно, если не могли отдать долг. Соответственно, с большой вероятностью можно ожидать от рабов коварства и злобы по отношению к их хозяевам, свободным папам карлам (*karl* – др. – исл. свободный человек, не из знати).

В наше время *троллинг* распространён, в основном, в социальных сетях, и означает развлечение *обезличенных* пользователей, устраивающих кому-либо *травлю* (англ. *trawling* – англ. ловля на блесну). *Троллинг* – занятие дотошных и злобных, безответственных любителей поразвлечься, наблюдая или же предвкушая чьи-то душевные страдания. *Троллю* по природе его не дано наслаждаться собственным производительным творчеством, он реализует себя в бытовых пакостях.

Однако, перефразируя известную поговорку, на всякую *троллью блесну* найдётся хитрый налим! С тех пор, как писатели осознали творчество как *диалог с читателем* (а толковый *тролль* – также читатель, въедливее не найти!), в такой специфической дисциплине, как текстология проявилось понимание авторского текста как единого целого, принадлежащего писателю, в котором *автор* делегирует часть своих полномочий «заместителю» – закулискому персонажу, что называется *рассказчиком*. Туповатые по природе, *тролли* этого разделения не учитывают, поскольку не замечают. Как правило, нападая на автора, они бультерьером вцепляются в «куклу» и треплют её, давясь ядовитой слюной.

Впрочем, сравнение с активным, агрессивным, энергичным, полным яростной злобы собачищею *троллю* лестно. На самом же деле, сутью своей, он сродни обыкновенной

моли – бледной, но прожорливой. Моли глубоко пофиг, сколько стоит шуба вашей жены, которую она долго выпрашивала у вас, ещё дольше выбирала в магазине, и за которую вы, быть может, ещё выплачиваете кредит с грабительским процентом. Моли безразличен фасон, модные фенечки, мнение ваших знакомых и подруг вашей жены. Моль чует шерсть и хочет жрать. Но творческая часть человечества, которая умнее моли, выдумала средство от этого сатанинского подobia божьей бабочки и теперь мнение владельца вещи на предмет её гастрономических пристрастий не учитывает разве что моль, питающая склонность к самоубийству.

Текст художественного произведения, если оно талантливо, достаётся автору порой ничуть не меньшей «кровью», чем пресловутая шуба. Текст является приглашением читателя к заочному общению с автором, причём автор ищет «своего» читателя, задавая исходные параметры такого общения – тему, форму, стиль изложения. Литературных *троллей*, как правило, писатель к столу не ждёт, но иной бережётся, добавляя к прочим параметрам общения такой «антитролль» – информативную ловушку для невнимательных короедов. Этот приём я недавно встречал, перечитывая Вальтера Скотта, но происходящим событиям, говорят, свойственна парность – подобное внезапно обнаружилось у молодого омского прозаика Виктора Власова, по поводу творческих успехов и неудач которого уже неоднократно высказались такие писатели, как Владимир Тыцких, Александр Плетнёв, Лев Трутнев, Николай Березовский, Виктор Богданов и Вероника Шелленберг.

О творческой личности Власова В.В., отметившегося на страницах ряда российских литературных журналов и газет, в блогах и на сайтах, принадлежащих обеим писательским организациям Омска, спорят. Есть повод! Виктор Витальевич опубликовал множество замечательных эссе о коллегах по литераторскому цеху, явил разножанровую прозу. Качество работ Власова не всегда удовлетворительно (из-за чего и споры), но в Омске нет молодого писателя, который бы представил столько качественной прозы и публицистики, нет автора, который бы привлёк столько внимания писателей разного масштаба. Кое-кто в его защиту даже «идёт на таран» на уровне газеты «Литературная Россия»[☐]. Как журналист-«художественник», на кураже В.В.В. способен создавать произведения интересней и качественней, нежели иной корреспондент газеты с большим стажем. Часты публикации Власова в глянцево-общероссийском журнале «Наша молодёжь» гендиректора издательства «Голос-Пресс» Петра Фёдоровича Алёшкина.

[☐] Статья главного редактора журнала «Вольный лист» Ивана Тарана, опубликованная в газете «Литературная Россия» №14. 06.04.2012 – «За что обматерили картины Малевича? Союз российских писателей и обыкновенная уголовщина».

Виктор Власов не только реалист, не только тот, кого хотят в нём видеть члены союзов писателей – он и автор, работающий в нетрадиционном для провинциальной глубинки особом историческом жанре, который оформился как таковой недавно, даже «недооформился» ещё, не освободился от политического душка и нечётко размежевался с пустообрёхством фэнтези.

Я вообще любитель оригинальности в определённых моралью рамках, потому вижу иной раз не совсем то, что автор хотел написать, а то, как он писал и то, что у него в итоге получилось. Прежде я обратил внимание Виктора на художественную значимость *подтекста* литературного произведения («Интрига в подтексте»), заострив внимание на соответствии деталей, из которых автор созидает образы своих персонажей. Несоответствие деталей даёт внимательному читателю повод предполагать наличие «вне области восприятия» совершенно иных событий. Вероятно, осмыслив мою иронию в его адрес как *троллинг*, Виктор Витальевич решил сочинить повесть специально для меня и для омских гурманов нереалистичной прозы, поедающих и ГМОшное фэнтези, чтобы отвязались, наконец. Время такое – натуральная морковка, выращенная у себя в огороде, не только слаще нашпигованной ускорителями роста магазинной, но и полезнее для здоровья.

Сюжет повести «Под стопой Одина» строится вокруг любимой В. Власовым темы социализации неадекватного человека. Главный герой, Шеффри Мак Дар, обладает невероятной внутренней мощью, он сродни друидам или старо-ирландским святым (Синах Мак Дара, к слову, реально почитаемый на Западе Ирландии «святой» VI века Н.э., покровитель рыбаков, построивший часовню на острове *Cuach-na-Caunra*). Однако, несмотря на это, Шеффри увечен – он искалечен от рождения заклятьем повитухи и его присутствие вместо благоденствия приносит окружающим несчастья. Погибают его родители, сходит с ума приёмный отец кузнец Гобан; Шеффри также по неосторожности (?) убивает своего учителя фехтования гаэло-норвежца Кьярана, который отдал его под покровительство чуждых богов – Одина и др. Шеффри – герой-одиночка, которого подбирает некий благородный авантюрист и использует как самостоятельную боевую единицу для «точечных» операций. Собственно, воинственность и уникальность его как бойца по странному стечению обстоятельств оттенены созвучием имени *Мак Дар* и одной из техник контактного боя – *дар мак* (смертельные удары по уязвимым точкам на теле). Другая ипостась главного персонажа, безумца и убийцы, как бы в насмешку названа именем Сафир. Но при внимательном анализе образа обнаруживается – и это «второе» имя не случайно! Внутри Шеффри Мак Дара – Сефи́ро, как его назвал лекарь-китаец

Миддий, а за ним подхватили прочие – спит до поры добрая сила защитника и дружелюбие, несмотря на грубое, отталкивающее поведение, нежное сапфировое сияние глаз притягивает к нему товарищей. Грубость – оказывается всего лишь подростковой неуклюжестью, ведь «здоровяку» всего-то лет пятнадцать от роду. Ненависть любимой девушки, неприятие товарищей по отряду – всё это, в конечном счёте, оказывается преодолимо, если человеку помочь раскрыть истинную сущность – утверждает Виктор Власов. Такое представление для народной культуры в целом – глубинное ожидание, архетип души. Мы ведь подсознательно, как сказал бы знаменитый психолог Эрик Берн, с уровня *археопсихики*, надеемся, что нас поймут, спасут, примут, что мы способны преодолеть свои несовершенства каким-нибудь *волшебным* образом. Потому излюбленные у всех народов волшебные сказки всегда утверждают, что Добро непобедимо.

В имени заключена судьба – это подтверждается сюжетом повести «Под стопой Одина» неоднократно. Для того чтобы проиллюстрировать особенность, бывшую одной из основополагающих в народной культуре, автор выбрал самый подходящий, на мой взгляд, географический регион и даже историческую эпоху – Высокое (или классическое) Средневековье Шотландии. Имена персонажей, непривычные для слуха русскоговорящих читателей, чётко соответствуют их роли. Авантюрист, главарь отряда наёмников, Фэрганем Таурис – буквально переводится «человек без имени», образ собирательный, воплощение Фингала, легендарного героя, предводителя фениев ирландских народных сказаний. Бальи (судья и воевода области) Гилливрэй де Росс – буквально «служитель закона». «Богач Брэ» – вообще «говорящее» имечко – не просто тождественные первые слоги имени и фамилии этого персонажа, а вся его истинная сущность «сексуального извращенца». Дёран – тоже хитрый авантюрист, использующий авантюру Тауриса и Росса в собственных корыстных интересах, остающихся неизвестными даже читателю – буквально «беглец, изгнанник». По-моему, очень тонкий манипулятивный приём, в духе прозы Виктора Власова, в полном соответствии с его профессией педагога.

Читателям, привычным относить появление «колдунов» и «драконов» в тексте к жанру фэнтези, может показаться, будто и эта повесть из того же самого, набившего уже оскомину книжного ряда. Но для изложения сюжета молодой автор выбрал достаточно редкий, современный жанр – фолк-истори. От фэнтези этот жанр литературы отличается несколькими параметрами, главным образом, наукообразием (вероятно, сей «кирпич» изначально летел в мою скромную персону). Конструктивно повесть «Под стопой Одина» своего рода «стилизация», о чём Виктор Власов счёл необходимым поведать «от автора».

Любопытно, что не он является первооткрывателем – поделками такого рода изобилует... именно традиционный фолк-хистори, только в прошлые века он так не назывался. Ярчайший образчик жанра – поэма Джеймса Макферсона «Оссиан». Писатель попросту собрал все доступные ему народные бардовские баллады и скомпоновал их в один связный сюжет, игнорируя многочисленные разночтения и нестыковки, изобилующие в оригинальных текстах, да ещё и приписал своё авторство Ойсину, сыну Фингала, легендарного вождя фениев, тоже барду и воину.

Нестыковки и нелогичности в сюжете, на которые с аппетитом накинется любая моль от литературы, не разбирая, какого «фасона» текст перед ней, как раз и характерны именно для народной литературной традиции, под которую стилизована повесть «Под стопой Одина».

Даже если уверенно утверждать, что всё от начала до конца – авторская выдумка, повесть остаётся в рамках заявленного жанра. Большое количество ссылок, компиляции, граничащие с плагиатом, выражение в ремарках несогласия с мнением рассказчика (совершенно по В.Скотту!) – не характерны для самостоятельных произведений Виктора Власова, тем больше верится заявлению, будто бы он переводил этот текст с некоего оригинала на староанглийском языке. Но тема-то и конструкция образов определённы «власовская»!.. А это – плод «адаптивного изложения»... И к чему здесь прикопаться?

Кстати, в повести объединены множество реальных исторических фактов, чётко показано отличие шотландцев от англичан, даже названы настоящие причины противоборства – радикальное различие истоков культуры кельтских и германских народов. На фоне реализма исторических событий и отношений персонажей (старый балль провинции Лох-О, Нейл Кэмпбелл, или предпринимающий поход за дефицитной в те времена составляющей пороха, селитрой, отпрыск клана Росс и др.) чужеродными выглядят «чародейские манипуляции», но вера в чудеса такого рода, в сверхъестественное, не просто присутствовала в средневековых умах – она была составляющей обыденности, а потому Виктор Власов здесь ничуть не погрешил против стиля художественной литературы, именуемого «реализм».

Евгений Барданов

